Альфред

АДЛЕР

классики психологии

Очерки по индивидуальной психологии

КЛАССИКИ ПСИХОЛОГИИ

Альфред АДЛЕР

Alfred

ADLER

Psychotherapie und Erziehung

FISCHER TASCHENBUCH
VERLAG
1982

Альфред

АДЛЕР

КЛАССИКИ ПСИХОЛОГИИ

Очерки по индивидуальной психологии

Перевод с немецкого

Когито-Центр
Москва
2002

УДК 159.9
ББК 88 А
31

Перевод с немецкого, научная редакция *А. М. Боковикова*

А. Адлер
А 31 Очерки по индивидуальной психологии / Пер. с нем. — М., «Когито-Центр», 2002. —220 с. (Классики психологии)

УДК 159.9
ББК 88

Альфред Адлер — знаменитый австрийский психолог и педагог, основоположник одного из наиболее известных направлений глубинной психологии.

Автор излагает основные положения своего детища — теории индивидуальной психологии. С позиций собственных представлений о движущих силах развития человека — стремлении к власти и чувстве общности — он рассматривает механизмы формирования невротической психики, в том числе связанные с ошибками воспитания, а также главные цели и методы терапевтической работы.

Книга адресована психологам, педагогам, студентам психологических вузов и всем, интересующимся проблемами психологии.

ISBN 3-596-26746-3 (нем.)
ISBN 5-89353-050-0 (рус.)

Содержание

Индивидуальная психология

Под таким названием ныне получила широкое распространение основанная автором настоящей статьи наука о познании человека. Этим она обязана в первую очередь своей пригодности при работе с трудновоспитуемыми, запущенными детьми и при лечении нервных людей. Но также все больше признаются ее ценность для профилактики этих отклонений в душевном развитии, ее воспитательное значение, и, пожалуй, сегодня нет уже ни одного направления в исследовании психики, которое не соглашалось бы с нею в важнейших пунктах. Несмотря на критику, которой вначале подверглась эта теория со стороны недостаточно ориентированных оппонентов, до сих пор не было надобности в каких-либо существенных изменениях ее научных основ.

Свою первую задачу она видела в более правильном освещении проблемы души и тела. В своих исследованиях она исходила из данных биологии и медицинской патологии и констатировала *(Adler,* Studie uber Minderwertigkeit von Organen. Wien 1907, Verlag Urban u. Schwarzenberg), что ребенок на собственном опыте узнает свойства и возможности своего организма и в условиях длительного переживания *чувства неполноценности* стремится обрести чувство полноценности, цельности, превосходства над природой и социальными отношениями. К этому *стремлению к в л а с т и* , усилившемуся соответственно ощущению своей недостаточности и внешним трудностям, присоединяются задающие направление тенденции, которые пытаются развить все присущие индивиду силы и возможности в соответствии с некой смутно осознаваемой им целью достижения совершенства. Все, что мы обнаруживаем позднее в виде душевных процессов, движений, форм выражения и т. д., способностей и «дарований», проистекает из этой *индивидуально* осуществляемой тренировки, из творческой энергии индивида, которая в своих

поисках и заблуждениях устремлена к фиктивной конечной цели, к своему финалу. Поэтому у нас есть полное право называть нашу науку индивидуальной психологией.

Однако творческие стремления ребенка также осуществляются в индивидуально данном внешнем мире, создающем индивидуальные препятствия. Поэтому, как только ребенок начинает свое восхождение к конечной цели, соответствующей Я ребенка, обретенному им уже в первые два года жизни, все душевные феномены представляют собой *ответные установки,* зависящие от степени напряжения, которое ребенок испытывает в определенной ситуации. Следовательно, важнее всего не абсолютная значимость его органов и их функций, а их относительная ценность, их связь с окружением. Поскольку и она воспринимается ребенком индивидуально, то в качестве основ душевной структуры ребенка мы должны принимать в расчет не абсолютные значения, а впечатления ребенка, которые из-за огромного множества влияний и заблуждений нельзя объяснить каузально; их можно понять, лишь прочувствовав и постигнув *индивидуальный стиль жизни.*

При этом безусловно необходим подход, вскрывающий конечные цели человека. Не говоря уже о том, что мы вообще не можем рассматривать человека иначе, как единое существо, то есть как целесообразно и планомерно действующее целое, жизнь человека и все его действия предполагают постановку постоянной и единой цели. Постановка цели, необходимая для жизни и каждого самого незначительного движения, обусловливает единство личности и ее индивидуальную форму, жизненный стиль. Телеология душевной жизни человека основывается, таким образом, на имманентных закономерностях, но в своих особенностях является творением индивида.

Если бы нам была известна цель человека, которая в вышеуказанной форме — преодоления трудностей — предстает перед нами слишком расплывчатой, то мы могли бы понять и объяснить то, что хотят нам сказать душевные феномены, почему они возникли, что человек создал из своего наследственного материала и почему он сделал так, а не иначе, каковы должны быть черты его характера, его аффекты, чувства, его логика, его мораль, его эстетические чувства, чтобы он смог достичь своей цели. Мы могли бы также понять, почему и как далеко он отклоняется от того, что для нас является нормой, если бы мы сумели, например, установить,

что его цель слишком удалена от нашей цели или вообще от абсолютной логики *совместной жизни* людей. Ведь мы можем узнать знакомого композитора по неизвестной нам мелодии, а по форме завитка архитектурного украшения — определенный архитектурный стиль, всякий раз благодаря взаимосвязи части с целым. Сделать вывод о жизненном пути человека в такой художественно завершенной форме удается очень редко. Убогая типология ничего нам не говорит об индивидуальных ошибках. Если бы мы могли из завитков и мелодий человеческой жизни сделать вывод об индивидуально постигнутой цели человека, а затем выяснить весь его жизненный стиль, то тогда мы могли бы почти с математической точностью создать почти такую же надежную классификацию, как в естественных науках, и мы могли бы на деле доказать ценность индивидуально-психологического исследования, могли бы сказать, *как поведет себя человек в определенной ситуации.*

В неустанной работе индивидуально-психологической школе, похоже, удается решать эту задачу (см. *Adler,* Über den nervösen Charakter; Praxis und Theorie; Handbuch der Individualpsychologie; Heilen und Bilden). Система, которой мы сегодня располагаем, чтобы установить конечную цель и жизненный стиль человека, будь то ребенок или взрослый, трудновоспитуемый или невротик, построена на эмпирически полученных фактах, которые могли быть доступны каждому, но которые благодаря нашему телеологическому подходу и рассмотрению во взаимосвязи мы все же сумели представить точнее, сопоставить и систематизировать. Мы научились в любом душевном движении видеть одновременно прошлое, настоящее, будущее и конечную цель, а также ситуацию человека в раннем детском возрасте, когда зарождалась его личность.

Течение жизни, в том числе и в ее психических проявлениях, представляет собой движение, направленное к финалу. Если в этом воззрении мы видим больше чем метафору, если мы принимаем это утверждение всерьез, то из него следует вывод о том, что под давлением конечной цели каждое отдельное душевное движение упорядочивается в единую линию поведения и подготавливает каждое следующее за ним действие. Глубочайшим смыслом всего поведения является, однако, достижение целостности. Вследствие этого любой шаг на жизненном пути представляет собой одновременно планомерное осуществление стремления к дополнению, *компенсация* же имеет задачу возместить минус, «снизу» попасть «наверх».

Таким образом, это компенсаторное движение, глубочайший смысл человеческой жизни, представляет собой творческую силу. Она создала культуру как средство сохранения человеческого рода, и точно так же она создает все формы выражения *я жизненный стиль* индивида как ответ на давление внешнего мира, как *средства безопасности* и как неустанные попытки установить баланс во взаимодействии между человеком, землей и обществом. Следовательно, конечной целью всех душевных стремлений является достижение уравновешенности, безопасности, приспособления, целостности.

Установление такого согласования или рассогласования происходит, разумеется, не по научным, математическим принципам, а на основе индивидуального впечатления, которое опять-таки целиком и полностью зависит от индивидуально конкретизировавшейся конечной цели совершенства. В зависимости от того, в чем индивид, приспосабливаясь к реальности, видит свою конечную цель, в какой роли он видит себя (в своих детских фантазиях или при выборе профессии) — в роли кучера, лошади, генерала, врача, оказывающего помощь, или спасителя человечества, — так он и будет относиться к своей позиции. За всеми этими реально понятыми, «конкретизированными» конечными целями стоит все то же творческое стремление индивида достичь компенсации, приспособиться к реальной жизни и, прежде всего, его мужество и доверие к себе. Все это обусловливает также его поведение, его позицию, его поступки, или, говоря традиционным языком психологии, его характер, его темперамент, его аффекты, его чувства и волю, узость и широту его логики, направленность его внимания и его действий. В качестве последней, решающей инстанции в этой системе отношений мы можем предположить *ч у в с т в о собственной ценности* или *чувство личности,* большая или меньшая степень удовлетворения которого определяет действия индивида в отношении своих индивидуально понимаемых жизненных задач.

Во всей этой системе отношений нет величин, которые можно было бы рассчитать математически. В последующей жизни индивида значение имеют не данности его телесного или психического материала, не наследственные способности, а только их использование в рамках приобретенного в первые три года жизненного стиля. Так, например, «акустическая способность», если считать ее способностью, может остаться совершенно неразвитой из-за чрезмерного или недостаточного присмотра за ребенком.

Или же ее можно пробудить, точнее сказать, создать благодаря правильному обучению и надлежащему обращению. Биограф Карла Великого рассказывает, что, несмотря на все старания, тот так и не смог научиться чтению и письму из-за отсутствия прирожденных способностей. С тех пор как мы используем различные методы обучения, например метод Песталоцци, мы уже не придаем большого значения таким способностям. И если мы принимаем в расчет индивидуально-психологическую позицию и учитываем предшествующее обучение индивида, непрерывную мужественную борьбу с трудностями и раннее начало соответствующей тренировки, то вместо безмолвного поклонения гениальным достижениям мы приходим к постепенному пониманию их возникновения.

Точно так же мы должны отвергнуть причинное значение ситуации, среды или переживаний ребенка. Их значение и действенность проявляются, так сказать, только в *промежуточном психическом обмене веществ.* Они ассимилируются ранее приобретенным жизненным стилем ребенка. Потому и случается так, что в очень нравственной семье вырастает вредитель, а в семье тунеядцев — полезный член общества. Никогда одно и то же событие не переживается двумя разными людьми одинаково, и человек извлекает уроки из опыта лишь настолько, насколько это позволяет ему его жизненный стиль. Разумеется, делать абсолютно правильный вывод и ему следовать человек не может. И маловероятно, чтобы существовала причинность в огромном царстве заблуждений. Поэтому, а также из-за неимоверного многообразия конкурирующих поводов стремление осуществить в душевной жизни каузальный подход вряд ли есть нечто большее чем благое желание.

Таким образом, всю жизнь и все отдельные формы ее выражения пронизывает та единая линия действия, которая лежит в основе индивидуальности. И, следовательно, любое душевное явление всегда означает нечто большее, чем находит в нем здравый смысл. Только во взаимосвязи со всей системой отношений можно узнать, означает ли ложь хвастовство или увертку, является ли пожертвование выражением сострадания или мании величия, а соболезнование — выражением чувства общности или высокомерия. Одни и те же звуки у Листа и Рихарда Вагнера говорят о разном. Все формы душевных проявлений определяются стремлением к превосходству. Но все они несут в себе индивидуальные нюансы этого стремления и имеют разную степень *чувства общности,* которое связывает этого индивида с другими.

Последнее, данное человеку от рождения, требует постоянного развития начиная с самого раннего детства. Не развиваясь, индивид сталкивается с трудностями в своем приспособлении к человеческому обществу. Не дань общественным условностям заставляет нас делать этот вывод, как полагают некоторые недальновидные люди, и не наше личное желание или убеждение, что лучшие дни человечества наступят лишь с развитием чувства общности. Мы отнюдь не можем похвалиться оригинальностью этого утверждения. Все религиозные, правовые, государственные, социальные институты всегда представляли собой, по сути, попытку сделать совместную жизнь людей легче и лучше, предписать индивидам формы жизни, которые, похоже, обеспечивают сохранение человеческого рода. К этому же стремится и индивидуальная психология, разве что она больше других указывает на препятствия, стоящие на пути распространения чувства общности, и ищет лучшие методы.

В жизни нет иных истинных ценностей, кроме тех, что обусловлены чувством общности. Пожалуй, можно назвать лишь единственное ценное достижение, которое имеет иное происхождение, но все равно является ценным с точки зрения общества. Речь идет об обусловленном слабостью чувстве неполноценности ребенка, которое усиливается и растет, когда он осознает или смутно ощущает свою недостаточную ценность для общества.

Каждому теперь становится ясно, что любое усиление стремления к личной власти наносит ущерб развитию чувства общности. Подобный недостаток, однако, существенно влияет на душевное развитие, на жизненный стиль ребенка, ибо с чувством общности тесно связаны важнейшие психические функции. Речь, разум, мораль, эстетические чувства для своего формирования и развития требуют связи с ближним. Умение обходиться с людьми и разбираться в людях являются необходимыми предварительными условиями преуспевания в обществе. Этим нельзя овладеть теоретически. И так как настоящее счастье неразрывно связано с чувством того, что человек что-то *дает* другим, то становится ясно, что *социальный человек* будет счастливее обособленного человека, стремящегося к превосходству. Индивидуальная психология особое внимание обращала на то, что все несчастные, дурно воспитанные и невротичные люди вырастают из тех детей, которым не было суждено развить свое чувство общности, а вместе с ним также *мужество,* оптимизм, веру в себя, имеющие своим непосредственным источником чувство принадлежности к обществу.

Это чувство, которое никто не вправе оспаривать, в отношении которого нет ни одного контраргумента, может быть приобретено только в совместной игре, в совместной работе, в совместной жизни, благодаря тому, что человек становится полезным для других, и это порождает устойчивое, реальное чувство собственной ценности. Степень принадлежности к обществу определяется решением трех жизненно важных вопросов: в отношениях между Я и Ты, в продуктивной деятельности и в любви. В том, как индивид приступает к решению этих вопросов, какую дистанцию он занимает по отношению к ним, как он уклоняется от их решения, — во всем этом отчетливо проявляется стиль человека, особенно тогда, когда он стоит перед необходимостью немедленного решения. Можно легко увидеть, что тот, кто надежно укоренен в обществе, то есть подготовленный человек, сохраняет здесь свое мужество и решает проблему с пользой для другого. Иначе обстоит дело с другим типом людей, которым человечество и все его проблемы кажутся чужими и далекими. Слишком много занимаясь собой и своей личной властью, но все же будучи зависимым от мнения других, которые, как ему кажется, желают ему зла и чаще всего воспринимаются врагами, не веря в свою победу и с еще большим страхом ожидая поражения, такой человек вдруг обнаруживает, что его непомерное честолюбие бесцеремонно встает перед ним и преграждает путь вперед, из-за чего он не может избежать поражения. Поэтому для нас нет ничего удивительного в том, что среди огромного числа таких людей можно обнаружить всех тех, кто испытывает растущее чувство неполноценности. Ибо ничто так не мешает развитию чувства общности, как сильное чувство неполноценности.

К настоящему времени индивидуальная психология решила большую часть задачи по вскрытию тех ошибок и заблуждений, которые в период формирования жизненного стиля становятся причиной чрезмерного чувства неполноценности. Неправильный старт, с которого начинают жизнь определенные дети, может быть исправлен позднее лишь благодаря глубокому осознанию человеком его последствий. К этому многие нервные, беспризорные или трудновоспитуемые дети редко бывают готовы. Здесь должен быть применен индивидуально-психологический метод с его особой техникой, которая, по существу, заключается в *неограниченном поощрении.* Это в первую очередь означает, что должны быть отброшены все *предрассудки относительно врожденных*

способностей. Нам представляется, что все большие человеческие достижения являются результатом правильного обучения, упорства и соответствующих упражнений с раннего возраста. В отношении этих трех факторов недопустимы никакие контрдоводы. А все возражения против них разоблачаются лишь как трусливые отговорки трусливого чувства неполноценности, как попытки уклониться от определения собственной ценности. Или же они оказываются попытками пробраться на сторону бесполезного и создать видимость хоть какой-нибудь собственной значимости, как, например, в случае беспризорников и преступников. Нервные симптомы и заблуждения трудновоспитуемых детей представляют собой средства обеспечения безопасности, сдерживания и блокировки, необходимые им для того, чтобы избежать разоблачения своей неполноценности. В ходе наших исследований мы установили, насколько ценным для всей жизни может оказаться преодоление первоначальных трудностей. Из этого был сделан кажущийся парадоксальным вывод о том, что большие успехи достигаются, как правило, в результате мужественного преодоления трудностей, не благодаря исходному «таланту», а при недостатке «таланта».

Индивидуальная психология разрешила также проблему выявления наиболее значительных затруднений, которые в первые три года жизни усиливают чувство неполноценности и тем самым порождают проблематичный стиль жизни, постоянно дающий повод к отклонениям от нормы. Тем самым был открыт путь профилактики в воспитании, предотвращения неврозов, психозов и педагогической запущенности. Именно этому наша наука обязана своим признанием у педагогов. Она также доказала свою пригодность в качестве единственного научного метода познания человека, который позволяет по отдельным завиткам почерка, воспоминаниям, снам, фантазиям, сознательным и бессознательным побуждениям сделать вывод о жизненном стиле индивида и массы. Она провозглашает равноценность ребенка, старика, женщины и находит причину их низкой оценки в некоторых устранимых недостатках нашей культуры и нашего разума.

Основные причины возникновения более сильного чувства неполноценности мы можем отнести к троякого рода ситуациям в развитии маленького ребенка. Их значительный вред заключается, собственно, в том, что в период обретения ребенком своего Я, особенно с конца первого года жизни, они слишком сильно дают ему почувствовать себя слабым

перед требованиями внешнего мира. Из этой ситуации ребенок выходит с сохраняющейся всю жизнь перспективой, постоянно искажающей его восприятие мира. Его компенсационные попытки перерождаются. Ощущение небезопасности постоянно сопровождает его во всех его действиях. Все более выраженными становятся только такие черты характера, которые соответствуют его усилившемуся стремлению к превосходству или позволяют идти хитроумными окольными путями. Отчетливо проявляются эгоистические черты, склонность к изоляции. Приступы пессимизма, боязнь новых ситуаций, тенденция к избеганию проявляются на всех линиях. Неудачи легко обескураживают таких детей и часто ведут к прекращению начатых дел. Контакт с другими людьми всегда недостаточен. Большинство из них очень чувствительны к похвале, порицание же нередко полностью выбивает их из колеи.

К первой большой категории таких детей мы относим тех, кто появился на свет с *неполноценными органами* и воспринимает свой дефект как жизненную трудность. Наступающее позднее улучшение состояния не меняет их пессимистического отношения к вопросам жизни, поскольку к тому времени они уже обрели свой жизненный стиль и в соответствии с ним истолковывают и ассимилируют все свои переживания и опыт. Преодоление собственных недостатков, в частности дефектов органов чувств, нередко приводит этих людей к овладению более тонкими техническими приемами, которые позволяют им заниматься искусством. Обладание же пригодным инструментом не делает необходимым и не дает повода к тому, чтобы развивать художественные способности. История знает немалое число музыкантов с плохим слухом, художников и поэтов с плохим зрением. Такую же врожденную неполноценность представляет собой леворукость. Понятно, что окончательный результат этой борьбы за самоутверждение зависит от разнообразных факторов, среди которых важнейшую роль играет поощрение.

Вторую, пожалуй, самую большую из всех категорию составляют *изнеженные дети.* Они живут симбиотически, и уже по этой причине у них может не возникнуть чувства собственной ценности (Вайнманн). В определенный период жизни, когда такому существованию приходит конец, они чувствуют себя изгнанниками из рая. Священную *функцию матери* — быть абсолютно надежным человеком, позволить им почувствовать себя людьми, живущими рядом с другими, — выполняет для них

только мать (или человек, играющий сходную роль). Поэтому в последующей жизни им всегда не хватает этой первоначальной теплоты, и они никогда не могут найти взаимопонимания с другими.

Такие переживания никогда не возникали у детей, принадлежащих к третьей категории, — *у детей, воспитывавшихся без любви.* Они повсюду видели только врагов и занимают соответствующую позицию: словно находятся в стране врага. Варианты и градации многочисленны. В иных случаях вред могут наносить также чрезмерные ожидания, неблагоприятная позиция в ряду братьев и сестер, неверие в свои способности и т. д.

Подробное обсуждение методов лечения здесь в наши задачи не входит. Его можно найти в нижеприведенных сочинениях автора[1]. В качестве наиболее важного выделим: воспитание смелости и самостоятельности, терпение, избегание какого бы то ни было принуждения посредством бессмысленного использования авторитета, избегание всякого унижения насмешками, оскорблением и наказанием. Самое главное: ни *один ребенок не должен потерять веру в свое будущее!*

В воспитании детей, относящихся ко всем этим трем категориям, нужно пройти один и тот же путь: сначала расположить детей к себе, чтобы затем ввести их в общество. Другими словами, нужно наверстать то, что было упущено.

[1] *Über den nervösen Charakter* (3. Aufl. 1922); *Praxis undTheorie der Individualpsychologie* (2. Aufl. 1924); *Studie über Minderwertigkeit von Organen* (2. Aufl. 1927); *Heilen und Bilden* (2. Aufl. 1922); *Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie.* Jahrgänge 1—4; *Handbuch der Individualpsychologie.* München (Bergmann) 1926.— *Все постраничные примечания, кроме особо оговоренных, приведены по немецкому изданию книги.*

Индивидуальная психология

Ее роль в лечении нервозности, в воспитании и мировоззрении

Огромный прогресс в области медицины позволяет нам легко забыть, что бесчисленное множество детей появляются на свет со слабыми, неполноценными органами и не соответствуют требованиям жизни. Причинами почти всегда являются патология зародыша вследствие алкоголизма, сифилиса и еще чаще наследование неполноценных органов. Некоторые из этих детей рано или поздно погибают. Но большинству удается выжить благодаря заботливому уходу, искусству врачей или собственной жизнестойкости. Многие всю жизнь имеют физические недостатки, другие благодаря интенсивному развитию достигают равновесия или вследствие *сверхкомпенсации* превосходят функциональные способности обычного человека. Эти процессы подробно мною описаны[1].

Мною тогда уже было показано, что и органический подъем, и решение жизненных задач часто требуют преодоления серьезных трудностей и что преобладающее настроение в таких случаях характеризуется стойким и глубоким *чувством неполноценности,* значительно более выраженным, чем это соответствует неуверенности в себе обычного ребенка. Из этого чувства собственной слабости возникает также пессимистическая перспектива, сопровождающаяся сомнениями и ощущением небезопасности, тенденциозная апперцепция, которая из чувства неуверенности направляет к дающим ощущение спокойствия и безопасности целям.

[1] *Studie über Minderwertigkeit der Organe.* Wien/Berlin (Verlag Urban und Schwarzenberg) 1907.

Все функции детской психики, в частности внимание, память, все влечения, мир чувств и все ценности, теряют свою беспристрастность и начинают служить обеспечивающей безопасность конечной цели, которая, разумеется, должна помочь ребенку достичь той или иной формы превосходства. Таким образом, *телеология* в душевной жизни проявляется еще более отчетливо.

Сюда относятся все врожденные нарушения органов чувств, близорукость, астигматизм, дефекты слуха, органов дыхания, пищеварительного тракта, органов выделения, желез внутренней секреции, головного и спинного мозга. Все эти нарушения, а также очень часто встречающаяся леворукость, в той или иной мере затрудняют решение ребенком своих жизненных проблем. Они принуждают ребенка к *усиленным упражнениям,* которые планомерно формируют своего рода прочную *пристройку* к психическим функциям. Дети, имеющие дефекты зрения и слуха, будут все более остро подмечать доступные им нюансы и иногда творчески их использовать или они вскоре снова ретируются и малодушно откажутся от какого бы то ни было развития своих умений. Отношение к этим первым трудностям может оказаться решающим для всего отношения к жизни.

Затруднения передвижения, как, например, при тяжелом рахите, будут вызывать *повышенный интерес* к процессам движения, трудности в питании будут служить причиной целевой установки, при которой обеспечение пищей всегда будет выглядеть гарантированным. Неловкость леворуких детей в нашей праворукой культуре вынуждает к усиленным упражнениям, которые могут удаваться или не удаваться.

В этой тренировке отчетливо проявляются интересы, изобретательность, степень активности, самооценка ребенка, его цели, мужество и уверенность в себе либо трусость и нерешительность. В этой первой борьбе ребенка за самоутверждение уже проявляется сила или слабость его стремления преодолеть трудности. На его позицию значительное влияние оказывают воспитание и самая ранняя *подготовка.*

В этих случаях развитие всей личности настолько испытывает на себе давление *конечной цели,* что даже сны и грезы будут отражать линию развития, так сказать, мелодию индивида. А среди черт характера мы, разумеется, будем обнаруживать те, что соответствуют предполагаемой ситуации угрозы и продиктованы чувством обделенности. В частности,

из стремления к преодолению будут проистекать *честолюбие, высокомерие, тщеславие и гиперчувствительность, а также чрезмерная осторожность,* которые присущи людям, чувствующим себя словно в стране врага. Как правило, очень заметными становятся воинствующее отношение к другим, *раздражительность, нетерпимость, эгоцентрическое поведение.* Если пропадает вера в себя, в то, что удастся взять верх над другими и решить жизненные вопросы, это порождает явное *мал оду шие, страх, бесплодную зависть и небесплодную неудовлетворенность.* Таким людям всегда нужны *предлоги и отговорки* — последние попытки удержать на высоком уровне свою личность. Однако легко выведать их мрачную тайну, которую они пытаются скрыть, но которая отчетливо проявляется в их поведении: как *будто они не представляют собой никакой ценности.* Ибо каждое решение, каждое испытание в жизни наполняет их дрожью и страхом, и чаще всего им удается создать *смягчающие обстоятельства* или прекратить любую начатую работу. Свое алиби и свое оправдание они ищут и постоянно находят в ссылках на всякого рода слабости, на наследственность, на воспитание, на какие-либо проблемы, которые чаще всего они сами и создают, или же они *вчувствуются в болезненные ситуации* и таким образом вызывают физические симптомы. Их слабые от рождения органы и частые заболевания как раз и позволили им понять сущность и значение болезни, а первоначальные упражнения в направлении цели достижения превосходства вскоре уступают место упражнениям, направленным на *уклонение от жизненно важных вопросов.* Вся их жизнь и болезнь приобретают форму малодушия.

Чувство неполноценности *не* всегда основывается на неполноценности органов. Такая же ситуация небезопасности возникает и у детей, на которых взваливают слишком тяжелое бремя, например, у детей, растущих в нищете или попадающих из благоприятной ситуации в неблагоприятную. Великий исследователь Бине показал, что способности детей школьного возраста обнаруживают определенный параллелизм с весом тела, в чем мы видим важное подтверждение наших данных. Точно так же накапливаются трудности, если дети лишены всякой любви и тепла. Это не дает проявиться их *чувству общности, а способность к контактам,* доверие к людям остаются у них неразвитыми. Им также будет нелегко избавиться

от чувства отчужденности по отношению к людям, они всегда разочарованы и всегда считают себя отделенными и обманутыми. Тяжелый вред наносят ребенку также тогда, когда на него возлагают *слишком большие ожидания.* Тем самым питают лишь страх не оправдать эти ожидания. В таких душах легко может зародиться склонность, облаченная Шекспиром в слова: «Что ж, если вы того хотите, злодеем стану я!» Или они точно так же впадают в малодушие и находят убежище в *неврозе*.

Третий, широко распространенный тип, появление которого объясняется неблагоприятными условиями детства, встречается среди *изнеженных детей.* Они никогда не испытывали трудностей, не упражняли свои способности и поэтому отступают перед каждым препятствием. Они проводят всю свою жизнь в *ожидании, что другие все за них сделают.* Распаленное честолюбие и недостаточная выносливость также характерны для них, и в конце концов под самыми разными предлогами они также оказываются *позади фронта жизни,* в стороне от требований времени.

Из современных исследователей только Жане понял глубокое значение чувства неполноценности во многих случаях. Никто так не подчеркивал важность мужества, активности в жизни, как Бергсон. Заслуга и значение индивидуальной психологии состоят в том, что она определила человеческое *чувство общности* как врожденное базисное настроение, которое можно обнаружить во всех психических проявлениях. Далее, в качестве второго базисного настроения она выявила общераспространенное *чувство неполноценности, из* которого проистекает постоянное *стремление к власти и признанию.* Это душевное движение тоже проявляется во всех формах выражения у человека, так что мы можем объяснять психическое явление только в том случае, если был установлен компонент обоих течений. Тем самым, по нашему мнению, мы также внесли свой вклад в прояснение расплывчатого термина *бессознательное,* выделив и обозначив непонятный компонент в базисных настроениях у человека. Как глубоко простираются эти настроения, можно показать на примере с *амых ранних детских воспоминаний.* 30-летний мужчина, страдающий явлениями страха, возникающими, как только он решается на какой-то поступок, вспоминает, как в трехлетнем возрасте он сидел у окна и смотрел на улицу. Из этих двух форм переживания можно реконструировать принцип жизни и цель этого

человека: *быть зрителем, а не актером.* И только теперь начинает проясняться воспоминание детства, оно начинает говорить и звучать. Оно говорит нам, что этот индивид, будучи, очевидно, изнеженным и слабым, пережил в детстве ситуацию, в которой пассивность представлялась ему верным образом жизни, в которой он привык также рассчитывать не на себя, а исключительно на других, ощущать таким способом свое превосходство и пренебрегать потребностями других. Здесь невозможно говорить о «вытеснении», речь идет исключительно о заблуждении, *непонимании,* которые присущи подавляющему большинству людей. Однако знатоку людей уже в первом акте человеческой жизни удивительным образом нередко виден финал, заключительный пятый акт.

Продемонстрируем на примере двух тяжелых случаев невроза пригодность индивидуально-психологического метода для прояснения психических состояний.

> *Первый случай:* 30-летний мужчина страдает склонностью получать садистское удовлетворение при виде телесного наказания детей[1]. Общественная проблема не решена. У него нет друзей, он никогда не появляется в обществе, не интересуется людьми. Профессиональный вопрос не решен. Он не работает и живет на прибыль от прежних спекуляций на бирже. Основная проблема жизни, эротическая, если не принимать в расчет упомянутый выше способ, также не решена.
>
> Самое раннее воспоминание детства: Молох, которому приносили в жертву детей. Отец добрый и уступчивый, мать справедливая, нравственная и строгая, но очень критичная и честолюбивая. Пациент еще ребенком, выполняя любую работу, боялся придирок матери. В школе он был робок и замкнут; одноклассники насмехались над ним из-за дефекта речи, а также из-за его фамилии и оттопыренных ушей (признак дегенерации). Пациент во всем ведет себя как человек, потерявший веру в себя, однако для своего поведения всегда находит другие, совершенно нелогичные причины.

[1] Данный случай подробно описан на с. 41—45 этой книги.

В раннем детстве — признаки неполноценности кишечника, мочевого пузыря и половых органов (ранняя половая зрелость, состояния возбуждения, вызванные страхом). Полагает, что вследствие надлома в детстве путь наверх для него закрыт. Его стремление к самоутверждению ищет *путь наименьшего сопротивления,* уклонения от всех человеческих общественных задач, дискредитации любых успехов. *Никто не должен быть лучше, счастливее его!* С этим неприязненным чувством он мучает и истязает детей, ощущает в их страхе свой прежний детский страх, выливающийся в сексуальном возбуждении.

Второй случай: 30-летняя девушка. Жалуется на страх открытых пространств, страх любви и брака. Всегда характеризовалась матерью как безобразная. Очень рано узнала о том, что мать надеялась родить сына. Росла в условиях *неуважения женской роли.* Умственное развитие превосходное. Поддалась лести и соблазнам первого мужчины, который затем плохо с ней обращался. С тех пор стала считать любые ухаживания проявлением мужского коварства. Настолько проникнута чувством своей бесполезности, что всегда боится разоблачения своей малоценности и чувствует себя в безопасности только в четырех стенах. Дома всячески тиранит своих родственников.

Все картины болезни при неврозах и психозах являются формами выражения малодушия. Любое улучшение самочувствия происходит только в том случае, если удается укрепить мужество больных. Каждый врач и каждая неврологическая школа эффективны в той мере, в какой они способны ободрить пациентов. Иногда это удается и дилетанту. Сознательно же этот метод используется только в индивидуальной психологии.

Только медицинская наука разграничивает эти диссоциальные неудачи как формы болезни. Она делает это, поскольку своеобразные средства защиты и «тормозные устройства» имеют очевидные аналогии с болезнями. С позиции индивидуальной психологии поведение нервного человека предстает перед нами как *жизненный план и непригодный образ жизни* человека, не считающего себя способным справиться с обычными проблемами и поэтому выбирающего другой жизненный стиль.

Такие отклонения со всей отчетливостью можно увидеть уже в раннем детском возрасте, дома и в школе. Собственно говоря, все *ошибки воспитания* всегда следует понимать как последствия искусственно взращенного чувства неполноценности. Неправильно воспитанные дети проявляют мятежность в активной форме, как-то: *надменность, озлобленность, бесцеремонность, запущенность* — либо черты пассивного сопротивления — *лень, лживость, безразличие.* Но они всегда выдают своим поведением, что боязливо отказываются от решения своих задач. То, чего они больше всего боятся, — это *позорное пятно своей неспособности.* И поэтому для них лучше, чтобы их наказывали или ругали за лень, чем считали неполноценными. Перевоспитать их удается только при условии поощрения. Это требует устранения разнообразных ошибок в основных воззрениях на жизнь. Часто можно встретить следующие *заблуждения:* якобы никогда нельзя достичь значимости отца или матери; якобы отсутствует мужественность; якобы кто-то другой всегда должен оказывать помощь; якобы никогда нельзя понравиться другому; якобы нужно было в раннем возрасте умереть; якобы все люди — враги; якобы добиться своего всегда можно лишь хитростью; якобы имеется возникший по собственной вине или вине другого, созданный воспитанием дефект; якобы имеются признаки вырождения; якобы достигать всего надо без особого труда; якобы всегда и сразу нужно демонстрировать блестящие достижения и т. д. Удевочек чаще всего встречается навеянное нашей мужской по своей сути культурой заблуждение: якобы женский пол ни на что не годен, не имеет ценности, является лишь объектом для мужчины, задача женщины только одна — быть красивой и молодой, и т. д. Эти, как видно, навязываемые заблуждения сдерживают всякий прогресс, делают детей малодушными, заставляют расценивать любую, часто неизбежную неудачу как подтверждение своего фаталистического, пессимистического мировоззрения. О страшном трагизме такой ситуации можно судить по тому, что, как установлено нами, дети становятся склонными к асоциальному и преступному поведению только в том случае, если они утратили веру в будущее, в свои успехи в школе, в свою привлекательность для противоположного пола.

Но наиболее частое заблуждение детей заключается в их явно гипертрофированном представлении о якобы первостепенном значении

врожденных способностей. Оно наносит вред внешне одаренным детям, порождая ожидания, под бременем которых ребенок может сломаться, а также внешне неодаренным, заставляя их вскоре отказаться от всяких усилий. В воспитании строжайшим образом необходимо избегать такой опасности, это удастся родителям и воспитателям значительно легче, если они будут иметь в виду, что по-настоящему значительные успехи никогда не даются легко и достигаются только в борьбе с трудностями. Если бы кто-нибудь рано обнаружил у Бетховена недуг слуха, тот столь же мало был бы уверен в его таланте, как, например, посторонний человек — в будущем величии заикающегося Демосфена. «Кто преодолевает, тот и побеждает!» и «Пожалуй, гениальность есть только прилежание», — говорит Гёте.

Но и предубеждение относительно *врожденных черт характера* может причинить вред ребенку и воспитателю. Ибо у того и другого может возникнуть соблазн отказаться от всяких попыток самим что-либо изменить. Против этого широко распространенного мнения имеется достаточно доказательств. Среди прочих контрдоводов индивидуально-психологическое исследование смогло указать на то, что *положение в ряду братьев и сестер* гораздо сильнее может влиять на формирование характера, чем врожденные свойства. Так, у первенца обнаруживаются консервативные черты, склонность быть заодно с сильными; второй ребенок в семье одного пола с первенцем всегда находится словно под парами и пытается всех сокрушить; младший ребенок чаще всего резко отличается от остальных — либо опережает других, либо демонстрирует крайнее безразличие. Насколько велико сходство в этих случаях, демонстрируют, например, сказки всех времен и народов, да и Библия (легенда об Иосифе), где встречается один и тот же образ младшего ребенка. Для пользы общества мы никогда не упускаем возможности указать, что воспитание единственных детей в семье, а также старшего мальчика наряду с младшей сестрой нередко бывает особенно сложным[1].

Индивидуальная психология видит свою основную задачу в том, чтобы распространить свои теории и знания за пределы лечения больных и индивидуального воспитания, *стать профилактикой и мировоз-*

[1] Adler, *Praxis und Theorie der Individualpsychologie* (2. Aufl. 1924), Wiesbaden (Verlag Bergman).

зрением. Находящаяся во власти космоса, прикованная к этой не так много дарующей земле, связанная слабостью организма и еще больше — принадлежностью к обществу в языке, разуме, этике, эстетике и эротике жизнь принуждает человека находить ответы на неминуемо возникающие вопросы. Он словно оказывается перед арифметической задачей, которая требует абсолютно правильного решения, но это решение никогда не бывает полным и окончательным. Его мужество, его оптимизм, его натренированные способности являются необходимыми ответами на тяготы реальной жизни, которые в качестве важного содержания его психической жизни также поддерживают у него стойкое чувство неполноценности. Все формы жизни, вся культура и все душевные феномены в конечном счете представляют собой средства и способы смягчения его неуверенности. Индивидуальные варианты, степень возникающих при этом *заблуждений* создают образ индивидуальной личности. Все великие достижения коллективной психики проистекают из абсолютной логики *совместной человеческой жизни.* Они всегда следовали в направлении создания средств защиты, отражения ударов природы и содействия совместной жизни (формирования групп, законодательства, религии, гениальные достижения). Индивидуальная психология также является одной из таких попыток ослабить процесс, который природа затеяла против человека. Этот процесс неумолим и гораздо более беспощаден, чем мы сами. Он угрожает нервным людям, безумным, преступникам чуть ли не искоренением. Неспособность к профессиональной и общественной жизни, упадок семей и народов характеризуют этот путь. Безотрадность, преступность, алкоголизм, венерические болезни, перверсии, импотенция, проституция, нежелание иметь детей, фригидность и отвержение любви и брака являются признаками угрожающей катастрофы. Ключ к пониманию древнего злого рока человечества, возникшего из незнания и заблуждения, содержится, несомненно, в принципиальных положениях индивидуальной психологии. Ее мировоззрение является самым мощным средством защиты — защитой с позиции силы, а не слабости.

Индивидуальная психология как путь к познанию людей и к самопознанию

Я не знаю, будете ли вы благодарны мне в конце этого доклада, как я вам — за ваш дружественный визит, если теперь перед вами пройдет парадом все вооружение индивидуальной психологии, и я не думаю, что мне удастся убедить тех, кто, наверное, еще не посвящен и не вник в нашу задачу. Нередко даже у научных критиков я обнаруживал, что они делают акцент, по сути, только на второстепенном; знают клавиатуру нашей работы, нашего инструмента и полагают, что, рассмотрев клавиатуру, уже с полным пониманием могут также судить о результатах, которые с помощью этой клавиатуры получают. Но это не так. Если кто-то считает, что наши положения о чувстве неполноценности, о стремлении к власти, о компенсации различных их форм являются единственными задачами и достижениями индивидуальной психологии, то он ошибается. Речь здесь идет о том, чтобы научиться распознавать и понимать линии и пути в обширной области человеческой психики, мелодии, создаваемые индивидом, которые звучат, словно симфония, сочиненная *композитором.* В этом смысле каждый человек — художник, ибо он *создает* нечто из тех или иных врожденных факторов и возможностей. Поэтому его душевная картина представляет собой *единство.* Это входные ворота в индивидуальную психологию, ее необходимая предпосылка. Мы не могли бы в дальнейшем плодотворно работать, если бы не могли живо себе представить, о чем говорит нам каждое душевное выражение, если бы мы, например, вдруг сбились с пути в наших исследованиях и ошибочно посчитали, что в человеке существует, быть

может, *две* души, быть может, даже несколько, быть может, вообще ни одной. Если бы не существовало единства в человеческой душе, то тогда, разумеется, любое стремление внести ясность с самого начала было бы дерзким. Мы можем опираться здесь на великих современников, которые хотя и не занимались в той же мере практикой душевной жизни, но понимание которых, несомненно, простиралось дальше, чем понимание многих нынешних исследователей. Пожалуй, достаточно будет указать, что уже у Канта можно найти четкое доказательство единства личности, без которого психологическое исследование вообще было бы невозможным.

Мы сделали еще один шаг и пролили свет на возникновение этого единства личности. Существуют, правда, исследовательские направления, которые ставят это единство под сомнение и считают более очевидной расщепленность личности. В действительности же мы обнаруживаем, что тем, кто исходит из связанного единства, гораздо проще подступиться к личности и понять ее, чем исходящим из позиций естественных наук философам, которым привычнее рассматривать отдельные симптомы. Они напоминают нам тех, кто выхватывает из мелодии ноту, чтобы оценить значение отдельного фрагмента. Значение ноты, аккорда, отдельного такта вытекает, однако, только из рассмотрения взаимосвязи, когда сначала на нас воздействует целостная мелодия, а потом на основе этого прочувствованного единства мы обсуждаем детали.

Каким бы странным это кому-то ни показалось, но никто никогда не судил иначе, чем сначала пытаясь понять целое, а затем уже в частностях вновь обнаружить всю линию, которая, извиваясь, проходит сквозь целое, — эту линию, линию движения, которая должна нам дать представление о душевной жизни, в которой нет ничего покоящегося, в которой каждый элемент данного движения является окончанием предыдущего и началом следующего, подобно тому, как в фильме, который развертывается перед нашими глазами, каждый кадр становится понятным только тогда, когда мы видим целое, когда проводим линию движения дальше и устремляем взгляд на финал, на конечную цель, в которой все сходится. Поэты, создавая свои образы и персонажи, уже в самом начале, уже в первом акте прокладывали основные линии, которые обязательно должны были вести к единому концу. Великие композиторы уже в первых тактах выражали весь смысл своей симфонии. Они давали нам верный образ душевной жизни человека.

Ребенок, который появляется на свет со способностью к рефлексам и определенными потребностями, очень скоро становится вынужден подчинять все свои движения некоторой ведущей идее; мы можем выразить это лишь приблизительно, когда говорим: самосохранение, стремление к превосходству, принуждение к защите, но мы понимаем при этом, что речь идет прежде всего о *шаге,* который должен сделать данный ребенок. Разумеется, его природные силы также следуют принципу самосохранения, создают ему возможности, когда он проектирует подобный жизненный план; но вместе с тем в отношениях со своим окружением он каждую минуту формирует собственные способности. Это не случайный результат, он соответствует общественным взаимосвязям, уже содержащим в себе направляющие линии, которые уравновесились душевной жизнью ребенка и привлекаются к формированию его жизненных планов.

Если мы хотим ввести понятие, чтобы сориентироваться, *куда* пойдет это движение душевной жизни, то это будет движение к *большему, к дополнению,* к *усилению,* к силе, к власти, которые, похоже, обеспечивают ребенку некоторую безопасность, не устраняя полностью ситуации небезопасности.

Эта ситуация приводит, естественно, к стойкому состоянию подъема, она включает в себя не только ребенка, но и человечество в целом. Этот эффект, который можно было также назвать неудовлетворенностью, постоянно побуждает к компенсациям, к достижению прочной позиции, надежности.

Взгляд ребенка, естественно, устремляется к пункту «Ты», к ситуации, которой подчинены все силы, и тот, кто внимательно рассмотрел это движение, понимает, что идет непрерывная работа над созданием целостной личности, стремящейся выработать собственную позицию по отношению к важным вопросам.

Действительно ли все мы находимся в движении, а нашу жизнь следует понимать исключительно как движение? Не было бы никакого смысла в том, если бы обладало душой укоренившееся растение, — оно не могло бы ничего с нею сделать, поскольку из-за своих укореняющих органов оно лишено всякой возможности защиты и нападения. Душевную жизнь мы обнаруживаем только у органов, которые находятся в движении. Совершенно естественно, что центры органов движения и душевной жизни

тесно друг с другом спаяны, а потому мы можем говорить о психофизическом нейтралитете.

Поскольку же и в человеческом теле движения служат тому, чтобы создать для него ситуацию безопасности и направлены на сохранение целостности человека, то становится ясным, что душевный орган человека является органом защиты и нападения и как таковой подчинен некому плану, что вся душевная жизнь зависит от органов, совершающих частные движения. Все симптомы должны быть включены в эту линию действия, линию движения, единую личность. Такая позиция чрезвычайно важна для психологии. Разумеется, тот, кто подвергает сомнению или оспаривает эти предположения, едва ли сумеет сделать с нами следующие шаги и понять, каким образом из такого рассмотрения можно вывести заключения об отдельных факторах психической жизни; он не поймет, что движение, движение в симптоме, уже демонстрирует нам факт психической жизни человека в его целостности.

Однако симптом становится нам понятным, как только мы определяем его место, как только мы начинаем расценивать отдельное душевное движение лишь как часть человека, как конечную точку предыдущего и начало следующего движения. В таком случае мы должны прийти к выводу: все, что мы можем наблюдать в душевной жизни человека, есть *подготовка к дальнейшему движению.*

Тем самым напрашивается мысль, что во всех душевных явлениях существуют *тенденции ,* цель которых нам следует знать, если мы хотим их понять. Все черты характера могут означать совершенно разное; проявляясь у различных людей, они могут содержать в себе совершенно противоположные тенденции. Если мы следуем этим путем, то черт характера больше не существует, существует только тенденциозный аппарат обеспечения безопасности. Мы знаем людей, которые боятся сделать хотя бы шаг, запираются в комнате и тем самым избавляются от своего страха. Если понаблюдать за боязливыми детьми, то постоянно обнаруживается, что этот страх содержит в себе некоторую тенденцию и не является просто страхом в обычном значении. Мы часто слышим от этих детей зов о помощи, которую они связывают с другими людьми. Если ребенок плачет, когда уходит мать, становится боязливым и не позволяет другим себя воспитывать, то мы видим, как все эти проявления складываются в нечто такое, что демонстрирует нам общую картину более

характерно и лучше, чем когда мы выясняем смысл отдельного явления. Я хочу показать это сегодня еще на одном сложном примере.

Если мы теперь вновь обратимся к нашей основной теме, то, разумеется, мы не сможем обойтись без этих предположений; мы будем придерживаться того, что все черты характера, не важно, как мы их назовем, всегда содержат в себе тенденцию приблизиться к единой цели. Далее, мы очень скоро столкнемся с тем, что черты характера людей отнюдь не всегда прямолинейно атакуют эту единую цель, а проявляют удивительные различия и нюансы, необходимые для оценки человека. Нужно знать весь образ жизни человека, прежде чем мы сумеем сделать выводы о частностях. Мы можем, например, наблюдать, что один *прямолинейно* движется к цели и редко отклоняется от нее, другой, чтобы приблизиться к этой цели, останавливается там, где предполагает возможные трудности, и пытается добраться к ней в обход, у третьего же обходной путь такой длинный, что он вообще не приходит к цели.

Тем самым мы получаем теперь довольно ясную картину сущности, личностного ядра человека. Но эти линии отнюдь не случайны. Мы не будем довольствоваться выводами о том, что один человек не пасует перед тяжелой задачей, пытаясь прямолинейно ее одолеть, или о том, что другой человек, следуя окольным путем, теряет из виду цель; но мы будем по праву предполагать, что склонности к подобным формам жизни должны иметь основу в предыстории, что также и здесь нет никакой случайности, а проявляется часть действительного жизненного плана, часть, которая была заложена с самого начала. У одних и тех же людей мы можем снова и снова наблюдать то же самое ошибочное движение и в других отношениях.

Возможно, кто-нибудь спросит: не слишком ли смелы эти выводы? Но можно ли здесь рассуждать иначе, если быть достаточно последовательным, чтобы не недооценивать симптомы? В случае так называемых неврозов можно, например, регулярно наблюдать, как человек тешит себя надеждами, а затем начинает сомневаться в себе, сталкиваясь с той или иной трудностью. Существует много людей, которые, сталкиваясь с проблемой, ведут себя боязливо и бывают настолько потрясены, что справиться с этой проблемой уже не могут. Иногда при неврозе навязчивости человек вместо того, чтобы решать свой жизненный вопрос, занимается совершенно посторонними вещами, например подсчетом

оконных стекол, сложными манипуляциями с числами, которые никому не приносят пользы, но которые мы понимаем из факта: перед нами неуверенный в себе человек, уклоняющийся от решения жизненного вопроса, он не полагается на себя и не несет в себе заряда оптимизма. Такому человеку хочется как-нибудь бочком скрыться в кустах. То же самое мы обнаруживаем и во всех остальных формах невроза.

Кроме того, во всех ошибочных формах жизни, характеризующихся тем, что в них всегда человек оказывается на бесполезной стороне жизни, мы обнаруживаем также его символические поступки, говорящие нам, что по каким-то причинам он не хочет быть полезным обществу.

Теперь перед нами встает задача показать, откуда берутся такие черты характера, как малодушие, неуверенность в себе и т. д., затем — что эти явления уже обусловлены всем жизненным планом, целью, которая маячит перед этим человеком, что он, сталкиваясь с вопросами жизни, не просто уклоняется от них, а занимается бесполезными вещами. Все это происходит из-за необходимости в поддержании целостности его личности.

Таким образом, мы переходим к исследованию истоков формирования такой личности. Они уводят нас в самое раннее детство: мы видим, что жизненный план такого человека, конечная цель, к которой он стремится, и единая личность имеют четкую форму уже на втором году жизни. При этом необычайно важно, что эта единая личность существует, *не* обладая сознательным мышлением, *без* сознательной критики. Эта личность возникла в условиях и ситуациях, которые не могут продолжаться вечно и изменяются, но которые в силу присущей ребенку беспомощности и неуверенности в себе и вследствие неблагоприятного влияния окружения неправильно понимаются и переоцениваются в своем значении. Поэтому перед нами встает задача, во-первых, исследовать общий жизненный план, во-вторых, исследовав его, устранить ошибки. Как педагоги мы подходим к трудновоспитуемым детям с *предположением:* у них имеется жизненный план, построенный на ошибках, вину за которые нельзя возлагать на ребенка, поскольку ни один воспитатель до сих пор эти ошибки не выявил. Никто не считает, что должен наказывать детей за ошибки и дурные привычки и вести с ними борьбу. Результат был бы печальный и постыдный. Жизненный план не меняется, конечная цель не меняется, ребенок не признает своих ошибок, поэтому

он не сможет исправиться и придет в отчаяние, столкнувшись с трудностями при вхождении в совместную жизнь людей. Даже если это выглядит схематично, мы не сможем по-другому рассмотреть такую обширную область, поскольку должны упорядочить факты и привести их в систему.

То, что речь здесь идет о предварительных понятиях, о системе параграфов, представляющей собой некую сеть, с помощью которой мы можем измерять, классифицировать, определять нюансы, является само собой разумеющимся. Мы учитываем, что вершина нашего знания, без сомнения, совпадает также с вершиной современной культуры. Мы не думаем, что исследовали все до конца, высказали истину в последней инстанции, но считаем, что все это может быть составной частью сегодняшнего современного знания и культуры; мы рады тем, кто придет после нас.

Чтобы дополнить эту сеть понятий, мы переходим теперь к жизненно важным вопросам. Существуют три жизненно важных вопроса, к которым можно свести все человеческие проблемы. Их особенность заключается в том, что ни один из них не может существовать сам по себе — он существует только наряду с остальными.

Первым жизненно важным вопросом является вопрос об отношении одного человека к другому, то есть вопрос социальности. Тот, кто считает, что это его не касается, заблуждается, ибо этот вопрос решает каждый, даже если он его отвергает. Ведь и в отвержении проявляется то, как он относится к другим людям. Мы находимся в процессе развития. Наше сегодняшнее понимание — всего лишь определенная точка в процессе развития, которая затем окажется позади. Мы не сторонники консерватизма и стараемся содействовать высвобождению всех сил на благо прогресса. Вопросы дружбы, товарищества, общности являются вопросами всех людей, всего человечества. Возможности для решения имеются, естественно, у каждого человека, поскольку факт человеческой общности в качестве предпосылки содержится уже в самом понятии человеческой жизни. Мы не можем представить себе человека, вырванного из всех человеческих взаимосвязей. Даже Робинзон на своем острове не утратил этой взаимосвязи, ибо он выступает там как человек, каким мы его знаем только во взаимосвязи с другими людьми. Кого интересует то, как возникла у человека эта социальная движущая сила, это стремление сопе-

реживать другому человеку, рассматривать себя частью всего человечества, тот, вполне естественно, обратится к биологии и будет вынужден довольствоваться тем положением, что любые живые существа, которые от природы не обладают большой физической силой, для обеспечения своей безопасности вынуждены собираться в группы и стаи. Могучий лев, горилла могут жить в одиночку; но более слабые существа собираются в стаи, поскольку благодаря такому объединению появляется возможность противостоять силам природы, избегать многих опасностей и совершать нападения.

Среди живых существ, с которыми немилосердно обошлась природа, на первом месте, пожалуй, стоит человек. Он не так оснащен, как живые существа, вынужденные вести борьбу с природой; сначала он должен сам обеспечить себя средствами защиты. Вся наша культура является результатом этих стремлений, создана взаимосвязями человечества. Все ценные способности человека возникают из этих взаимосвязей, проявления которых мы обозначили понятием чувства общности. Оно лежит в основе развития всех психических способностей человека, таких, например, как речь, которая может быть только общественным продуктом и служит тому, чтобы сделать связь между людьми более прочной. Также и разум является порождением общества, поскольку обязан иметь всеобщее значение (Кант). Мораль и этика тоже немыслимы без человеческого чувства общности.

Как видите, если задаться вопросом о взаимосвязи индивида с обществом, становится неопровержимым вывод, что все способности человека происходят из этой взаимосвязи. Но именно поэтому способности человека окажутся недостаточными, если по каким-то причинам отношения с обществом нарушаются, прерываются. Возьмите ребенка, который боится другого человека, видит в нем своего врага, и попытайтесь представить себе, какой будет его речь. Она уже не будет естественной и непринужденной, ребенок, скорее всего, будет заикаться, робко говорить, его речь парализуется уже в самом начале ее развития, поскольку отсутствует импульс, проистекающий из чувства сплоченности.

То же самое относится к развитию разума. Ребенок, который держится в стороне от общества, у которого другие люди, не понимая задач воспитания, подрывают чувство сплоченности, при поступлении в школу окажется так называемым «неспособным» ребенком и не сможет проявить

ту степень концентрации памяти, какой уже может обладать школьник. Это является важным моментом в искусстве воспитания, и, по нашему мнению, этому обязательно нужно придавать большое значение, если мы думаем о подготовке ребенка к его последующим задачам. Если вы теперь посмотрите, какой неудовлетворительной была эта подготовка непосредственно перед школой, то вас не удивит, что, поступив в школу, ребенок попадает в сложную ситуацию, в которой и обнаруживается недостаточность подготовки, равно как и всего жизненного плана. У подобного ребенка проявится ущербность его мыслительной деятельности, морали, речи и чувств.

Однажды я уже говорил: быть человеком — значит иметь чувство неполноценности; ибо перед силами природы, жизненными трудностями, задачами совместной жизни, фактом бренности человека никто не может быть избавлен от чувства неполноценности. Но это не зло, а благо, начало, стимул к развитию человечества, которое вынуждено было создавать и сумело создать свои средства защиты. Однако в силу различных моментов это чувство неполноценности может настолько усугубиться, что средств защиты, в которых нуждается и которых ждет ребенок, найти невозможно. Это необычайно важно понимать, поскольку в таком случае нам приходится иметь дело с детьми, которые, чувствуя себя слишком слабыми, нуждаются в условиях, которые мы им предоставить не можем.

Если вы обратите внимание на детей, которым не давали почувствовать себя сильными, самостоятельными, то поймете, что они совершенно не подготовлены к трудным ситуациям в жизни. Обнаружится, что они плохо обучены, а потому должны «пересдать экзамен», чтобы по возможности компенсировать этот ущерб.

Если теперь мы спросим себя, кто является главным помощником в решении первых жизненных проблем, то ответ очевиден: мать. Возможность и необходимость вхождения в общество содержится в жизни каждого ребенка, и мать как первый человек, демонстрирующий ребенку это чувство общности, имеет задачей представить ребенку «Ты», с которым ребенок должен считаться и к которому он может привыкнуть. Именно так в своих отношениях с матерью ребенок учится воспринимать ее как часть целого, как нечто, чему он принадлежит, и что принадлежит ему; он *видит в матери первого близкого человека*. При этом мы уже можем установить, что эта функция матери, естественно, принесет

очень хорошие плоды, если она осуществляется таким образом, что в нее не закрадываются ошибки. Из рассмотрения подготовки мы видим: если мать решает задачу неправильно, если она настолько привязывает к себе ребенка, что его связь с другими людьми, даже с отцом, становится невозможной, то тогда, разумеется, мать свою функцию не выполняет: у ребенка нет интереса к другим людям, он всегда будет стремиться быть рядом с матерью. Не может быть также, чтобы такой ребенок был смелым, поскольку ему всегда нужен другой человек, и это стремление к другому отчетливо выражается в характерной для него трусости. Такие дети неизбежно будут трусливыми. Ребенок всегда будет тянуться к матери и тем самым показывать, как неуверенно он себя чувствует; более того, даже во сне он не может разлучиться с матерью, из-за чего она вынуждена заботиться о ребенке и ночью.

Излишне присоединяться к представлениям тех, кто считает, что здесь речь идет о сексуальной привязанности. Совершенно естественно, что в случае такой сильной привязанности, как привязанность к матери, примешивается сексуальное влечение. Но, что совершенно естественно, удается также выявить привязанность ребенка к животным или к другому ребенку. Педагог должен быть нацелен на то, чтобы ребенок умел видеть «Ты» в каждой человеческой личности.

Таков был первый жизненный вопрос, теперь мы переходим ко второму. Вопрос о профессии (каким образом ты хочешь приносить пользу?) также не возник произвольно. Недопустимо, чтобы кто-то считал, что этот вопрос, как и первый, его не касается.

Очень редко бывает, чтобы кто-то, освоив профессию, принес пользу *всему* человечеству. Он занимает *определенное* место, на котором и должен стоять человек, чтобы понять все движение человечества. Вероятно, существуют другие планеты, где работа является чем-то излишним; но мы живем на бедной Земле, где работа, совершенно естественно, — необходимость и добродетель одновременно, поскольку наши добродетели происходят из необходимости, из правильного решения жизненного вопроса. Не существует никакой другой меры, кроме чувства общности; сохранение общества является задачей каждого индивида, основой его развития.

При решении второго жизненного вопроса вы также обнаружите самые разнообразные трудности и будете постоянно обращать внимание

на совершенные уже при подготовке ошибки, которые, например, возникли из-за того, что ребенок приобрел чувство неполноценности, поскольку всегда находился кто-то, кто не считался с его ценностью в сравнении с другими, поскольку он не мог общаться и что-либо делать вместе с другими людьми. Ребенок, естественно, полностью утратил чувство собственной ценности. Однако интересно и удивительно, что и из изнеженных детей, и из детей, воспитывавшихся в строгости, вырастают люди, не чувствующие себя способными справиться с задачами, относящимися к сфере работы. Импульс общности, из которого каждый получает свое значение, у этих детей никогда не возникает. Они не умеют жить в обществе. Из этого можно сделать педагогический вывод, что этих детей необходимо ввести в общество, их нельзя изолировать; кроме того, они должны контактировать не только с детьми, но и со взрослыми. Они должны видеть мир в малом. Нам хорошо известно, что все подготовленные к обществу дети характеризуются в школе как заводилы, тогда как другие всегда остаются в тени.

Теперь мы приходим к третьему жизненному вопросу, к вопросу любви. В некоторых пунктах его решение со всей определенностью уже описано выше. Существует два пола. Игнорировать этот факт едва ли возможно. Разумеется, мы не будем удивлены, что те, кому это все же удается, приводят всевозможные доводы, которые, однако, не могут устоять перед фактами, что наша жизнь — это жизнь общности людей, составляющих единое целое, что наши способности, наше существование могут быть плодотворными только в том случае, если мы считаем себя частью целого.

Хотя до сих пор мы вели речь лишь о крайних случаях, тем не менее мы можем сказать, что и все нюансы, разумеется, будут подчиняться тем же законам и принципам. Решение жизненного вопроса возможно только при условии социальности. Любое другое решение неправильно и, как все неправильное на этом жизненном пути, влечет за собой пагубные последствия. Эластичность человеческой психики благодаря вмешательству и переплетению разных факторов способна затушевать в жизни человека связь ошибки и следствия. Нередко, когда эти жизненные вопросы решаются поздно, нам, близоруким людям, связь также не ясна, хотя на этот счет достаточно ясно высказывается, например, религия. Значение неправильного решения этого третьего жизненно важного

вопроса, разумеется, можно увидеть только в том, что здесь господствуют заблуждения, распознать которые при прежнем способе рассмотрения вообще, пожалуй, было нельзя.

И здесь мы находим те же аналогии, что и при решении первых двух жизненных вопросов. Везде, где обнаруживается уклонение от решения третьего жизненного вопроса, причины этого надо искать в предыстории. Если, например, с этой позиции вы рассмотрите гомосексуализм, то в *каждом* случае уже в предыстории обнаружите указание на гомосексуальное развитие человека в последующей жизни. Ошибочно было бы считать, что здесь все было врожденным и неизменным, — это всего лишь видимость. Ибо при решении других жизненных вопросов мы могли наблюдать те же условия и состояния, ошибочное развитие, которому способствовали упущения со стороны окружения, но в этом случае у нас нет основания предполагать, что возникшие в результате неудачные решения неизменны или что их можно объяснить врожденными задатками.

Что мы знаем о гомосексуалистах? То, что они всегда проявляют интерес только к своему полу. Разумеется, это выглядит так, словно это *всего лишь* «интерес», тогда как на самом деле это нечто гораздо *большее.* Однако зададимся вопросом, что происходит с нормальным человеком, который проявляет интерес только к противоположному полу. Этот интерес не является изолированным, но связан со множеством тенденций, стремлений, подготовок, с длительной тренировкой, которая необходима для соразмерного решения всех жизненных вопросов. Следовательно, у гомосексуалистов мы принимаем за «интерес» то, что в действительности является чем-то большим, а именно тенденциозной тренировкой, причину и цель которой мы должны выяснить. В предыстории гомосексуалистов мы сумели установить, что речь шла преимущественно о детях, которые испытывали слишком большой страх перед родителями противоположного пола. Например, у мальчиков, имевших очень строгих матерей, которые, возможно, достаточно хорошо к ним относились, но не проявляли тепла, мы могли наблюдать не только то, что в образе матери они боятся вообще всех лиц противоположного пола или, по меньшей мере, начинают почтительно к ним относиться, но и то, что люди, которые должны были способствовать обращению чувства общности на других людей, со своей задачей не справились. В результате возникает форма жизни, которая при всей терпимости к ней, собственно говоря,

все же не является правильной, поскольку пренебрегает важнейшими задачами общества. Мы каждый раз видим, что следствием этих ошибок в предыстории является неудовлетворительная подготовка человека и что эти ошибки начинают сказываться в тот момент, когда перед ним встают вопросы жизни. Мы обнаруживаем не только недостаточную тренировку человека, но и преграждающие ему путь боязливость и неуверенность в себе. Такие люди, будь то трудновоспитуемые дети, преступники, больные или люди с сексуальными отклонениями, имеют нечто общее: всякий раз на пути к достижению цели, останавливаясь на некоторой дистанции от нее, они начинают, так сказать, заниматься другими делами. Это похоже на то, как если бы, не имея возможности отправиться на фронт, они задерживались где-то в тылу, закреплялись в неком пункте и там окапывались, поскольку решение жизненного вопроса кажется им невозможным без того, чтобы не потерпеть при этом тяжелого поражения.

Рассмотреть психологию этих людей не всегда оказывается просто. Мы часто обнаруживаем, что хитрость человека может превратить вещь, явление в их противоположность — один, например, постоянно взывает к любви, но именно таким нецелесообразным способом решает этот вопрос и препятствует его решению. Бывает, например, так, что кто-то, вместо того чтобы терпеливо ждать, поспешно и торопливо стремится достичь исцеления от невроза. Но как раз из-за этого нетерпения он и не приходит к цели. Может быть и так, что трудновоспитуемые дети признают собственные ошибки и сожалеют о них, но ничуть не меняются. Однако такое возможно только в том случае, если в этой взаимосвязи остается скрытой общая динамика. Посмотрите на *ленивых* детей. Лень, разумеется, не является добродетелью, поскольку она противостоит труду и связям индивида с обществом. Когда такой ребенок «вступит в ряды человечества», он со своей задачей не справится. Поэтому мы пытаемся бороться с ленью. Как я уже ранее говорил, способ, которым можно ее победить, не может заключаться в выхватывании этих отдельных явлений с целью их упразднить. Родители, жалующиеся на лень своих детей, постоянно приводят их к нам со словами: «Мы пытались уже быть *добрыми,* но это не помогает. Мы пытались быть *строгими,* но и это не помогает». И то и другое не являются средствами, которые мы можем рекомендовать; скорее, мы удивляемся педагогам, которые полагают,

что ребенок, которому сто и один раз говорят одно и то же, по волшебству или благодаря магической силе этих слов теперь вдруг изменится. Вместо этого лучше было бы рассмотреть предысторию этих детей, и тогда вскоре бы обнаружилось, что это последнее — пока — явление имеет долгое и сложное развитие. Мы имеем здесь дело с детьми, которые не верят в себя, которые, чувствуя себя безопасно в своей лени, естественно, к ней прибегают. Благодаря своей лени они, несомненно, нашли удобное для себя положение, из которого их очень сложно вывести. Когда они чего-то не делают, про них не говорят: «Это неспособный ребенок», а говорят: «Он неисправимый лентяй» и «Если бы он не ленился, то мог бы всего добиться». Если такой ребенок не выполняет свои задачи, то его подстегивают вдвойне, тогда как о прилежном ребенке в аналогичном случае никто не беспокоится. Есть даже дети, которые ленивы только потому, что они таким образом привлекают к себе внимание других. Какие средства применять к этим детям? Они работают, так сказать, при смягчающих обстоятельствах. Если их наказывают или обращаются с ними более строго, то они ведут себя так, словно оказываются в другом мире, при этом они не знают, к чему пришли. Следовательно, и вопрос о лени также связан с вопросом о единстве личности.

Часто бывает, что ребенок неопрятен, повсюду разбрасывает свои вещи, не умеет поддерживать порядок. Если мы рассмотрим только частности, то увидим не более того, что он нарушает порядок и обременяет других. Но если мы посмотрим на все это во взаимосвязи, в которую включен ребенок, то тогда перед нашими глазами появится и другой человек, а именно тот, кто наводит порядок. Можете быть уверены: если вы слышите про ребенка, что он неопрятен, то за ним всегда стоит тот, кто заботится о порядке.

Я бы хотел в связи с этим обратить внимание еще на одну ошибку, часто совершаемую детьми. Неопрятные дети часто *лгут.* Мы вскоре обнаружим истинную взаимосвязь, если зададим себе вопрос: при каких обстоятельствах я был бы лживым ребенком? Если, например, я сталкиваюсь с делом, которое выглядит очень опасным, с которым, как мне кажется, я не справлюсь, то и я при определенных обстоятельствах буду вынужден прибегнуть ко лжи как средству защиты. Здесь, как вы видите, ложь выступает средством защиты, уже не просто единичным явлением, а частью большого движения, посредством которого, даже если оценивать

его в остальном как ошибочное, можно взять верх над другими. Эта черта — брать верх над другими — у некоторых людей может быть настолько сильно выраженной, что остается *одна лишь* тенденция быть наверху: они лгут не только потому, что видят над собой сильную руку, они лгут уже, чтобы выглядеть лучше, поскольку ценят себя слишком низко. Эта низкая самооценка предстает как чрезвычайно важная часть подготовки, ибо мы заключаем из этого, что важнейшая часть психического развития совершается уже в первые годы детства. Мы отмечаем это у детей всех описанных типов и постоянно обнаруживаем, что все ошибки, все неправильности развития в дальнейшей жизни обусловлены заблуждениями и ошибками, допущенными в детстве.

Теперь мы можем также объяснить, почему опыт приносит так мало пользы, почему не каждый человек становится умнее с опытом, почему это так редко случается. Дело в том, что индивид для сохранения целостности своей личности тенденциозно преобразует все переживания и переворачивает каждую ситуацию до тех пор, пока из нее нельзя будет извлечь «опыт», который изначально его «устраивает», то есть соответствуют его жизненному плану. Рассмотрим, например, изнеженного ребенка, который хочет находиться только рядом с матерью и не проявляет интереса ни к кому и ни к чему более, и попытаемся предсказать, как будет вести себя в школе этот ребенок. Мы точно знаем, что он не имеет надлежащей подготовки к школе и не захочет в нее ходить. Он будет отбиваться, кричать, плакать и сидеть в классе всегда лишь с одной мыслью: когда же я снова буду дома. Все задания, которые даются в школе, он будет воспринимать с неохотой, с отвержением, без интереса. Выяснится, что его способности не развиты, и он будет казаться неспособным. Каковы дальнейшие последствия? В лучшем случае он получит плохую оценку. Это, разумеется, лишь укрепит ребенка в его мнении: здесь плохо. Весь такой опыт всегда воспринимается ребенком лишь с его собственных позиций. Если затем его строго наказывают, то ребенок еще более утверждается в своей мысли: «Я знал, что мне здесь не место». Мы можем заранее представить себе его отношение к школе. Если, например, его учитель от природы очень благожелательный человек, то, возможно, он окажет ребенку поддержку, поскольку у того появляется ощущение: «Учитель так похож на мою мать, ведет себя, как моя мать». Но здесь необычайно сложно из школьной создать ситуацию, которая была бы

похожа на ситуацию с матерью. В школе царят другие законы, существуют другие требования. Поэтому в дальнейшем ребенок начинает страдать от пренебрежения, всегда расценивается как «неспособный», а затем, вступая в жизнь, будет считать себя совершенно непригодным к жизни, всегда опасаться очередных поражений, пасовать перед новой ситуацией, новой профессией, поскольку он всегда ожидает лишь неприятностей. Он уже столько испытал в жизни, и его надежды навсегда разрушены. Профконсультант не принимает этого в расчет, а выносит приговор: недостаточно подготовлен, по-настоящему не готов приносить пользу и т. д. — и отказывает в приеме на работу.

Эта система приводит к пагубным последствиям и к многочисленным неприятностям в дальнейшей жизни.

Разумеется, те или иные противоречия должны быть исследованы глубже. Есть критики, которые говорят: вот перед вами человек, который блестяще решил профессиональный вопрос, зато у него нет друзей, он не хочет знаться с другими людьми, его эротика зачахла. Является ли это действительно решением профессионального вопроса, если человек *только* и делает что работает с семи часов утра до двенадцати часов ночи? Действительно ли это соответствует интересам человечества? Мы часто встречаемся с неверным пониманием работы на пользу общества и должны усматривать в этой односторонности примирение человека со своей жизнью и с нами.

Кто интересуется подобным типом людей, пусть прочтет рождественскую сказку Диккенса, в которой мастерски изображен такой человек.

Я хочу здесь вкратце рассказать вам еще об одном человеке, который на своем тридцатом году жизни оказался замешан в преступлении. Его обвиняли в том, что он садистским способом использовал детей для удовлетворения своих сексуальных желаний. Для меня было важно выяснить пути, которыми этот человек пришел к своей извращенности, к такому неудовлетворительному решению любовного вопроса. Следовательно, мы должны попытаться найти подготовку там, где он остановился в своем развитии. У этого человека не было ни друзей, ни профессии. Он жил благодаря каким-то нелегальным спекуляциям на бирже, к которым, однако, проявлял интерес лишь время от времени, спорадически. Его жизнь протекала в кофейне, где он сидел, читал газеты и подстерегал кого-либо для удовлетворения своих страстей. Он не ходил

в театр, не читал книг; ко всему этому он испытывал лишь презрение. Характерная походка и движения тела соответствовали особенностям его личности. Он говорил своим телом. Пренебрежительное движение рукой (рука презрительно опускается сверху вниз) совершенно отчетливо говорило: «Ничто не имеет значения». О чем бы ни шел разговор, он всегда повторял это движение рукой. Этот пренебрежительный, презрительный жест выражался, однако, не только в этом отдельном движении, но, например, и в почерке — в направленном вниз, аналогично жесту руки, завитке в конце слова. Если теперь мы рассмотрим преступления, из-за которых этот человек оказался перед судом, то обнаружим удивительное совпадение с его общей жизненной позицией. Подобно тому, как движением руки он выражал пренебрежительное отношение к людям, мы обнаруживаем, что он рассматривает как ничего не стоящее и решение любовного вопроса, обесценивает его.

Как видите, дело не в том, чтобы констатировать: «Это стремящийся к власти человек, обремененный чувством неполноценности». Это одновременно и чувство неполноценности и стремление к власти. То, что он выбирает только детей, которых заставляет подчиниться, естественно, не соответствует логике общества. Но то, что он хочет быть здесь бесспорным победителем, мы понимаем как выражение его стремления к власти. Скорее всего, при решении любовного вопроса этот человек должен был потерпеть неудачу. Не явилось ли причиной такой неудачи чувство неполноценности, с одной стороны, и стремление к власти — с другой? Здесь мы должны себя спросить: «Как это могло получиться?» Где-то должна была возникнуть ошибка, которая и стала причиной всего остального. Рассмотрим условия, в которых он жил в раннем детстве.

У него был очень мягкий отец, мать же всем своим поведением демонстрировала то же самое пренебрежительное движение, которое мы наблюдали у этого мужчины. Она постоянно давила на юношу, который пытался уклониться от ее влияния. Юноша закончил школу с очень хорошими результатами; но его мать все снова и снова от него чего-то требовала. Он был хорошим музыкантом, он был хорошим пианистом, пока из-за критики со стороны матери не прекратил свои занятия. Когда однажды во время войны он собрался поехать домой, мать этому воспротивилась: его кузен был уже лейтенантом, а он только прапорщиком. «Не возвращайся, пока тоже не станешь лейтенантом», —

написала она ему. Она сделала слабого ребенка жертвой своей тенденции всех унижать и оказалась неспособной осуществить свою функцию матери — наделить юношу чувством общности. В результате юноша приобрел ко всему только пренебрежительное отношение и оказался ни к чему не способным человеком. Сексуальное влечение проявилось у него, как и у большинства детей, в раннем возрасте. Когда мать замечала, что у трехлетнего мальчика возникало сексуальное возбуждение, она приходила в ярость и непрерывно его преследовала и мучила. То же пренебрежение, которое она сама демонстрировала своим поведением, она взрастила у юноши: тайно, незаметно от нее, делались вещи, которые она ему запрещала, про которые он знал, что мать их не терпит; ибо в тайном отправлении сексуальности в ранних детских формах он испытывал чувство, что он более сильный, что он превосходит мать. Это и есть путь его развития: скрытая борьба с воспринимавшейся непобедимой матерью.

Такой ребенок плохо подготовлен к школе, — и не столько в смысле своих результатов, которые могут быть очень хорошими, — его плохая подготовка проявляется в его поведении по отношению к сверстникам. Понятно, что, если в классе сидит странная птица, то все на нее нападают. Это представляется нам реакцией школьников, направленной на признание и объявление правильным чувства общности, в котором каждый заинтересован. Если же среди них находится тот, кто в нем не заинтересован, недостаточно для этого смел, то он становится притягательным центром для нападок всех детей. И тогда этот юноша думает: разве я не прав, если не придаю значения людям?

Мы слышали, что отец был мягким человеком, всегда заботился о мальчике, исполнял все его желания. Спрашивается: почему отцу не удалось направить сына на другой путь? Из-за того, что юноша ожесточился в борьбе с матерью, все остальное, даже мягкость отца, само по себе не имело для него никакого значения, но служило лишь еще одним доказательством того, как плохо с ним обращалась мать. Если один из родителей мягок, а другой строг, то борьба с более строгим родителем будет лишь еще ожесточеннее.

Неудовлетворительное решение любовного вопроса в развитии этого юноши не является *исключительно* тем, что интересует нас при анализе данного случая. Из общего рассмотрения мы можем реконструировать то, какая форма эротики должна была закрепиться у этого

человека. Мне достаточно будет указать только на то, что он отдалился от всех людей, обособился и с самой ранней юности тренировал эротику в соответствующей этому поведению форме. У него бы так и осталась эта форма, но случайно возникло еще одно обстоятельство. Вооружившись боязливыми мыслями, враждебностью к другим людям, он очень скоро стал проявлять интерес к сказкам и историям. Здесь воплощением всей враждебности, с которой он столкнулся в юные годы, показалась ему история Молоха, которому приносили в жертву детей. Не только из-за своей собственной враждебности ко всему человеческому роду он был склонен снова и снова углубляться в историю Молоха, он сам себя представлял в роли такого принесенного в жертву ребенка и говорил себе: «Я такой же ребенок, которого принесли в жертву Молоху». Тяжелые душевные страдания, которые он отображает в своей фантазии, пробудили в нем чувство страха, ужаса.

Почему же он стал садистом? Он — один из тех людей, которые переносят свое тревожное возбуждение на сексуальную жизнь. Страх, который является общераспространенным аффектом у человека, может проявляться в самых разных формах. Существуют определенные типы страха. В большинстве случаев он охватывает сердечные нервы, вызывает учащение сердцебиения или неравномерную работу сердца. Но существует также тип страха, от которого встают дыбом волосы. Есть люди, которые при страхе испытывают главным образом симптом слабости, дрожи, который охватывает живот и кишечник, но существуют и многие другие типы. Так, у некоторых людей страх наносит ущерб половой жизни, что и произошло в данном случае.

Я думаю, что при обсуждении этого случая нам удалось понять ошибки воспитания. Причина неудачной жизни этого человека заключалась в его неудовлетворительной подготовке в детстве, которая отразилась на его характере. Он строил свою жизнь главным образом на двух заблуждениях. Первым большим заблуждением было то, что он просто-напросто схематически перенес на всех остальных людей суждения и выводы, к которым склонило его поведение матери. Второе заблуждение заключалось в том, что он не воспринимал проявления личности своей матери как болезненные и рассматривал их как естественную и неизбежную особенность женского пола. С трех лет этот юноша стал осуществлять свою тренировку и направил весь интерес исключительно

на утверждение своей власти там, где она казалась полной и давала ему чувство безопасности, превосходства. Он рос изолированно, не был обогащен опытом общения с другими детьми, и у него как у единственного ребенка своей матери сохранились только впечатления о страданиях.

Его заблуждения при решении эротического жизненного вопроса полностью согласуются со всем остальным его поведением. Он обесценил эротику так, как обесценил все остальные общественные вопросы. Эта тенденция к обесцениванию соответствует душевным впечатлениям, полученным в ранней юности. Он стал садистом, потому что его характер и его личность отвечают этому способу легкой победы над более слабым. Его стремление к превосходству реализовывалось через порабощение другого. Его извращенность, без сомнения, имеет ту же структуру. Если кто-то хотел задать вопрос, не могло ли быть так, что вся его личность возникла из его сексуальности, то для ответа я должен был бы повторить тот же самый доклад и показать, что это воззрение неправомерно. Вся личность этого человека является совершенно единой, все в нем управляется его целью; и форма его сексуальности также обусловлена исключительно его характером.

Разумеется, на вопрос, как я отношусь к искусству — живописи, скульптуре, музыке и т. д., — можно ответить только в теснейшей связи со всеми остальными жизненными вопросами. Особая функция искусства заключается в том, что оно ведет за собой человечество. Совершенно очевидно, что оно оказывает влияние на все остальные вопросы. Все наши чувства, наша социальность испытывают на себе его влияние. Наше мышление, наши чувства всегда так или иначе находятся во власти наслаждения, получаемого от искусства. Развитие искусства есть развитие к общности. Оно учит людей видеть и слышать, является даже формой речи и накапливает запасы колоссальных *умений.* Художественное произведение представляет собой единое построение в соответствии с определенной присущей ему мелодией.

Мы полагаем даже, что *любой* вид деятельности обнаруживает то или иное отношение к искусству и связь с ним. В частности, мы, индивидуальные психологи, видим особое преимущество нашей работы по расшифровке душевной жизни человека в том, что она является не только наукой, но и искусством.

Тем самым я определил по меньшей мере в общих чертах свою задачу. Если я привлек ваше внимание и пробудил интерес к подобного рода исследованиям, то буду считать, что за сегодняшний вечер сделал достаточно. Для вас же остается гораздо более сложная задача — не пренебрегать мелодией, единой линией и в своем жизненном окружении. Речь идет о задаче, гораздо более важной: о лечении нервных людей, о расширении человеческого знания, о большем понимании каждым индивидом собственной душевной жизни и душевной жизни другого. Отношения между людьми могли бы радикально измениться, если бы люди не противостояли друг другу как неизвестные величины, с которыми действительно нужно быть осторожными и осмотрительными.

Речь идет о мировоззрении, которое содержит чувство реальности, на которое направлен вопрос о детском характере, которое преследует цель развития социального человека и тем самым содействует правильному в целом решению трех важных жизненных вопросов.

Спасение человечества с помощью психологии

Что может сделать индивидуальная психология, чтобы предотвратить упадок культуры, который, по мнению некоторых наиболее видных мыслителей нашего времени, может произойти вследствие переоценки техники в ущерб морали?

Чувство неполноценности и чувство общности

Общепризнано, что контроль человека над силами природы значительно превышает его способность использовать их и что из-за этого нашей цивилизации грозит величайшая опасность. Последняя война[1] поставила нас перед перспективой возможного научного истребления. Если мир — наш мир — нужно спасать, то очевидно, что человек должен подняться на уровень, на котором он не будет, словно ребенок, играть с заряженным револьвером, подвергаясь постоянной опасности уничтожить себя из-за злоупотребления собственной властью. Сложно увидеть, откуда возьмется это новое воспитание; во всяком случае не из той новой психологии, которая претендует привнести порядок в хаос сил, слепо борющихся в бессознательном человека.

Индивидуальная же психология утверждает, что важнейший ключ к пониманию проблем индивида и масс лежит в чувстве неполноценности

[1] Имеется в виду Первая мировая война. — *Примечание переводчика.*

или в так называемом комплексе неполноценности и его последствиях. Сегодня это признается верным всеми направлениями психологии и психиатрии. Мы полагаем, что каждый исторический факт, каждая фаза культурного развития представляет собой порой успешную, а порой тщетную попытку устранить чувство неполноценности индивида или группы; наклонности отдельных людей и групп часто свидетельствуют об этом же стремлении.

Согласно индивидуальной психологии, вторым основным принципом, пронизывающим всякое историческое развитие, является чувство общности[1], присущее каждому человеческому обществу. Степень, в которой это чувство общности развито у человека, определяет не только его желания, но и поступки. То же самое относится к группам.

История судит о человеческих поступках по степени чувства общности, которое в них выражается. Все без исключения такие действия и события признаются как великие и ценные, если они проникнуты чувством общности и содействуют общему благу. Недостаток чувства общности, который всегда можно объяснить усилившимся чувством неполноценности[2], приводит индивида к неврозу или преступлению и сталкивает группы и нации в пропасть самоуничтожения.

Группа и индивид

Мотивы, движущие массами, всегда скрыты, и теми, кого захватил поток масс, они всегда будут восприниматься и истолковываться как проявления их личных потребностей и слабостей. Этому процессу, разумеется, способствует то, что отношение больших групп к жизни едино и что давление комплекса неполноценности группы так или иначе проявляется в каждом индивиде, хотя неодинаково и в отношении разных личных проблем. Я показал в небольшом эссе под названием «Другая сторона: социально-психологический очерк о вине наро-

[1] В оригинале: sense of solidarity. В своей работе «Психоанализ и этика» (1912) Карл Фуртмюллер говорит о «своего рода чувстве солидарности» (с. 10).

[2] В оригинале: sense of inferiority.

да»[1], как из-за империалистических стремлений крупных финансовых сил оказались угнетенными народы других стран. Этот гнет проявился в жизни отдельных людей в трудностях добывания средств к существованию, низких заработках, в недостаточном количестве воспитательных и культурных учреждений, в нежелании молодых людей сочетаться браком, в нежелании состоящих в браке пар иметь детей, в безрадостном существовании, в постоянной раздражительности и нервозности и т. д.

Все эти моменты усиливают чувство неполноценности, служат причиной чрезмерной чувствительности и подстегивают человека искать «решение». Любое вмешательство извне кажется человеку, пребывающему в таком расположении духа, угрозой его безопасности и побуждает его к активной или пассивной самозащите. Молодые люди, убившие австрийского престолонаследника, были не в ладах с собой. Массы, видевшие затем в войне единственный выход, и еще большие массы, принявшие войну как должное, также состояли из людей, которые были не в ладах с собой.

Мотивы ненависти отчетливее всего проявляются в экономических кризисах нашего времени. Классовая борьба ведется массами, которые состоят из людей, чье стремление к внутренне и внешне уравновешенному образу жизни оказалось несбыточным. С другой стороны, эти массовые движения служат причиной возникновения дальнейших разрушительных мотивов у индивида.

Массовые движения всегда твердо и решительно преследуют свои разрушительные цели, поскольку разрушение означает для масс освобождение от обстоятельств, которые воспринимаются как невыносимые, и поэтому кажется им предварительным условием прогресса.

Стремление к власти у масс, равно как и у индивида, является выражением чувства неполноценности, неравноценности. Поэтому массовые движения можно верно понять лишь в перспективе индивидуальной психологии. Она показывает, что стремление кверху, пронизывающее все человечество, имеет свой первоисточник в индивиде. В своей борьбе за большую безопасность человек так или иначе прав, даже если его методы недостаточны.

[1] Написано и опубликовано в 1919 году в Вене, издательство Леопольда Хайдриха, 16 с.

Так, в женской стрижке под мальчика выражается стремление женщины устранить внешнее различие между собой и мужчиной; в ее основе лежит так называемый «мужской протест» женщин, то есть стремление чувствовать себя равноценными мужчинам и быть с ними на равных. Отдельная женщина может найти веские личные причины для своей стрижки; она может говорить, что стрижка под мальчика избавляет ее от лишних хлопот или позволяет выглядеть ей более привлекательной, или она может сослаться на то, «что так делают все», или, быть может, что ей просто хотелось позлить своего мужа: бессознательно она так или иначе следует линии мужского протеста.

Лидерские качества

Если жизненные тенденции человека полностью или почти полностью совпадают с направлением движения масс, если стремления масс воплощаются через него, если он может отдать себя служению смутным и темным желаниям своего народа или своей группы, он является избранным лидером людей. Все великие достижения человечества основываются на социальной гениальности индивидов. Вопросы поколения требуют ответа и находят его в том или ином человеке. В нем повторяется борьба человечества за освобождение, только с большей ясностью и интенсивностью, чем в других людях. Собственно ядро его личности и есть эта борьба, и поэтому ему не могут подойти унаследованные формы жизни. Они узки для него, и он пытается их разрушить. Чтобы приспособиться к жизни, он должен ее переделать. Но он может иметь успех только тогда, когда его стремление совпадает с течением масс, когда оно служит преуспеванию и более высокому развитию группы. Власть индивидуального лидера, «великого человека», ограничена подготовленностью группы, ее способностью к нему присоединиться.

Каким личным требованиям должен отвечать такой лидер? Первым из них является сильно развитое чувство общности. Оптимизм и достаточная уверенность в себе также необходимы. Лидер должен обладать способностью быстро действовать; ему непозволительно быть мечтателем или созерцателем; он обязан уметь легко устанавливать контакты с людьми

и обладать достаточным тактом, чтобы не препятствовать согласию других. Его подготовленность и тренированность должны быть выше среднего уровня. Словом, лидер — настоящий человек, обладающий мужеством и умениями. В нем воплощается то, о чем мечтают другие люди.

Все эти требования являются результатом воспитания в родительском доме, в школе и в жизни. Детское воспитание изобилует сегодня многочисленными ошибками. Индивидуальная психология указывает на эти ошибки и предоставляет в распоряжение родителей лучшую систему подготовки детей к жизненной борьбе. Для воспитания как нормальных, так и запущенных и нервных детей она предлагает меры, которые укрепляют чувство общности, противодействуют чувству неполноценности, превращая его в источник усердия и напряжения и, кроме того, придают мужество и делают более закаленными душу и тело.

Может ли индивидуальная психология превратить любого ребенка в лидера? Разумеется, нет. В отличие от всех остальных подходов, мы не претендуем на обладание безупречной техникой тренировки. Но, пожалуй, мы утверждаем, что способны увеличить число тех, кто годится в лидеры, обеспечить всем более благоприятные исходные условия жизненного соперничества и предотвратить ухудшение человеческого материала, которое неизбежно снизило бы уровень всех достижений.

Применения

Индивидуальная психология стремится повысить нормы дееспособности отдельных людей и групп. Мы можем уже сослаться на целый ряд успехов в работе с запущенными, нервными и плохо развитыми детьми в школе и в возвращении большого числа невротиков к нормальной жизни. Повсеместное применение наших воспитательных принципов привело бы за несколько лет к весьма существенным изменениям.

Большинство методов, которые сегодня применяются, чтобы разрешить настоятельные проблемы народов и групп, являются устаревшими и недостаточными. Они нацелены большей частью на то, чтобы разжечь националистические и религиозные страсти, и ведут к угнетению, преследованию и войне. Воспитание, основанное на принципах

индивидуальной психологии, устранило бы эти иллюзии эгоизма и глупости и заменило бы их стремлением к всеобщему благу. Индивидуальная психология могла бы с пользой консолидировать все скрытые природные силы масс, подобно тому как она уже сейчас консолидирует такие скрытые силы у индивидов. Война, национальная ненависть и классовая борьба, эти величайшие враги человечества, коренятся в желании сообществ избавиться от угнетающего их чувства неполноценности или его компенсировать. Индивидуальная психология, способная исцелить индивидов от печальных последствий этого чувства неполноценности, могла бы развиться в мощнейший инструмент для избавления наций и групп от угрозы развития их коллективных комплексов неполноценности.

Все, что я говорил о ненависти и ревности у наций и групп, относится также к ожесточенной борьбе между полами, борьбе, отравляющей любовь и брак и все снова и снова возникающей из-за неуважения женщины. Идеализированный образ переоцениваемой мужественности заставляет и юношу, и взрослого мужчину демонстрировать свое превосходство над женщиной, даже если он ее ни в чем не превосходит. Это заставляет его быть недоверчивым к самому себе, завышать свои требования к жизни и свои ожидания от нее, и это усиливает его чувство неуверенности. С другой стороны, уже в детстве девочка ощущает, что ее ценят меньше, чем мальчика, и это может либо побудить ее к тому, чтобы компенсировать свою недостаточность чрезмерным напряжением и по всему фронту бороться с действительным или мнимым пренебрежением, либо привести к тому, что она смирится со своей мнимой неполноценностью.

В такой духовной атмосфере невозможно найти удовлетворительного решения проблем любви и брака. Кроме того, достижения женщин часто не соответствуют уровню их собственных возможностей, поскольку под давлением традиции и предубеждения женщины склонны себя недооценивать.

К сожалению, эта традиция и это предубеждение настолько глубоко укоренены в сознании обоих полов, что потребуются по меньшей мере два поколения, прежде чем они окончательно и бесповоротно будут ликвидированы. И в этой области индивидуальная психология также доказала свою эффективность и умение добиваться успехов.

Успехи индивидуальной психологии

I.

В ходе исследований, проведенных за последние годы, мы все более оттачивали наши идеи, которые теперь должны быть подвергнуты дополнительной проверке и представлены на суд общественности. Это прежде всего касается основного положения индивидуальной психологии: те силы и феномены, которые можно обнаружить в душевной жизни, например экспериментально или аналитически, не позволяют понять человека. Индивид может использовать их по-разному или не использовать вовсе. Мы полагаем, что другие направления в психологии и человекознании в лучшем случае позволяют нам что-то узнать о существующих силах, но не об их использовании, форме применения и тем более о направлении. Однако душевная жизнь есть не бытие, а долженствование. В результате такого принуждения и направленности на цель всю душевную жизнь пронизывает стремление вперед, и в этом потоке событий моделируются, приобретают свою форму и направление все без исключения психические силы и категории.

Формирование душевной жизни человека осуществляется при помощи фиктивной телеологии, благодаря постановке цели, под давлением телеологической апперцепции, и поэтому в конце концов оказывается, что во всех психических проявлениях мы обнаруживаем характер целеустремленности, в соответствии с которым упорядочиваются все силы, инстанции, переживания, желания и опасения, дефекты и способности. Из этого следует, что подлинного понимания душевного феномена

или человека можно достичь только в результате телеологически обоснованного рассмотрения взаимосвязей.

Из этого также следует, что каждый индивид воспринимает события и ведет себя в соответствии со своей индивидуальной телеологией, которая действует словно фатум, пока она остается для него непонятной. Ее истоки уводят в раннее детство, и почти всегда оказывается, что на нее неправильно повлияли физические и психические затруднения, выгоды и невзгоды первых ситуаций детства.

Благодаря такому подходу значение причинности для понимания психического события настолько ограничивается, что, хотя мы и можем ее предполагать, но не можем считать достаточной для разрешения душевной загадки и уж тем более для предсказания психической установки.

Таким образом, цель душевной жизни человека становится дирижером, causa finalis[1], и вовлекает все душевные проявления в поток психического события. В этом корень единства личности, индивидуальности. Ее силы — в аспекте того, на что они направлены и к чему сводятся, а не в аспекте того, откуда они взялись и как возникли, — и определяют ее своеобразие. Поясним это следующим примером. Сорокалетний чиновник с детства страдает навязчивыми импульсами. Время от времени он вынужден с крайней педантичностью подробно записывать на листке бумаги все мелкие задачи, которые он сам себе ставит. При этом он обнаруживает скрытое чувство удовольствия, которое не может себе объяснить. Но вскоре оно гасится сильным чувством сожаления по поводу того, что он мог позволить себе тратить попусту время на такие вещи. Теперь он винит себя в том, что такими задержками он препятствовал своему преуспеванию в жизни. Некоторое время спустя повторяется та же игра.

В соответствии с накопленным индивидуальной психологией опытом подобные загадки вполне разрешимы. Мы видим, что этот человек вместо того, чтобы на пути к общности заниматься решением проблем, впутывается в непонятные затруднения. Но в данном случае он словно дезертир избегает решения стоящих перед ним общественно необходимых задач. Его чувства вины, далекие от того, чтобы улучшить положение — свое и своего окружения, — исправить прежние ошибки, только ухудшают ситуацию, поскольку еще более отвлекают его от работы, то есть являются

[1] Конечная причина *(лат.). — Примечание переводчика.*

очередными способами дезертирства. Наконец, его волнения и жалоба по поводу того, что болезнь препятствует его карьере, не нуждаются в объяснении, поскольку они равносильны утверждению: «Чего бы только я ни достиг, не будь у меня этого недуга!»

Мы видим аранжировку дополнительного театра военных действий, цель которой состоит в том, чтобы исключить основной театр военных действий. И все сопутствующие психические явления — принуждение, чувства удовольствия, чувства вины, логика и образ жизни, — насмехаясь над любыми интерпретациями их происхождения и первоначального значения, служат исключительно одной задаче: в наступательном марше жизни уклониться от решения реальных вопросов, установить по отношению к ним надежную дистанцию и создать видимость утешительного резерва: «Чего бы только я ни достиг, если бы не...»

Невроз и психоз суть формы выражения для малодушных людей. Кому открылось это индивидуально-психологическое знание, тот, пожалуй, откажется предпринимать с малодушными людьми длительные экскурсии в таинственные сферы психики. Даже в целом правильные предположения о первичном психическом событии всегда будут только желанным предлогом, чтобы отстраниться от жизненно важных вопросов. Единственное, что может здесь оказаться эффективным и принести пользу, как при суггестивной и гипнотической терапии, — это ободрение, которое непонятным образом (бессознательно?) проистекает из гуманного, терпеливого обращения врача с пациентом.

Этой формы частичного ободрения бывает достаточно только в самых редких случаях, и ее отнюдь нельзя отождествлять с нашим методом, который делает человека независимым и самостоятельным, устраняя действительные причины малодушия.

Значит ли это, что индивидуальная психология также придает значение причинам психического явления? Пожалуй, только тем, которые относятся к основному феномену, подлежащему устранению, но не тем, которые в качестве средства выражения малодушия всякий раз используются в своих целях, всегда, пока сохраняется малодушие, находятся на своем месте или могут быть заменены другими.

Следовательно, если говорить о причинах малодушия, то они всегда ошибочны! Абсолютно достаточной причины для малодушия не существует! Только это заблуждение дает нам право браться за радикальную

терапию неврозов. В приведенном выше случае высокомерный, властолюбивый отец уже в детстве подавлял юношу и систематически лишал его надежды на преуспевание в жизни. Возможно, мне возразят: неужели любого ребенка можно сделать малодушным? Ныне я считаю способным на это искусство любого воспитателя при воспитании любого ребенка, особенно потому, что все человечество склонно к малодушию. Правда, силы, которые расходуются в каждом случае, различны — этому могут способствовать телесная неполноценность и препятствовать благоприятные условия. Как бы то ни было, цель данного ребенка состояла в том, чтобы превзойти отца. Поскольку он не был способен на это в открытой борьбе, он принялся спасать видимость превосходства, стал искать обходные пути и нашел выход и смягчающие обстоятельства в своем неврозе навязчивости.

Кто же настоящий дирижер, который, наверное, только там, где это его устраивает, выдвигает не естественные (самосохранение, утоление голода, любовь, получение удовольствия), а другие цели и иногда их подменяет? Который во всех феноменах играет свою игру, подчиняет себе и заставляет себе служить все формы выражения, психические и физические? Сколько их? Один или несколько? Разве возможно, чтобы индивид, то есть неделимое существо, которое мы воспринимаем и понимаем как целостность и в отношении которого мы можем предсказать — а это и есть единственный критерий понимания, — как он поведет себя в определенной ситуации, стремился к нескольким целям? Этого мы никогда не встречали. Но как быть с double vie, амбивалентностью? Разве нельзя здесь увидеть две цели? Колебание, сомнение?

Стремление к самоутверждению, в общем значении воля, всегда указывает на то, что во всем душевном событии существует движение, которое начинается с чувства неполноценности, с целью достичь высот. Индивидуально-психологическая теория психической компенсации утверждает: чем сильнее чувство неполноценности, тем выше цель личной власти.

Но если стремление к самоутверждению с его целью достижения превосходства и есть та сила, которая управляет всеми побуждениями людей, то тогда мы не можем считать его несущественным фактором. Тогда оно связано со всей нашей жизнью, тогда оно представляет собой стремление к жизни и к смерти. И действительно: оно способно разрушить

или устранить наше влечение к самосохранению, наше стремление к удовольствию, наше чувство реальности, наши моральные чувства. Оно находит способ заявить о себе в самоубийстве, оно управляет нашими дружескими и любовными чувствами, оно позволяет нам переносить голод и жажду и доставляет нам боль, горе, муки на пути достижения нашего триумфа. Чем бы ни наслаждался человек, что бы он ни чувствовал и ни делал, он не может воспринимать это беспристрастно. «Ты менее Макбета, но и больше... Без счастья, но счастливее его», — поют ведьмы в «Макбете». «Разум хитер», — заявляет Гегель. Как-то Сократ, увидев одного софиста в дырявом плаще, сказал ему: «Юноша из Афин, из дыр твоего плаща глядит тщеславие». Скромность и тщеславие одновременно! Есть ли здесь честная амбивалентность? И разве это не уловка — ехать на двух лошадях, а не на одной, блистать также и скромностью? В double vie поддерживаются обе роли, чтобы помочь достигнуть превосходства. Это подобно тому как биржевой игрок в зависимости от обстоятельств ставит то на повышение, то на понижение — в обоих случаях, чтобы добыть денег, то есть власть. Так, однажды богатый пожилой бизнесмен на мой вопрос, почему он хочет заработать еще больше, если он и так может купить все, ответил: «Знаете ли, это власть, власть над другими!»

Как психолог я мог бы пойти и другим путем. Я мог бы исследовать психологические корни того, почему тот софист предпочел для демонстрации своей скромности порванный плащ. Но тогда я бы сошел на желанную для софиста побочную колею. Я бы упустил из виду его тщеславие. Скорее, я должен выяснить, откуда происходит его тщеславие.

Ведет ли он себя при этом в соответствии с идеалом отца, пряча себя в лохмотья, или в соответствии с так называемым «эдиповым комплексом», или, быть может, в обоих смыслах или ни в одном из этих направлений, — пожалуй, не имеет значения. Известные факты, что кто-то подражает отцу или ему противодействует, в результате такого мистифицирующего объяснения также не дают нам ничего нового.

Здесь добавляется наше понимание психологической структуры сомнения. Ведь и при сомнении существуют, например, не две разные цели, а одна-единственная: застой! Это же стремление к превосходству присутствует во всех так называемых нервных симптомах. Словно скрытое тормозное устройство, вмешиваются они в поступательное движение,

переводят его на запасный путь и препятствуют исполнению совершенно очевидных требований.

В этих случаях мы также обнаруживаем в качестве дирижера тщеславие, которое может пострадать и опасается этого.

Цель превосходства, установившаяся у невротиков, необычайно высока, она формирует индивидуальность человека, изменяет его логику, эстетические чувства и мораль, навязывает ему соответствующие черты характера, мышление, энергию и аффекты. Ведущая идея его личности определяет его особые манеры и линию поведения, которая словно вечная мелодия пронизывает всю его жизнь. Только тот, кто знает эту линию поведения, понимает смысл каждого отдельного действия. Если вырвать отдельный феномен из подобной взаимосвязи, то он всякий раз будет неправильно понят. Отдельные звуки ничего для нас не значат, если мы не знаем мелодии. Но для того, кому известна линия поведения человека, отдельные явления начинают значить многое.

Из этого также следует: правильно понятые душевные феномены следует трактовать как подготовительные явления, служащие цели достижения превосходства.

Если говорить о происхождении стремления к самоутверждению, то здесь мы не находимся в полной неизвестности. Несамостоятельность и беспомощность ребенка постоянно ведут к развитию у него чувства неполноценности и стремления к его устранению. Неправильное воспитание, неблагоприятная ситуация, врожденные физические дефекты усиливают это чувство неполноценности и вместе с тем стремление ребенка к самоутверждению и власти. В первые годы жизни ребенок сообразно своей ситуации, окружению, своей жизненной энергии и находчивости выискивает шаблоны для своей позиции в жизни. В упрямстве или в послушании он всегда стремится к вершине.

При этом из-за незрелости детского разума имеется достаточно места для заблуждений. Более того, человеческое поведение не является совершенным, и поэтому нам никогда не избежать ошибок ни в оценке собственного положения, ни в выборе цели. Вдобавок ко всему честолюбивых людей, чересчур удаленных от логики совместной человеческой жизни, от абсолютной истины, то есть от чувства общности, подстерегают конфликты, неудачи и поражения. Таким образом возникает малодушие, которое всегда является заблуждением и в своих различных степенях

и аранжированных защитах вторично дает повод к многочисленным заблуждениям. Мы установили, что все невротичные люди — это малодушные честолюбцы и что малодушие детей и взрослых распространяется, пожалуй, на 90 % человечества.

Задача воспитания состоит в том, чтобы воспрепятствовать шаблонам стремления к власти и способствовать развитию врожденного чувства общности. Индивидуально-психологическое лечение невротичных людей, малодушных честолюбцев, осуществляется через раскрытие их заблуждений, устранение их стремления к власти и усиление чувства общности.

Возможно, у кого-то возникнет желание поискать в наших воззрениях шаблон и появится мысль, что достаточно знать этот шаблон, например чувство неполноценности и его компенсации, чтобы суметь теперь разгадать все загадки душевной жизни. Но только не следует тут забывать про несметное количество уловок и хитростей, разнообразие которых не меньше, чем разнообразие самой жизни. Основные положения индивидуальной психологии — это не более чем путеводная нить, надежное руководство. Каждый раз путь должен быть пройден самостоятельно, пока темнота не рассеется и, словно по интуиции, исследователю и его объекту не станет ясной взаимосвязь. При депрессии, меланхолии поначалу вообще непонятно, в чем здесь проявляется цель превосходства. Мы попытаемся продемонстрировать это на примере случая «маниакально-депрессивного помешательства».

Сорокалетний атлетически сложенный мужчина со своеобразной внешностью — вытянутым носом и яйцеобразным лицом — жалуется, что в настоящее время он уже в третий раз впадает в состояние меланхолии. Все вызывает у него отвращение, он не может ничем заниматься, его сон уже восемь месяцев, с тех пор как возникло меланхолическое расстройство, полностью нарушен, как это было и в две другие меланхолические фазы. Дни и ночи напролет он пребывает в печали, ни в чем не находит удовольствия и абсолютно невосприимчив эротически. Все ему кажется ерундой. В 1918 году он заболел манией. Он словно был опьянен шампанским. Он считал, что должен стать спасителем родины, правителем государства, что избран для этого; он даже пытался подготавливать переговоры, разрабатывал грандиозные проекты монументальных строений, пока семья не поместила его в лечебницу для душевнобольных.

Через несколько недель он впал в состояние депрессии, которое продолжалось девять месяцев и полностью прошло, как и нынешнее.

Едва он почувствовал себя лучше и стал подумывать о регулярной работе, как снова возникло маниакальное состояние, которое продолжалось примерно такое же время, что и в первый раз, а затем уступило место меланхолической фазе. За ней почти сразу в третий раз возникло маниакальное состояние, которое сменилось нынешней меланхолией.

Едва ли можно было не заметить форму выражения полного малодушия. Жизненный путь пациента предоставлял достаточно соблазнов для того, чтобы стать малодушным, и соответствующих этому подтверждений. Он рос в семье богатых родителей, а его крестным отцом являлся высокопоставленный государственный чиновник. Его мать, честолюбивая художественная натура, чуть ли не с колыбели считала его несравненным гением и в неимоверной степени дразнила его честолюбие. Ему явно отдавали предпочтение среди остальных братьев и сестер. Его детские фантазии поэтому не знали меры. Больше всего он любил играть в полководца: он собирал вокруг себя мальчиков и сооружал командирский холм, с которого руководил сражениями. Уже в детстве и позднее в школе он болезненно переживал, если что-либо не давалось ему легко и с блеском. Он начал уклоняться от своих задач и тратить время в основном на работы с глиной. Мы увидим, что эти юношеские игры стали для него исходным пунктом при выборе профессии. Позднее он пошел в армию, но вскоре оставил службу, чтобы посвятить себя изобразительному искусству. Но когда и здесь также он сразу не достиг почестей и славы, он снова сменил род занятий и стал фермером. Некоторое время он заведовал хозяйством своего отца, занимался всяческими спекуляциями и однажды оказался на грани полного финансового краха. Когда из-за этих рискованных предприятий на него стали смотреть как на сумасшедшего, он вышел из игры и замкнулся в себе.

Тут наступил подъем деловой конъюнктуры послевоенного времени, и все его смело начатые и уже казавшиеся загубленными предприятия стали процветать. Деньги потекли в дом рекой и освободили его от всяких забот. Его престиж, казалось, был спасен. Теперь он мог снова посвятить себя полезной работе. Тут случился маниакальный приступ, который препятствовал какой-либо деятельности. Хорошие времена он застал уже в состоянии полного малодушия.

Он вспоминает о сильном чувстве предопределения в юношеские годы. Даже мысли о богоподобии подступались к нему. Его комната была украшена картинами с изображениями Наполеона, что можно считать доказательством его стремления к власти. Когда однажды для иллюстрации линии его поведения я сказал ему, что в своей груди он носит образ героя, но, став малодушным, не решается больше подвергнуть его проверке, он принялся мне увлеченно рассказывать, что на дверях своего кабинета поместил изречение Ницше: «Всем, что свято тебе, прошу и заклинаю: не отвергай героя в своей груди!»

В одном из основных вопросов человеческой жизни, профессиональном, мы отчетливо видим прогрессирующее малодушие вследствие неисполненного и неисполнимого честолюбия. Мы можем если не одобрить, то все же понять его. Как обстояло дело со вторым основным вопросом, с социальной привязанностью человека к человеку? Легко можно было предсказать, что также и здесь он должен был потерпеть неудачу, что высокомерие должно было сделать его неконтактным, а потому по большому счету он никого не любил и никому не сострадал в своем изолированном положении. Даже братья, сестры и его товарищи становились рядом с ним такими же холодными, как он сам. Лишь иногда в начале нового знакомства он проявлял некоторый интерес, чтобы вскоре опять отстраниться. Он знал людей только с плохой стороны и держал их на расстоянии. Эта его черта и цель превосходства проявлялись также в гротескных, резко заостренных формах.

В третьем основном вопросе жизни он потерпел тяжелое поражение. Пожалуй, он никогда не любил и относился к женщине только как к объекту своих желаний. Случилось так, что в молодые годы он заболел сифилисом, к которому незаметно добавился табес. Это в немалой степени обусловило его последующее малодушие. Теперь он считал, что не может достичь успеха, какой имел прежде в спортивных состязаниях (он занимался фехтованием, плаванием и альпинизмом) и у женщин.

Отдалившись от людей, он, словно чужак в этой жизни, находился теперь в одиночестве. Понять свое заблуждение, изменить что-либо он был неспособен. Несомненно, мешали ему в этом также гордость, герой в его груди. Таким я его и застал — человеком, который после блестящего и даже фанатичного начала всегда сбавлял обороты, как только его честолюбие начинало испытывать страх.

Когда я понял ритм его жизни, его возникновение под давлением честолюбивого стремления, мне также стало понятно, что все его психические проявления должны были протекать в соответствии с этим ритмом. Чтобы это проверить, я попросил его продемонстрировать мне свой почерк.

Даже неискушенному графологу здесь очевидно интенсивное начало и постепенное уменьшение величины букв в каждом слове. Столь же наглядно удаленные полюсы линии его поведения проявляются в выборе материалов, которым он хотел придать пластическую форму. Он хотел изобразить солнцепоклонника, простирающего руки ввысь, и печаль, склоняющуюся низко к земле и оплакивающую потерянное счастье. Тем не менее он так и не приступил к наброскам. Его честолюбие продолжало жить, но стало бессильным и затаилось.

Все, что еще могло создать это ставшее импотентным честолюбие, как только был утрачен контакт с внешним миром, проявилось в аранжировке его психоза. Он начинается с маниакального затакта, который с *шумом хочет доказать* решимость действовать, *но своим* неистовством и противоречием логике выдает нам как раз малодушие. Пациент опьянен своим властолюбием и вынуждает окружение поправлять его, опекать и сдерживать, на что сам больной уже не способен, поскольку уязвленное честолюбие не терпит никаких действий в духе common sense[1].

Затем под давлением линии его жизни следует уменьшение расхода энергии. Малодушие отчетливо проявляется в меланхолической фазе. Но где его честолюбие? Все стало пресным. Ничто не может его взволновать, порадовать, ничто на него не действует. Он держится по отношению к другим холодно и отстраненно, как это уже бывало в его юные годы. Ничтожность всего земного, бесполезность всех людей и че-

[1] Здравый смысл *(англ.) — Примечание переводчика.*

ловеческих отношений — все это месть уязвленного честолюбия, с которым он уклоняется от любого влияния, его отвергая.

И чем больше он жалуется на это обесценение, тем более явным он его делает. Вместо того чтобы возвысить себя, он принижает других. Ошибочно завышенной цели раннего детства действительность уготовила неразрешимые трудности. И только на игры и фантазии, успехов в которых можно было легко и быстро достичь, хватало его мужества и терпения. По меркам индивидуальной психологии он всегда относился к типу малодушных людей. Его маниакально-депрессивное помешательство является выражением усилившегося малодушия при оставшемся неизмененным ритме его поведения.

II.

Наше описание маниакально-депрессивного пациента выявило вполне однородную картину. Высокий уровень, на который уже в первые детские годы возвела его изнеживающая мать, помутил его взгляд на действительность, навязал ему мысль всегда претендовать и надеяться только на первое место как принадлежащее ему по заслугам! Дома, до школы, а потом и после школы ему удавалось его занимать благодаря исключительному положению семьи и с помощью матери, предпочитавшей его остальным братьям и сестрам. К школе же, вследствие своих честолюбивых ожиданий и неготовности к задачам, которые ставили ему другие, а также из-за недостатка чувств общности и товарищества он был подготовлен плохо. Поэтому вскоре он отодвинул учебу на задний план, считая ее слишком сложной. Долгие годы сохранявшийся *энурез* свидетельствовал о его желании заставить свое окружение, прежде всего мать, заниматься его персоной *также и ночью* и разоблачил его несамостоятельность и страх перед будущим.

Он вступил в жизнь плохо подготовленным, уже склонным избегать трудностей, легко утрачивал мужество перед поставленными задачами, но был наделен неслыханным честолюбием, считал себя способным без труда осуществить властолюбивые мечты своей юности и без напряжения, словно при помощи небесных сил, превзойти все ожидания матери по поводу своего величия.

Но факты жизни оказали сопротивление. Трижды, терпев фиаско, он оставлял свою должность. Избегая серьезной любви, он впал в банальность эротики и приобрел сифилис. Для него наступили черные дни. Табес, признание его непригодным к армии и грозившая семье потеря имущества из-за его фантастических проектов подорвали остатки его сил. Когда вопреки всем ожиданиям в безумии конъюнктуры войны и мира его предприятия обрели новую жизнь и стали расцветать, его воля была уже парализована.

Однако призыв к новым действиям достиг его слуха. Неспособному к серьезной работе, ему удался только экстатический угар, опьянение воли, усиленный героический затакт прежней направляющей линии, которая, как обычно, стремилась внезапно прерваться. Мания сменилась меланхолией. Когда она постепенно стихла — для нас, индивидуальных психологов, это означает: когда, как это обычно бывает после поражений, вновь начало крепнуть его мужество, — он не слышал ничего, кроме дружеских слов своего психиатра, которые призывали его к работе и предвещали выздоровление. Он снова откликнулся на призыв к работе и снова будучи недостаточно подготовленным, не обладая достаточным мужеством. И тут во второй раз им овладела мания.

С подобающей скромностью, но решительно мы хотим заявить, что только индивидуально-психологический метод мог бы предотвратить второй приступ. Этот человек был болен не только в период своего маниакально-депрессивного помешательства. Данное *состояние* являлось лишь форсированным выражением прежней направляющей линии; он был болен, лишен мужества и обременен глубоким чувством неполноценности и в свои внешне здоровые дни. И стоило ли направляться из тыла на фронт жизни?

Когда вторая меланхолическая фаза длилась уже почти столько же, сколько первая, он услышал об одном психиатре, который особенно подчеркивал «сифилитическую основу» циклотимии и брался за ее лечение. Он подвергся также и этому противосифилитическому лечению. Врач и пациент видели, что меланхолия исчезает. Но тут снова, чуть ли не сразу, возникло маниакальное состояние.

Я принял пациента, когда его меланхолия продолжалась уже примерно пять месяцев. По аналогии с прежними приступами ее окончания можно было ожидать через два месяца. Но для меня вопрос состоял не в том, чтобы прекратить меланхолию. Я четко видел свою задачу.

Скорее, мне требовалось время, чтобы исправить его заблуждения, его ошибочный образ жизни, созданную им самим направляющую линию. Но если я не хотел рисковать четвертым маниакальным приступом, *прежде чем* отправить пациента в жизнь, я *должен был сначала придать ему мужества.* После трехмесячного лечения мы с пациентом расстались. Его меланхолия исчезла, он мог уже получать удовольствие от жизни, совершал небольшие походы в горы и вполне мог проводить время в обществе.

Я успокоил его в отношении чувства неполноценности. Он не стал убежденным приверженцем индивидуально-психологической теории равенства, но явно приобрел больше мужества и усвоил различие между мужеством и маниакальной суетой. Уже год как его оставили приступы. От людей из его окружения я слышал, что он чувствует себя хорошо и лишь немного ленив и малодушен. Ему по-прежнему недоставало мужества.

Новое из того, что мы можем показать на этом примере, хотя мы пока и не претендуем на обобщения, состоит в первую очередь в следующем: клиническая картина психического заболевания — это далеко не все, на что должны обращать свое внимание психологи и терапевты. Скорее, мы можем показать, что клиническое заболевание полностью соответствует направляющей линии пациента, что оно обнаруживает своеобразный стиль, сформировавшийся в лучшие дни пациента, что оно устремлено к его прежней цели и что его следует понимать как усиленную защиту от поражений. В этой аранжировке, возникающей большей частью из-за исключения нормальных жизненных отношений, пока, наконец, все более не затрагиваются и не обесцениваются также и логические связи, всегда выражаются застарелое чувство слабости и малодушие пациента. Но точно так же, как в жесте страха индивид каждый раз демонстрирует, помимо прочего, защитные и оборонительные движения, так и в экстазе мании проявляется очевидная каждому (а в обесценивании всего человеческого при меланхолии более завуалированно) цель превосходства.

В качестве второго важного факта мы подчеркиваем, что заболевание во всей полноте проявляется в фазе наибольшего малодушия, что это малодушие является понятным, хотя и неоправданным (поскольку пациент, наверное, был склонен к малодушию с давних пор, но для малодушия никогда не бывает полностью достаточной причины), и что в возникновении болезни каждый раз нужно искать также и субъективную причину.

В качестве третьего, наиболее важного для динамики и особенно для терапии факта мы можем констатировать, что уже нельзя довольствоваться прекращением приступа и ждать рецидива. Задачу следует решать конкретно в направлении того, чтобы больной начал относиться к своему в высшей степени выраженному малодушию как неоправданному. На основании данного и многих других случаев мы можем с определенной долей уверенности утверждать: *рецидивирует не болезнь, а малодушие!* Подготовка больного к дальнейшей жизни в значительной мере должна опираться на этот тезис.

В определенном смысле все невротики являются жертвами заблуждений культуры. Последние возникли отнюдь не случайно, а проистекают из неудовлетворительной организации человеческого общества. Если сделать заключительные выводы из предыдущих рассуждений, sine ira et studio, как это подобает науке, то мы должны будем сказать: *только тот защищен от малодушия и сопутствующих явлений, то есть также от невроза и психоза, кто проникся мыслью о равноценности всех здравомыслящих людей.* Неравноценными являются только достижения, но они определяются подготовкой и решительностью. Настоящую энергию никогда нельзя получить только из предрасположенности, ее дает мужественная борьба с трудностями. Кто преодолевает, тот и побеждает!

Индивидуальная психология и наука

Исследование Карла Райнингера «Ложь ребенка и подростка как психологическая и педагогическая проблема»[1] представляет собой аккуратно выполненную работу, содержащую идею о стандартизованном развитии детской психики. В этой работе чувствуется значительное влияние Ш. Бюлер. Он начинает с вполне естественного положения: «Ложь — это сознательно искаженное или искажающее изложение фактов, направленное на то, чтобы с помощью обмана сделать достижимыми определенные цели». Переход к патологической лжи становится гораздо более очевидным, когда узнаешь, сколько бессознательного, лучше сказать, непонятного, содержится в так называемом сознательном. Неразрывная связь лжи с другими защитными реакциями становится более ясной, если следовать нашим воззрениям о конструктивной, не избавленной от ошибок жизнедеятельности. При определении социально-психологической функции лжи основные социально-психологические представления индивидуальной психологии, выделяющейся на фоне всех остальных направлений, упоминаются лишь постольку, поскольку они явно не относится к тем из них, которые, «как это чаще всего бывало раньше», хотят понять ложь с позиции философии морали.

Ш. Бюлер, исходя из социальной установки лжеца, делит ложь на социальную, асоциальную и антисоциальную. С такой оценкой лжи как части целого мы можем согласиться. Райнингер заимствует это разделение на три части, которое, однако, уже не принадлежит «феноменологическому анализу лжи», как полагает автор. Наша теория добавляет здесь, что ложь

[1] Из книги: O. Lippmann und Plaut, *Die Luge.* Leipzig (J. A. Barth) 1927.

в каждом случае проистекает из *чувства слабости* и что ее нужно рассматривать как бегство из реальности в фикцию, как аранжировку фиктивной, обеспечивающей безопасность, «льготной» реальности. Приведенное выше разделение Бюлер происходит под давлением вопроса о ценностях, вопроса о том, *для чего* может использоваться эта фиктивная реальность, то есть подхода, который в философском, психологическом и педагогическом отношении, а также с позиции мировоззрения полностью гармонирует с индивидуальной психологией. В этом пункте решение полностью определяется идеалом человечества. Но в таком случае категорию «асоциальной» лжи уже нельзя оставлять в силе, по крайней мере с точки зрения личного сомнения в этом идеале. Чего бы ни затронула имманентность «абсолютно правильного решения вопросов человечества» (Адлер), по человеческим меркам мы должны приписать такое решение, к сожалению, ложным источникам. Возможно, что ученик, фрау Бюлер или мы не можем решить, соответствует или нет ученик, который в угоду своему хозяину обманывает покупателя насчет качества товара, окончательной социальной позиции; наверное, мы не всегда можем разрешить подобные сомнения, но последнее слово останется все же за логикой совместной человеческой жизни.

То, что социальная и даже «героическая» ложь, как ее называл наш покойный друг Стэнли Холл, — первая, например, чтобы доставить радость, последняя, когда человек берет вину на себя, —• также проистекают из чувства слабости, поскольку человек не считает себя способным достичь тех же целей честным путем, показывает, что только индивидуально-психологическая точка зрения способна следовать диалектике человеческого поведения. В том случае, когда ложь явно оказывается на стороне общей пользы или бесполезности, категория асоциальной лжи исчезает, так же как и мнимой социальной. Только там, где возникает человеческое сомнение или мировоззренческая позиция солгавшего человека или психолога уже оказывается недостаточной для разграничения, может *временно* существовать такой случай, пока «суд человечества» не вынесет свой приговор.

Но как получается — а обнаружить это удается только при индивидуально-психологическом подходе, — что кажущийся социальным человеком лжец сомневается во всей своей душевной жизни, хочет казаться социальным и затем лжет? Неужели эта склонность к более

простой, во всяком случае не являющейся общеполезной стороне жизни совершенно не важна для психологического исследования? Если я на манер феноменологии буду рассматривать только часть и оставлю без внимания не столь важный основной тон целого, будет ли это все еще наукой? Или это уже наука? Райнингер в приведенном выше примере рассуждает: «Хозяин поручает ученику лгать о качестве товара, и, таким образом, у ученика может возникнуть вопрос: что должно стоять на первом месте — нравственное требование слушаться старшего или быть правдивым?» *Должен* ли научно мыслящий психолог игнорировать здесь подчинение борющегося со своими сомнениями лжеца? Может ли он игнорировать, что от решения ученика, вероятно, зависит его будущее? Что он как более слабый должен нравственно оправдывать свое подчинение, чтобы не снизилось его чувство собственной ценности? Хозяин, если бы его побуждал к этому ученик, наверное, никогда не терзался бы подобными нравственными сомнениями.

Теперь к *вопросу об индивидуальной психологии и науке.* Не мы подняли вопрос, является ли индивидуальная психология в той или иной степени научной психологией. Но если мы обратим внимание, что кроме того, что было установлено феноменологией, экспериментальной психологией и т. д., можно найти еще кое-что, что имеет взаимосвязи, принадлежит целому, то кто тогда потерял здесь научную почву — мы или другие? Шпрангер, Кёлер, Вильям Штерн, Мессер, Гольдштейн и другие, Вильям Браун, Старк и многие американские психологи, такие, как Стэнли Холл, Мортон Принс, находятся уже гораздо дальше и идут тем же путем, какой прошла индивидуальная психология.

Не хотите ли проверить? Наверное, ученик мог бы все же освободиться от своих сомнений только в том случае, если бы он обладал таким ясным научным знанием, что мог бы устранить свою неуверенность. Из данных рассуждений он мог бы извлечь, что, когда лжет, он все-таки оправдывается нравственным требованием и тем самым избегает ответственности. Если бы удалось показать ему, что, будь он более сильным, он вел бы себя по-другому, и наоборот, что глубокое чувство слабости побуждает и склоняет его к сомнениям и нравственному оправданию, то он определенно стал бы лучше понимать свою душу.

Благожелательные психологи, которые еще не разобрались в том, что индивидуальная психология может воспитывать и исцелять только правдой и обретением более глубокого знания, иной раз пытаются в рамках педагогики указывать нам, полагая, что научная психология — совсем не наше дело и что наши бесспорные заслуги относятся целиком лишь к области терапии. Мы не можем согласиться с таким разделением. Воспитывать и лечить могут только лучшие психологи. Это можно пояснить на примере. 50-летний уважаемый всеми мужчина жалуется, что каждый раз, когда ему приходится подниматься вверх по лестнице, а бывает это очень часто в связи с его профессией, он всегда борется с побуждением выброситься из окна. Оставим в стороне лечение. Не будем также говорить о том, что психологическое направление, не понимающее сновидений, не считающее их даже предметом своего рассмотрения, по меньшей мере не может претендовать на то, чтобы достаточно широко распространять свои научные взгляды, во всяком случае не должно слишком всерьез принимать свою роль судьи по отношению к индивидуальной психологии, если последняя дает так никогда и не решенной загадке человеческой психики хотя бы примерное решение. Мы *тоже* не знаем, услышав про вышеуказанные формы выражения, как можно было бы их сразу психологически классифицировать. Поэтому мы исследуем основный тон в этой форме выражения, отношение данного индивида (отсюда индивидуальная психология) к жизни, его жизненный стиль. Я не могу найти его в этом выражении, сомневаюсь также, что это сумел бы сделать кто-то другой, и уверен, что знания феноменологии, экспериментальной психологии и т. д. простираются не настолько далеко, чтобы прийти к объяснению.

Индивидуальная психология предложила здесь безупречные с научной позиции методы, способные выявить то, что скрыто в каждом конкретном случае, чего не понимают ни больной, ни психолог. И она сумела убедить, что указанные ею механизмы душевной жизни действуют во всех понятных и поначалу непонятных явлениях. Один из важнейших методов, без которых никогда нельзя обойтись, заключается в выяснении основного тона индивида в других формах выражения, относящихся к настоящему или более раннему времени, где он, возможно, проявляется более открыто, или в его прослеживании путем сравнения нескольких душевных движений.

Поскольку больной должен был уезжать, я пообещал ему разрешить его загадку в течение одного сеанса — задача, перед которой другие «отгадчики загадок», бившиеся над ее решением месяцами и годами, всегда складывали оружие. Мне не нужно оправдываться перед психологами, что решение моей задачи в таком случае еще не означает лечение. Мы здесь претендуем только на то, чтобы индивидуальная психология стала передовой психологической наукой, служащей прояснению психических феноменов. Лечение происходит только тогда, когда пациент достигает такого же научного понимания, как психолог или врач, что, разумеется, удается тем лучше, чем ближе учитель находится к истине и чем лучше он может передать ее ученику.

К решению нас здесь подводят два сообщения. Благодаря сделанным нами выводам мы покидаем недостаточную область феноменологической психологии. Обратившийся ко мне человек особо подчеркивает, что с детства испытывал страх и что всегда боролся со всем, что вызывало у него такое чувство. Мы очень осторожны в своих выводах, однако должны констатировать, что имеем дело отнюдь не с мужественным человеком, который тем не менее обладает достаточной уверенностью в себе, чтобы не сдаться без боя. Из эмпирически установленной нами «естественной истории» изнеженного ребенка мы знаем — подобно тому, как естествоиспытателю удается по косточке установить вид, форму и образ жизни птицы, — что имеем дело с человеком, жизненный стиль которого сформировался в ситуации изнеживания. Правда, с одним нюансом, завитком в архитектурном стиле, который, очевидно, происходит из благоприятной для стремления к самоутверждению детской ситуации (он был младшим ребенком в семье), склонности бороться, тенденции преодолевать страх. Единство его личности характеризуется, следовательно, не только особым вниманием к своему страху, но *одновременно страхом и борьбой с ним.* В зависимости от фазы у него будут больше проявляться то страх, то мужество, чтобы с ним бороться. Это единство выражается также и в том, что он говорит о своем вечном страхе выпрыгнуть из окна, хотя мы видим его вполне бодрым.

Ошибка всех психологов, которые в таких случаях предполагают амбивалентность, более или менее противоречивое душевное движение, противоположные чувства или черты характера, состоит, как известно, в том, что они не рассматривают возникновение одного выражения

из другого (стремление к компенсации), а также в том, что в своем одностороннем анализе они теряют из виду взаимосвязь (жизненный план, жизненный стиль) и что вместо душевного движения (которое есть все и все пронизывает) пытаются обнаружить отделенные части (чувства, интеллект, ценности, характер, противоречивость и т. д.), сравнивают и соизмеряют их друг с другом. Разумеется, они избежали бы подобной ошибки, если бы в языке имелось общее слово для обозначения этих типов (например, Дон Кихот и т. д.).

Второе сообщение касается раннего детского воспоминания. Психологическая наука обязана индивидуальной психологии искусством читать самые ранние детские воспоминания. Лучше сказать: *возможностью* их читать. Ибо, по всей видимости, ее «научный» аппарат в настоящее время столь же мало пригоден для того, чтобы понять их значение как следы построения жизненного стиля, ведь он не способен понять сновидение как попытку через создание соответствующего настроения и чувства сманить на окольный путь автоматически устремляющейся индивидуальной жизненной линии (см. в этой связи статью на с. 142 и далее в этой книге). Далее, детское воспоминание является психическим «разглашением» особенностей жизненного стиля и демонстрирует в своей динамике то же течение, что и вся жизненная форма. В данном случае речь шла о следующем: «Когда я первый раз пошел в школу, ко мне пристал один мальчик. Мне было очень страшно, меня била сильная дрожь, но я набросился на своего врага и его побил».

Тут мы, индивидуальные психологи, ищем и устанавливаем истинное положение дел, связанное с душевным побуждением, проявляющемся в поведении, *раскрывая душевное выражение его содержания.* В том, что остается, мы видим элемент движения, исходящего из чувства неполноценности и стремящегося достичь цели превосходства. В данном случае «нижняя точка» *особенно выразительным способом* характеризуется дрожью и чувством слабости. Целью, разумеется, является преодоление, результатом — одержанная победа. «Несмотря на мой жуткий страх, я победил», —• мог бы точнее всего сказать пациент о своей жизненной позиции.

Таким образом, в двух точках его жизненного стиля мы обнаружили одинаковое движение: *пробиться с боем, несмотря на весь страх!* Мы смеем теперь утверждать, что это не может быть слу-

чайностью, что из всех форм выражения и симптомов человека выкристаллизовывается основный тон. «Немузыкальные люди», однако, этого не поймут, пока не станут «музыкальными». Преимущество индивидуальной психологии состоит как раз в том, что она улавливает основный тон и делает пациента «музыкальным», позволяя ему его услышать. Пока же мы вынуждены мириться с тем, что не каждый человек в отдельных последовательностях звуков и тактов улавливает основный тон, например «Баха», и даже сомневается в этом и пытается математически доказать, что ничего подобного не существует вовсе. Но мы никоим образом не забываем также про нашу обязанность приводить все новые доказательства, возможно, даже до тех пор, пока иные считают, что именно *они* обнаружили основный тон, а не мы.

Итак, очередные доказательства! Наш пациент жалуется, что он постоянно, ежедневно, ежечасно подвергается опасности из-за своего желания выпрыгнуть из окна. Также и здесь нам приходят на помощь давние представления индивидуальной психологии.

Прежде всего: до тех пор пока кто-то чего-то хочет, ясно только одно — ничего не происходит! Также и это представление индивидуальной психологии находится в оппозиции к другим учениям о воле. Фома Аквинский: воля — это рациональное стремление, которое от природы направлено на добро[1]. Кант: воля — это обусловленная разумом способность желать, способность либо создавать предметы соответственно представлениям, либо, по меньшей мере, побуждать самого себя, то есть свою причинность, к их достижению. Фихте: воля есть способность абсолютного самоопределения по отношению к идее. Гегель: воля есть мышление в виде стремления обеспечить свое существование. Шопенгауэр: воля есть суть всего бытия и сознания, сущность вещей. Наторп: воля есть целеполагание, замысел идеи, то есть то, что должно быть сделано. Мюнстерберг: воля включает в себя все феномены представления о себе. Пфендер: желание — это победоносное стремление Я. Вундт: воля есть... первоначальная энергия сознания. Нарцисс Ах: намеренное действие — это течение психических процессов, объясняющееся действенностью более ранних «детерминирующих тенденций» «представления о цели». Уильям Джемс: воля есть... представление о движении

[1] Цит. по: Eisler, *Wörterbuch der Philosophie.*

плюс «fiat»... благодаря чему должны реализоваться чувственные последовательности движения. Керн: желание... есть энергия сознательного мышления. Спенсер: воля... произошла от рефлексов. Оствальд: воля есть форма энергии. А. Шпир: воля есть выражение существующего в нашей душе противоречия, устранение которого является ее целью. Ремке: воля... это сознание, поскольку «причинно относится к представленному в свете удовольствия изменению». Шпенглер: воля отображает историческое чувство.

Глубина всех этих объяснений не компенсирует их недостаточности в психологических вопросах. Все они вместе и по отдельности являются идентичными попытками выражения, описаниями того, что каждый ощущает менее ясно, когда от него требуется сказать, что он думает о воле, если ее вырывают из взаимосвязи психической тотальности и помещают в центр рассмотрения. При этом ни в коем случае не следует забывать, что эта взаимосвязь в той или иной мере учитывалась, но всякий раз так, словно при таком рассмотрении остальные психические процессы исчезали. Для нас же, индивидуальных психологов, вопрос звучит следующим образом: какую роль играет данное душевное движение, конкретизируемое здесь как воля, в структуре имеющейся психической взаимосвязи? На этот счет все приведенные описания не дают нам никакого ответа.

Но мы уже знаем из того, что было установлено нами прежде, что рассматриваемый здесь индивид искусственно, прямо-таки хитростью создает препятствие, которое он надеется преодолеть, что доставляет ему радость, удовлетворение, чувство гордости и превосходства. Словно в детской игре, он ставит перед собой задачу, естественным решением которой он может повысить чувство собственной ценности, подобно тому, как, например, маленький мальчик срубает чертополох и думает, что побеждает врагов. Он мог бы изобрести и другие игры, преследующие те же цели, например, вызвать у себя бессонницу и вопреки ей безупречно вести свои дела, благодаря чему его успехи будут выглядеть еще более крупными, и у него самого, и у других создастся впечатление, что все, чего он достиг, не идет ни в какое сравнение с тем, чего бы он мог добиться, не будь у него страха и желания выпрыгнуть из окна.

При этом, лучше сказать, вопреки этому, в жизни ему многое удалось. В его поведении, во всех его действиях, частично также в его сознательном мышлении индивидуальный психолог отчетливо видит:

«Чего бы я только ни добился, не будь я отягощен болезнью!» Тут, однако, пациент настолько озабочен аранжировкой этого единого как в «сознательном», так и в «бессознательном» движением, спасением своего жизненного стиля, что столь же мало принимает в расчет и понимает наши соображения, как наши противники или даже «проанализированные» больные. Излечения же можно добиться только в том случае, если этот человек, обманывающий сам себя, стремящийся к славе, к цели достижения превосходства в основном на бесполезной стороне жизни, будет избавлен от «искаженного» жизненного стиля и целиком обращен к полезной стороне жизни. Это, разумеется, удастся только тогда, когда он столь же хорошо будет понимать нецелесообразность своего стиля жизни, возникшего в результате изнеживания в самом раннем детстве, и начнет воспринимать его как недуг. Среди моих пациентов — детей и взрослых — я никогда еще не встречал ни одного человека, которому бы не удалось разъяснить его ошибочный механизм. Правда, почти все мои пациенты — это люди с высоким интеллектом.

Это не говорит о том, что само по себе разъяснение означает конец успешного лечения больного. Здесь требуется искусное проникновение в жизнь больного и сотрудничество с ним, чтобы выявить все его ошибочные автоматизмы и направить длительную тренировку в полезную сторону. Этого не произойдет, если пациента не удастся склонить к сотрудничеству и к социальности, если мы не реализуем в нем также вторую функцию матери, не обращаемся к его чувству общности. То, что индивидуальной психологии удалось показать, что ограничение чувства общности неизбежно ведет к личным и общественным проблемам в жизни, представляется мне большим ее достижением.

Таким образом, и в этом столь важном пункте мы исходим из того, что «добродетели можно научить», а потому единственным средством, которым мы располагаем для дальнейшего развития индивида и общества, является обучение.

В качестве составляющих этой работы, мы укажем на следующие принципы:

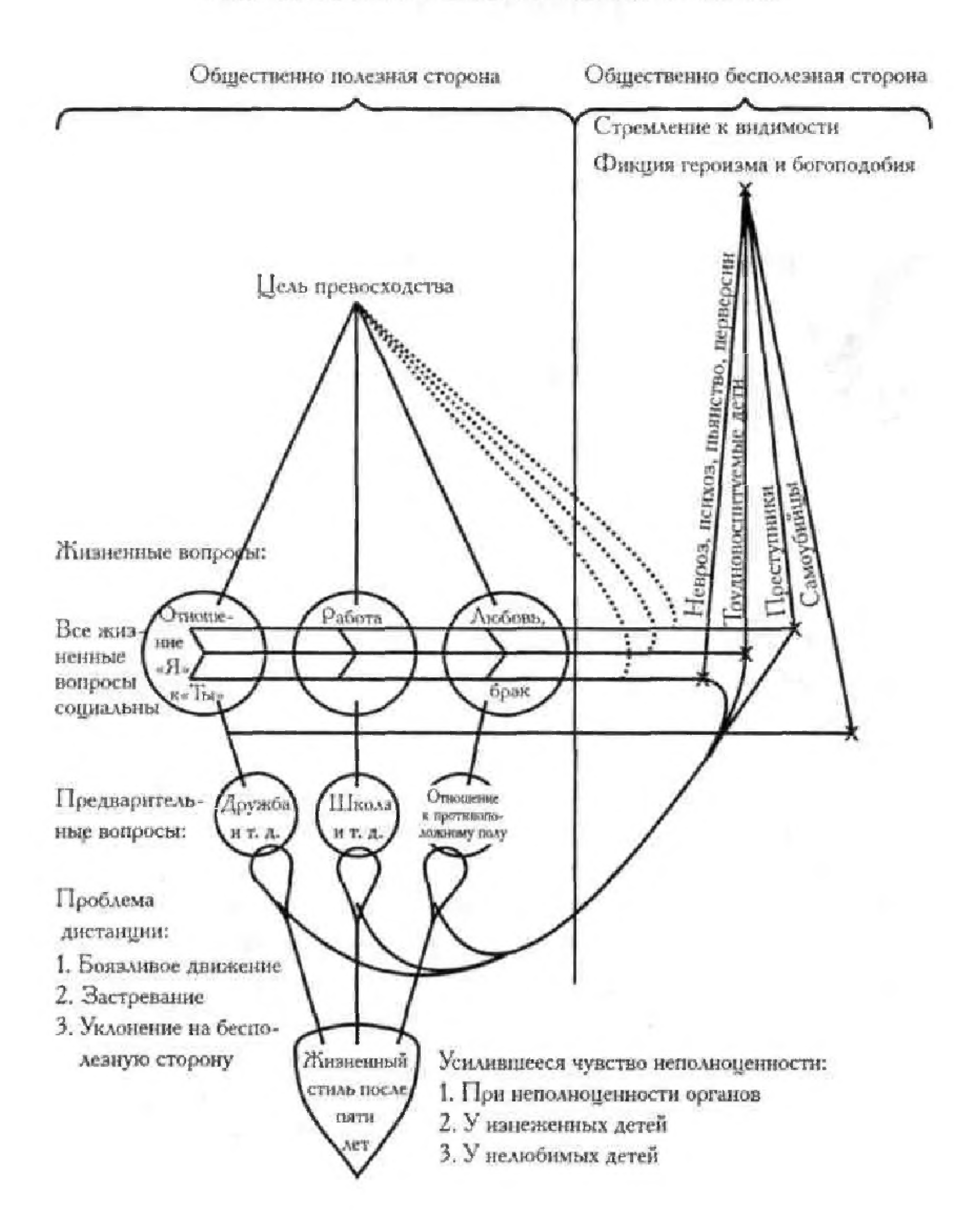
I. Существует только единственная причина, почему человек «сворачивает» на бесполезную сторону: *страх поражения на полезной стороне.* В этом страхе можно увидеть усилившееся чувство неполноценности пациента, затем его боязнь, приостановку или бегство

от решения одной из социальных проблем жизни (других не существует). Поскольку все вопросы жизни требуют развитого чувства общности, но пациент может недосчитаться его в своем жизненном стиле, то «в какой-то мере» он имеет право уклоняться до тех пор, пока не станет лучше подготовленным. Поэтому мы отказываемся от всякого судейства и требуем лучшей подготовки чувства общности для нервных людей, психотиков, трудновоспитуемых детей, преступников, потенциальных самоубийц, проституток и т. д. Разумеется, также и для всех тех, кто имеет с ними дело. Смелость идти вперед на полезной стороне может, естественно, проявить только тот, кто считает себя частью целого, кто чувствует себя своим на *этой* земле, в *этом* человечестве. Но и перед ним в свою очередь стоит задача реализовать свое развитое чувство общности, создавая для себя благоприятные условия («Условия делают человека, но человек создает условия» — Песталоцци).

II. То, что Гризингер, а после него и другие называли «бегством в болезнь», составляет лишь малую часть раскрытых индивидуальной психологией взаимосвязей. Всегда необходимо учитывать: усилившееся чувство неполноценности в первые пять лет детства, тесно связанные с ним недостаточные чувства общности и мужество, поиск наиболее убедительных доказательств своего превосходства, пугающую новую проблему, дистанцию пациента по отношению к ней, тенденцию пациента к исключению, стремление к мнимому облегчению на бесполезной стороне, то есть к видимости превосходства, а не к преодолению трудностей. В графическом изображении получается примерно следующая картина, которую сведущему человеку не нужно интерпретировать, хотя всякая попытка охватить психическое движение статичной картиной заранее обречена на провал. Позвольте мне добавить только два замечания, чтобы избежать поверхностных и ненужных споров. Во-первых: к счастью, для развития человечества не нужно ждать до тех пор, пока каждый младенец выяснит для себя, что полезно и что бесполезно. Установление этого лежит вне человеческого суждения и скорее откроется более острому человеческому уму, чем равнодушному. Но как показывает весь человеческий опыт, это различие касается и отдельных людей, и массы. Во-вторых: путь невроза и т. д. и трудновоспитуемости, в различной степени четко выраженный, проходит на обеих сторонах жизни, чего в настоящее время в этой схеме я не могу отобразить.

Схема

Индивидуально-психологический эскиз нормы и промахов

Психология и медицина

Уважаемые присутствующие! По дороге сюда, когда я обдумывал материал, который собираюсь сегодня представить вашему вниманию, я буквально ужаснулся тому, как много следовало бы сказать на тему «Психология и медицина». Я несколько успокоился только тогда, когда узнал о повестке следующего вашего доклада и о курсе «Введение в методы психотерапии», так что большая часть того, что я должен был бы сказать, окажется в стороне. Поэтому мне остается не более как затронуть некоторые проблемы в этой области и немного рассказать вам о том, как индивидуальный психолог, являющийся одновременно практиком, теоретиком, психологом и медиком, обрел собственный взгляд на эти вещи. Будет правильно, если я расскажу также немного о том, как я представляю себе современного или будущего врача-психолога. Я не дам художественного описания — скорее, это была бы работа поэта, — но я просто хочу выделить несколько моментов, которые не раз доказывали свою важность в моей жизни и в моей практике. Как бы то ни было, нельзя сомневаться в том, что благодаря огромным усилиям психологов в наше время врачу открывается широкое поле деятельности, и если сегодня позиция врача в социальном и научном отношении достигла более высокого уровня, то этим он, несомненно, во многом обязан лучшему психологическому пониманию жизни индивида и общества. И я действительно не верю, что в будущем можно будет заниматься практикой без знания психологии. Нельзя будет признать кого бы то ни было врачом, если к техническому образованию не будет добавлено *психологическое* обучение.

Если мы зададим себе вопрос, каковы до сих пор были пути, чтобы ввести обучающегося в эту важную область, — важную не только для него, чтобы суметь самоутвердиться и совершенствовать свою практику,

но в еще большей степени для пациента, — то я должен сказать: насколько я вижу, обучение этой дисциплине до сих пор еще не на высоте. Однако вполне хватает указаний, напоминаний, всякого рода призывов, а хорошие учителя не лишены хороших теорий. Но, как я вижу, не придается особого значения преподаванию, обучению тому, как должен вести себя молодой врач, начиная заниматься практикой, по отношению к человеку, пациенту. Необходимо четко осознавать, что психологическое понимание в индивидуальном случае имеет огромную важность.

Когда я перед этим сказал, что психологическое знание открыло врачу широкое поле деятельности, то я мог бы добавить, что в основе доверия человека к врачу лежит то, насколько врач его понимает психологически, и будут в убытке те, кто этой областью пренебрегает. В то же время я сознаю, что при нынешнем состоянии нашей культуры и при недостаточном знании людей иногда имеет успех и тот, кто допускает психологические промахи. Мне кажется также, что всякий пессимизм, негативизм и т. д. вредит врачу, равно как и пациенту. Однако мы должны спросить себя, откуда берется этот пессимизм. Я бы не стал ограничиваться ссылкой на то, что вообще вся венская школа славится нигилизмом и пессимизмом, и считаю, что речь идет о врачах, которые и в остальной жизни являются пессимистами. По своему опыту я могу заключить, что активный оптимизм, который играет важную роль в моей жизни, помогал мне и в работе. Достаточно будет вспомнить тревожный взгляд больного, с которым он внимает вам, и тогда вы поймете, какое колоссальное значение имеет смелое, мужественное слово.

Пожалуй, со всей скромностью я могу сказать, что в этом отношении психотерапия совершила нечто необычайное. Действительно, неврачу часто удается достичь граничащего едва ли не с чудом излечения недугов у пациентов. Мы не можем также отнести все это к области истерии. Прежде всего мы должны спросить, почему бы и врачу не использовать такие приемы. Насколько нам удалось изучить сей феномен, объяснение всегда заключалось в том, что этих людей объединяло по меньшей мере одно: непоколебимый оптимизм, который передавался больному. Пожалуй, я могу также подчеркнуть, что товарищеское отношение врача к больному кажется мне чрезвычайно важным — не только потому, что это согласуется с основными положениями индивидуальной психологии, но и с точки зрения

здравого смысла, с точки зрения пациента, которому не хочется чувствовать себя объектом.

Мы не можем выступать магами, волшебниками и т. п., мы можем действовать только как близкие люди, друзья, а потому, даже порицая и указывая, мы не должны допускать появления у пациента чувства слабости. Особенно если мы имеем дело с нервными пациентами, у которых постоянно наблюдается это необузданное, распаленное стремление к самоутверждению и превосходству, недопустимо дурачить больного, заставать его врасплох или вести себя словно всемогущий бог, даже если больные внушаемы. Существуют, наверное, люди, которые с легкостью позволяют себе что-то внушить, но это не значит, что это должно быть точкой опоры в душевной жизни данного человека. Наоборот, именно здесь происходит «сбраживание», когда пациент вновь стремится утвердить свое превосходство. Не надо ставить перед больным задачу справиться со своими симптомами, вы просто указываете путь, которым, по вашему убеждению, следовало бы идти. Тут можно было бы также сказать, что я всегда сохранял спокойствие даже в случае возникавших затруднений, поскольку всегда помнил позицию пациента: *свести на нет мою работу.* Особенно работая с нервными пациентами, следует помнить: дело не в том, чтобы заботиться о своей репутации, а в том, чтобы дружелюбно относиться к больному.

Второй принцип — это принцип благожелательной несговорчивости. Это значит, что если вы идете на компромисс, он не принесет вам никакой пользы. Главное — спокойно вырабатывать свою позицию. Особенно в психотерапии, где все требования медицинской практики проявляются наиболее остро, это буквально является проверкой того, насколько правильно ведет себя врач. Таким образом, мы снова приходим к позиции, которую в свое время отстаивал Вирхов[1], что когда-нибудь в будущем врачи станут вождями народов. Мы, индивидуальные психологи, знаем, что даже если эта мечта никогда не будет осуществлена, благодаря ей мы все же получаем направляющую цель. «Излечить, — говорю я своим больным, — я могу вас только правдой, до которой я сам добрался». Лучше всего говорить с нервным пациентом, словно с близким человеком,

[1] См. в этой связи: Heinz L. Ansbacher, «Adler und Virchow. Der Name "Individualpsychologie" in neuem Licht». Ztschr. f. Individ. Psych. 2 (1977). S. 87—93.

которого вы не обременяете новыми проблемами, от которого не требуете обещаний, но участь которого хотите облегчить. Особенно ярко это можно представить в случае с меланхоликом. Я говорю ему примерно следующее: «Делайте только то, что вам приятно». Как правило, следует ответ: «Для меня нет ничего приятного!» «Тогда делайте по крайней мере то, — говорю я дальше, — что не является для вас неприятным». Как видите, мы применяем косвенный метод, метод дискуссии. Мы постепенно приподнимаем вуаль, скрывающую взаимосвязи, но пациент должен сам руководить процессом. Он не должен взвалить весь груз на врача.

Я подхожу теперь ко второй части моих рассуждений, которая больше относится к научной области, а именно к вопросу: насколько сильно телесный недуг влияет на душевное развитие? В этом пункте, как вам известно, индивидуальная психология имеет особенно прочные основания. То, как ребенок воспринимает неполноценность своих органов, и то, как телесная сфера влияет на развитие душевной сферы, относятся к числу главных вопросов индивидуальной психологии. При этом мы сталкиваемся с фактом, который наложил отпечаток на всю нашу теорию. А именно: из факта неполноценности органа мы не можем вывести никаких обязательных заключений. Мы можем советовать, можем понять, но никогда не скажем, что в душевной сфере обязательно должен наступить совершенно определенный результат. Если, например, ребенок страдает неполноценностью желудочно-кишечного тракта, органов чувств, эндокринной системы, то мы никогда не сможем с определенностью установить, хотя мы считаем подобные эффекты понятными, что в результате этого произойдет. Это становится понятным, на мой взгляд, только тогда, когда человеку известно, что если мы говорим о такой корреляции и о влиянии тела на развитие психики, речь идет не о законах природы, а о творческом, конструктивном достижении душевной жизни, — не о реакции, не о рефлексе, не о сумме рефлексов, а о творческом достижении. В сущности, мы можем сказать, что любое выражение психики, любой жизненный стиль, с которым мы сталкиваемся, является творческим достижением и несет в себе индивидуальный признак. Не по закону причины и следствия, не по принципу каузальности возникают эти достижения, но в результате стремления, отношения к вопросам, касающимся каждого индивида. Если подумать о том, как ребенок воспринимает, ощущает свое тело, становится ясным, что мы находимся в огромном царстве ошибок

и недостатков душевной жизни, что последствия совсем не поддаются оценке, поскольку дело здесь не в причине, а в том, что этот процесс происходит в рамках стремления к цели, представляющей собой в целом цель превосходства, совершенства.

Следует только отметить, что специфическое действие специфических ядов или специфических изменений в секреции желез попадает в область органической болезни, а не неврозов. Иначе это было бы такой же ошибкой, как если бы мы захотели лечить прогрессивный паралич подобно неврозу. Здесь речь идет о болезни, и если нам удается устранить болезнетворный агент с помощью противоядия, то это, разумеется, нельзя сравнивать с тем, что мы видим при неврозе, где ошибочное представление о ценности собственного Я порождает нерешительность, ведет к остановке. Если эти явления еще и можно рассматривать как похожие, то психологическое различие все же огромно.

Здесь остается открытым еще один важный вопрос, а именно: почему так часто недостатки в строении органов, наследственные дефекты принимают определенные и типичные формы. Вплоть до наших выступлений господствующее представление, которое провозглашалось или молчаливо подразумевалось, заключалось в том, что органические изменения, особенно в эндокринной системе, и вызывают подобные формы. При этом игнорировалась точка зрения, имеющая, на мой взгляд, первостепенное значение. А именно: если детей с врожденным неполноценным органом поместить в нормальную в целом ситуацию, которая для них не годится, где их пытаются развивать, используя обычные средства воспитания, которые для них не годятся, то тогда нельзя говорить, что только неполноценность органов, недостаточность желез является ответственной за неудачи. Мы можем увидеть из терапии, что для таких детей или взрослых необходимо найти свой метод. Речь не идет о том, чтобы для самых разных причин применять единый метод. Но мы не вправе также игнорировать то, что многие дети при использовании пригодного метода не будут совершать определенных ошибок.

Как видите, у нас имеется множество нерешенных вопросов, которыми, несомненно, предстоит заняться в ближайшее время. И поскольку мы распространили область психотерапевтического врачебного умения также на воспитание, поскольку мы исследуем и лечим, используя свой подход, также и трудновоспитуемых детей, преступников и т. д., то со-

вершенно естественно, что мы вправе, исходя из одной формы неправильной жизни, делать вывод о другой. Это настолько облегчило нашу задачу, что, во-первых, у нас появилась возможность учитывать единство жизненного стиля и не впадать в ошибку, полагая, что у индивида могут быть душевные движения, которые противоречат друг другу; во-вторых, мы можем теперь исходя из одной ошибки делать вывод о других. Когда, например, мы рассматриваем случай из практики воспитания, подобный тому, что будет представлен ниже, мы можем сделать выводы, которые относятся уже к области неврозов или психозов.

Речь идет о двенадцатилетнем мальчике, втором ребенке в семье, который доставляет всевозможные проблемы своему отцу, по профессии учителю. Он считается испорченным ребенком, которому грозит исправительная колония. Рассказывать это учителю по разным причинам особенно тяжело. Не так уж редко бывает, что у детей педагогов случаются подобного рода промахи. Этот мальчик заболел туберкулезом тазобедренного сустава. Ему пришлось целый год неподвижно пролежать в гипсе, и о нем всячески заботились. Когда он снова смог встать и двигаться, то стал лучшим ребенком в семье. Я убежден, что если бы случилось обратное, что также бывает, когда после болезни, например энцефалита, краснухи, коклюша, прилежный ребенок становится трудновоспитуемым, то врачу было бы очень сложно избавиться от впечатления, что причиной такого провала является заболевание. Здесь перед вами противоположный случай. Я не думаю, что кто-нибудь станет утверждать, будто благодаря болезням, токсинам и прочему можно приобрести также и добродетели.

Теперь я хотел бы затронуть другой вопрос, которым я занимался в своих работах гораздо подробнее, а именно: в какой мере душевные процессы могут влиять на тело? Это старая проблема, о которой, казалось бы, едва ли можно сказать что-то новое. Тем не менее, возможно, нам удастся сделать несколько шагов вперед, и если станет понятно, что все душевные побуждения осуществляются в теле, то такое несколько более глубокое понимание взаимосвязи души и тела, вероятно, в некотором отношении поведет нас дальше. Вспомним, например, о том, что определенные аффекты в острой и хронической форме оказывают очень сильное влияние на тело. Индивидуальная психология всегда указывала на то, что определенные формы головной боли и мигрени,

невралгия тройничного нерва, а также случаи, которые сегодня причисляют к эпилепсии, несомненно, возникают под влиянием аффекта гнева. Это, разумеется, заметит только тот, кто подходит к этим вещам как психологически образованный врач и испытывает интерес к выяснению взаимосвязей. Если же человек этому противится, то его интерес будет настолько сужен, что он совсем не обратит внимания на сопутствующие заболеванию обстоятельства. Я не раз наблюдал случаи мигрени и обнаруживал ситуацию, в которой, по моему представлению, вполне был бы уместен приступ гнева.

Это же относится и к другим заболеваниям, где органические изменения существуют с самого начала. Вспомните, например, простой факт, что в состоянии гнева лобные артерии у некоторых людей вздуваются совершенно иначе, чем у других, и полностью меняют выражение их лица. Этого, пожалуй, достаточно, чтобы прийти к выводу, который сделали мы, индивидуальные психологи, о необходимости воздействовать также на более глубокие изменения, например на циркуляцию в мозге, на более глубоко расположенные сосуды. Я могу также подчеркнуть, что мы, индивидуальные психологи, основываемся на достижениях медицины и считаемся с ее фундаментальными выводами. Правда, мы не всегда можем точно установить, где находится уязвимое место недуга, и вынуждены, как и представители других дисциплин, довольствоваться пока приемлемыми гипотезами. Однако напрашивается предположение, что те или иные асимметрии каналов, по которым идет пятый мозговой нерв, служащие причиной невралгии тройничного нерва, а также неполноценности органов в виде асимметрии артерий и вен, ведущих к изменению давления в состоянии гнева, могут вызывать также постоянное возбуждение и постоянную боль. Нет никакого противоречия, когда мы говорим, что пациент, который абсолютно хорошо себя чувствовал, в связи с этими явлениями вдруг начинает испытывать головную боль.

Разумеется, я опять-таки исключаю случаи, где имеют место грубые анатомические дефекты. Без сомнения, существуют люди, у которых от гнева раздражается пищеварительный тракт, которых в состоянии ярости рвет. Нельзя также отмахнуться от того, что аффекты каким-то образом влияют на эндокринные железы и тем самым вызывают патологические явления. Мне известно, что один русский исследователь и один американский близки к установлению этих

взаимосвязей, причем они полагают, что сумели обнаружить здесь некие токсины.

Это обстоятельство становится более очевидным, если мы рассмотрим область тревоги. В той или иной форме тревога играет особую роль в неврозе. Она является основным выражением чувства неполноценности и представляет собой попытку малодушных людей добиться цели превосходства. Она является функцией интеллекта и у разных типов будет занимать разное место во взаимосвязи явлений. По моему мнению, когда ссылаются на симпатическую или парасимпатическую систему, это ничего не объясняет. Это не более чем проводящие пути. Когда состояние тревоги особенно сказывается на деятельности erectores pili, потовых желез, сердца, пищеварительного тракта, мочевого пузыря, половых органов и т. д., имеется врожденная неполноценность органа.

Возможно, вышеупомянутый тип гораздо более распространен, чем мы знаем. Возможно, именно взаимосвязь между тревогой и половыми органами встречается настолько часто, что некоторые авторы скорее бы умерли, чем стали бы понимать эту взаимосвязь лишь как один из возможных вариантов. То, что скорбь каким-то образом ведет к похуданию, является несомненным, хотя мы пока еще не знаем, как это происходит, поскольку то, что человек начинает меньше есть, явно не может быть единственной причиной. Поэтому также и здесь следует подумать о факторах, влияющих на тело таким образом, что происходит уменьшение веса.

Я не хочу слишком вдаваться в этот раздел; будет лучше, если я обращу ваше внимание на одно обстоятельство, позволяющее понять, как у одних людей могут происходить физические изменения, которых нет у других. Точка зрения, что речь, возможно, идет об определенных типах, вызывает сомнение. Остается допустить другую возможность, тренировку. Тот, кто вплотную занимается явлениями тренировки в психической сфере, может вывести из этого — что не составит ему особого труда — определенные заключения. В частности, остались без внимания определенные факты, например, то, что человек может тренировать свое настроение. Вам нужно только записать мысли и сновидения меланхолика, и у вас будет прекрасная возможность посмотреть, как он в течение долгого времени упражняет свою скорбь и плохое настроение. Кто ставит во главу угла прежде всего соматические факторы, тот не обратит внимания

на удивительное, искусное построение такой тренировки. Когда вы рассматриваете сновидение, в котором кто-то умирает, то ясно, что этот сон может вызывать и фиксировать настроение, которое влияет на поведение человека в течение следующего дня. Все известные нам неудачи (невроз, самоубийство, преступность и т. д.), несомненно, долгое время тренировались. Эту тренировку можно доказать, и она может показать нам, на что пациент уже давно нацелен, как он пытается достичь этой цели. В заключение, чтобы объяснить эту тренировку, позвольте мне изложить один случай невроза навязчивости.

Речь идет о 45-летнем мужчине, который в жизни играет солидную роль и снискал уважение, но который жалуется, что всякий раз, когда он поднимается на первый, второй, третий этаж, испытывает навязчивое желание броситься вниз. Эта мучительная идея преследует его с пубертатного возраста. Сам по себе этот навязчивый импульс не представляет собой ничего особенного. Но если вы согласны здесь с одним из технических принципов индивидуальной психологии, то, чтобы понять симптом, вам прежде всего следует спросить: что получается при такой возможности? Нужно ясно ответить, что этот человек скован в своих стремлениях. То есть он обременен. Он страдает также от сознания этих импульсов. Далее, если вы хотите понять симптом, вы должны раскрыть его содержание и просто понаблюдать за действием, которое происходит. Тогда вы согласитесь, что только тот может иметь импульс броситься вниз, кто чувствует себя наверху. Дело обстоит точно так же, как и в сновидениях о падении, которые также могут быть конкретными только тогда, когда сновидец в соответствии со своими предположениями ощущает себя наверху. Вот насколько далеко мы можем пробраться уже при поверхностном рассмотрении вещей. Но мы еще не знаем, какой смысл пациент вкладывает в то, чтобы обременять себя подобным образом. То, что он наверняка не является смелым человеком, вытекает из содержания симптомов. Он боится своего импульса. Мы можем также предположить, что он не очень самому себе доверяет, что он был изнеженным ребенком. Это также подтверждается. Он был младшим ребенком в семье. Тут он рассказывает, что всю свою жизнь всегда чего-то опасался. Что это значит для человеческой жизни, — понятно, но здесь вы видите тренировку. Он проверял, что в мире может быть для него опасным.

То, что одной из черт характера подобных людей должна быть осторожность и то, что они все более укрепляют такие черты характера, является совершенно естественным. Но мы хотим посмотреть, что же является ядром его жизненного стиля. Мы хотели бы выявить прототип этого избалованного ребенка, и здесь нам помогает проникновение в важную область первых детских воспоминаний. Мы смогли установить, что в этих воспоминаниях всегда можно найти некоторую часть, завиток прототипа жизненного стиля. Что это — настоящие воспоминания или нет, значения не имеет. Одно из воспоминаний нашего пациента было таково: «Когда в шесть лет я должен был пойти в школу, я испытывал ужасный страх, особенно после того, как один мальчик хотел меня там избить. Но в последний момент я набросился на него и повалил на пол». Нам приходит на помощь то обстоятельство, что мы знаем: жизненный стиль человека формируется уже к четырем-пяти годам и может меняться только под определенным воздействием. Таким образом, мы можем сравнить этот прототип с прототипом нашего пациента. Он указывает на человека, который преодолевает свой страх, всегда идет по свету с чувством победителя. Это согласуется также с нынешним неврозом навязчивости; он никогда еще не бросался вниз. Он всегда побеждал свой импульс. Отсюда же берется его спокойствие, уверенность, что он, как и в детстве, справится с грозящей опасностью. Поскольку такие опасности существуют не всегда, он выдумывает их и ведет себя как ребенок, который настолько увлечен игрой, что воспринимает другого ребенка, например, как индейца, хочет его победить и уверен, что он герой, раз носит бумажный шлем и деревянную саблю. Мы обнаруживаем здесь точно такую же иллюзию, даже если нам предъявляется только ее часть. Практическую часть он нам не предъявляет. Он не может показать, что является победителем, иначе его тяжелая ноша спадет, и он не сможет больше играть в эту игру — казаться обремененным. Из этого мы можем сделать также вывод о так называемом сознательном или бессознательном, в отношении которых индивидуальная психология утверждает, что они не обнаруживают различий в направлении цели. Только невротик подчеркивает противоположность в такой значительной степени. Наш пациент живет где-то в противопоставлении: победитель—побежденный.

Я бы хотел на этом закончить, но еще раз подчеркну, что и в этом простом случае вы видите тренировку, осуществляемую, чтобы занять

позицию победителя. Этот человек во многом преуспел, но он сделал еще нечто большее. Он прожил жизнь со страхом совершить самоубийство, но не только это: все, чего он до сих пор достиг, не отражает того, чего бы он мог добиться, если бы ему не нужно было нести этот груз. Это — особенный тип в неврозе, который не так доступен, как другие, где стремление к самоутверждению проявляется отчетливо. Но стремление к самоутверждению всегда следует воспринимать как позитивный фактор для понимания душевной жизни.

На это я и хотел указать в связи с воздействиями телесных и душевных состояний, которые проявляются в тренировке.

Индивидуальная психология и теория неврозов

Наше сознательное мышление по поводу некой проблемы, пожалуй, всегда начинается с акта концентрации. Вместе с тем это означает: с исключения несущественных или побочных деталей, которые мы воспринимаем как помехи при решении неотложных задач. Тут мы, однако, с избытком наделены проблемами всякого рода. Соответственно и большим объемом нашего сознательного мышления. Если бы человек был полностью и всегда приспособлен к требованиям жизни — среди всех живых существ к человеческому индивиду это относится, пожалуй, в наименьшей степени, — то его жизнь могла бы протекать бессознательно, словно механический процесс в виде успешной полноценности. Но поскольку, к счастью, это не так, то мы всегда оказываемся перед проблемами, которые возникают словно контрольное испытание. Наш ответ свидетельствует о степени нашей готовности, демонстрирует приобретенное нами умение, дееспособность, мужество, разум, характер и мораль.

Сколько бы вопросов и проблем ни ставила перед индивидом жизнь, их было бы, наверное, просто решить, если бы мы были правильно подготовлены. В таком случае наши ответы и решения также оказались бы «правильными». Перед индивидуальной психологией были поставлены следующие вопросы: 1). В чем состоят жизненные проблемы? Не существует ли при всем их разнообразии некоторого обязательного условия? 2). Что происходит, если в готовности индивида это обязательное условие не выполняется?

Что касается первого вопроса, то здесь получилось неожиданное решение. В нашей жизни не существует иных вопросов, кроме вопроса о *социальной позиции.* Выполняет ли человек важную работу,

трудится ли над каким-либо изобретением, занимается ли наукой — ценным, хорошим, правильным будет только то дело, которое полезно для общества. В том, как один человек относится к другим, в товарищеских отношениях, в дружбе, в общении и во всех соответствующих чертах характера, добродетелях, любви к истине, открытости, интересе к другим, к своему народу, к человечеству ощущается степень его контактности, его готовности к жизни в обществе. Наши органы чувств, зрение, слух, осязание, нацелены на контакт. Их функция, которую часто упускают из виду, состоит в социальной взаимосвязи, восприимчивости. Речь, все выразительные движения, правильные и неправильные, «здоровые» и невротические, отражают степень контактности. Разум имеет всеобщее значение, любая мораль стремится установить «правила игры» ради пользы для общества, эстетические чувства и суждения проникнуты взглядом в будущее человечества; они устремлены к вечным ценностям и создают мечту о более прекрасном, более здоровом мире. Целью политики, религии является благо общества в целом или его части. Любовь и брак в своем естественном и поэтому высшем проявлении представляют собой социальную взаимосвязь полов, нацеленную на достижение счастья и сохранение людского рода. В систему сексуальных отношений между двумя полами входит также и чувство общности, нацеленное на упорядочивание этих отношений и принесение пользы обществу, а также накладывающее запрет на инцест и половые перверсии.

Физическая слабость человека перед природой, его чрезмерная ограниченность на этой бедной земле требуют от него чувства сплоченности ради сохранения жизни и приводят к развитию определенных форм культуры и к разделению труда. Необходимость заботиться о беременной женщине, о постепенно развивающемся младенце и сохраняющаяся долгое время несамостоятельность ребенка делают это чувство контакта более сильным. Вероятно, именно слабость и неполноценность человека в целом, его знание о смерти и грозящих опасностях и создают в качестве необходимого дополнения чувство общности, помогающее человечеству выжить.

Здесь я не могу не остановиться на беспочвенном, как мне кажется, возражении, что чувство общности является врожденным. Эти же проблемы многие авторы рассматривают в связи с вопросом о врожденных психических качествах. Мне представляется очевидным, что в душевной

жизни человека ничего не могло бы развиться, не будь для этого задатков, возможностей, склонностей. Развитие черт характера, особенностей и способностей зависит, пожалуй, в первую очередь от их воспитания, тренировки *и метода.*

В своей ограниченной сфере ребенок уже в первые дни жизни приступает к тренировке своих психических возможностей. Отношение кматери, к старшим и младшим братьям и сестрам, к отцу и к посторонним людям, к задачам своей жизни, к помощи и препятствиям прививается тренировкой, которая вскоре приводит *к механизации* форм его жизни. В более или менее похожих жизненных ситуациях, как приятных, так и неприятных, он будет вести себя всегда сходным образом. Слабоумных детей и детей с болезнями головного мозга я должен исключить, поскольку в их умственной тренировке слишком мало учитываются факты жизни. Иначе, однако, действует окружение, которое задает направление своими наставлениями, примерами и еще больше своими не столь очевидными влияниями. Если уже здесь мы должны учитывать врожденные способности и среду, то наша область станет еще гораздо более сложной, поскольку в самом способе тренировки велика вероятность детских ошибок. По этой причине нельзя заранее предсказать, будет ли ребенок развиваться неправильно. Проблему души нельзя разрешить математически или используя причинный подход.

Возможности ошибиться при построении жизненного стиля, очевидно, лежат в основе более *серьезных* столкновений и напряжений, которые в последующей жизни человека, как только его задачи становятся заметными или ощутимыми, привлекают к себе внимание, превращаясь в симптомы. Уже здесь можно утверждать: если в жизни существуют только такие вопросы, для примерного решения которых требуется определенная степень чувства общности, если эта степень чувства общности уже заранее определена и расходуется в механическом образе жизни, то всякий раз, когда возникают насущные вопросы жизни, требующие именно этой степени интереса к другим, будет происходить столкновение ошибочно построенной формы жизни, которой слишком недостает чувства общности. Ибо тогда этому человеку нечем платить.

И наоборот, вопрос относительно врожденных психических свойств, вариантов плюсов или минусов, особенностей влечений, инстинктов, наследственности в целом представляется теперь совершенно бесполезным.

Если мы способны — а это, согласно опыту воспитания индивидуальной психологии, является вполне установленным фактом — развивать ребенка в направлении общественной жизни, то тогда также легко бы удалось наследственные задатки сделать полезными для общего блага, если таковые действительно должны были играть определенную роль в душевной жизни, сублимировать их, как это называет Ницше, сделать их целесообразными, как это описал Фурье в своей системе фаланстеров. То и другое означало бы — наполнить их чувством общности.

Биологи, занимающиеся наследственностью, психологи, изучающие влечения и инстинкты, относятся к этому слишком просто. Там, где становятся очевидными неудачи, они ищут наследственный или инстинктивный элемент. Те и другие не замечают, что в их расчетах основную роль всегда играет недостаточное чувство общности. Те и другие ошибочно полагают, что исследуют корень зла, полностью в глубине, не видя, что позднее — когда встают социальные вопросы — только разыгрывается то, что происходит вследствие недостатка человеческого интереса, где все затем принимает форму «неправильного», «нездорового», «ненормального», «аморального», где видят тогда, забывая про основной фактор, только влечения, наследственность, физиогномику и т. д. Подобно тому, как при наводнении потерпевшие пытаются найти причины бедствия в растаявших массах льда, сильном течении, его изгибах, а не в слабости дамб.

Sapienti sat![1] Здесь становится понятным, каковы были новые идеи, которыми стремилась обогатить индивидуальная психология психологию неврозов. Скромность может нравиться, бросаться в глаза и возникать из личного интереса, так же как из приверженности социальному поведению. Эротика может проистекать как из эгоистической наклонности, так и из привязанности. Дружбу можно изображать, чтобы властвовать над другими, страх и чувства слабости можно упражнять и тренировать, чтобы вынуждать других оказывать помощь. Тот, кто считает себя достаточно глубоким, постигая «клубок влечений», по-прежнему пребывает на поверхности.

Во всех неудачах человеческой душевной жизни самым глубоким корнем всегда является недостаток совместной жизни, партнерства,

[1] Довольно рассуждать! *(лат.) — Примечание переводчика.*

сотрудничества, любви к ближним. Трудности воспитания, невроз, невропсихоз, самоубийство, преступление, мании всех видов, сексуальные перверсии, проституция — все это показывает нам, что течение жизни покинуло свое русло, потому что слишком слабы были дамбы.

Индивидуальная психология предприняла попытку укрепить дамбы. Этот путь, безусловно, отнюдь не новый. Наверное, это путь, который человечество всегда стремилось пройти в религии, воспитании, политике. Возможно, мы лишь лучше увидели взаимосвязи, поскольку в зловещем увеличении при неврозе мы увидели то, что предъявляет жизнь также и во всем остальном. И терапия индивидуальной психологии требовала укрепления дамб, связывания элементарных сил в возвышении до всеобщей пользы, тогда как другие в основном считали дамбу бесполезной или тайно или открыто хотели ее снести, быть может, с благими намерениями, полагая, что в этом случае будет лучше вращаться мельница.

Мы сумели увидеть: позднее обрушивается то, что с самого начала было слабым при построении, — действующий в рамках общества, но необщественный человек. То, что обнаруживается здесь при обвале, без сомнения, достойно рассмотрения. Но не ради самого явления, а поскольку становится очевидным, почему чувство общности не было полноценным. В симптомах страха мы видим чувство слабости и неуверенности, которое, как при панике, едва ли допускает интерес к другим. В навязчивых явлениях мы видим попытку малодушного человека добиться мастерства в бесполезных достижениях (не имеющих общественной ценности), поскольку доверие к общественно полезным достижениям оказалось слишком слабым. В меланхолии проявляется исполненное страхом нападение на других, которое переходит в терзание собственной персоны, точно так же, как при самоубийстве. В мании — мимолетный успех страстной, судорожной уверенности в себе, крик о самоутверждении сдающегося человека. В шизофрении на вершину возведено исключение другого. Общество, профессия, любовь — три основных жизненно важных вопроса — исключаются с ожесточением, а вместе с ними теряется весь смысл общественной жизни (см. выше: язык, разум, мораль, осмысленное стремление). Снова и снова мы находили в этих заболеваниях выражение утраты чувства общности и выражение малодушия в отношении сознательного стремления.

Очаг пожара никогда нельзя найти в прошлом. Всякий раз невроз разражается ввиду одного из насущных социальных вопросов, которые касаются общества, профессии или любви. Симптомы невроза всегда возникают вследствие напряжения, в котором оказывается несостоятельный пациент. Главными формами этого напряжения, когда оно конкретизируется, являются: страх, гнев и печаль. Заносчивость при мании, как я указывал, является судорожной попыткой превозмочь страх. По-видимому, мы частично преодолели также и трудность в объяснении различных невротических форм выражения. На это напряжение, затрагивающее вегетативную систему, различные типы людей реагируют по-разному, одни — прежде всего нарушением работы желудочно-кишечного аппарата, другие — системы кровообращения, у третьих страдает мочевыделение или половая функция. Сокрушенный в своей душевной позиции, малодушный невротик ищет защитные пункты для отвержения социальных задач и подыскивает те или иные оправдания (например, власть над другими при страхе открытых пространств, неспособность сконцентрироваться и навязчивые чувства, фобии, чтобы уклониться от задач, перверсии с этой же целью). К чему бы ни приводило возбуждение симпатической и парасимпатической нервной системы эмоциями, мы, очевидно, стоим здесь перед последним неразрешимым вопросом. Мы знаем, что это происходит, но мы никогда не узнаем, как это происходит. Даже если подтвердится, что эмоции воздействуют на эндокринные железы (надпочечники, гипофиз, половые железы и т. д.), — больше чем об их повышенной уязвимости, возможно, вследствие их неполноценности, возможно, вследствие неполноценности подводящих путей вегетативной системы, мы никогда не узнаем.

Однако основную часть достигающих выражения нервных симптомов мы обнаруживаем укорененными, обозначенными в раннем механическом жизненном стиле. Один из первых выводов индивидуальной психологии состоял в том, что нервные нарушения, функциональные неврозы часто возникают в области наследственно неполноценных органов и их систем. Нам не раз удавалось показать, что картина невроза принимает в невротической функции форму изначально слабого органа, и таким образом мы пришли к выводу, получившему подтверждение лишь позднее (см. *Adler,* Studie über Minderwertigkeit von Organen, 1907), что наличие неполноценных органов, а также эндокринных желез создает диспозицию

к неврозу. Ряд более поздних данных, в том числе Кречмера, указывал на тот же путь. Но мы смогли установить нечто более важное, а именно наличие неполноценных органов, из-за которых нередко значительная и продолжительная перегрузка ребенка вследствие болезней, недугов, слабости и одностороннего интереса *препятствует развитию интереса к другим людям, развитию чувства общности.* Мы бы хотели только немного ослабить значение наследственности, которое, похоже, содержится в этом утверждении. Ведь легко понять, что леворукие дети, например, страдают от одного наследственного порока и подвергаются опасности утратить интерес к обществу. Но мы, используя *пригодный метод,* можем избежать опасностей такого порока. То же самое в известной степени относится и к нашим прежним медицинским знаниям о всех прочих неполноценных органах. И далее мы хотели бы подчеркнуть, что в целом нормальный ребенок при нерациональном питании будет испытывать те же проблемы, что и ребенок с неполноценным желудочно-кишечным трактом. Здесь снова проявляется основная идея индивидуальной психологии, согласно которой ни сам по себе орган, ни сама по себе среда не могут быть причиной неудач, но только напряжение, создаваемое тем и другим, плюс ошибочные психические воздействия составляют существенный фактор.

Тем самым был определен дальнейший путь. Мы должны были исследовать душевную перегрузку невротиков в их детстве также и в других ситуациях, которые препятствуют развитию чувства общности. И обнаружили ее у двух других типов детей, где возможны различные вариации, — у «избалованных» и у «ненавистных» детей. И те и другие не могут присоединиться к обществу, а в их жизненном стиле, ставшем механистичным после четвертого-пятого года жизни, в дальнейшем для этого уже нет свободного места. Только правильное понимание этого изъяна может сделать доступной новую тренировку чувства общности.

Идя дальше своим путем, мы пришли также к отрицанию травмы, в особенности сексуальной, которая, по мнению других, должна лежать в основе невроза. Все переживания оказывались *ассимилированными* жизненным стилем, который становился механистичным уже в раннем возрасте. Где бы мы ни обнаруживали сильные аффективные переживания, связанные с неврозом, они никогда не выступали в качестве причин — уже подготовленным жизненным стилем они вводились в пагубную связь.

Поэтому мы могли также существенно ограничить роль бессознательной сферы в неврозе. Все пробужденные впечатления, настроения, жизненные позиции — неизменно проявляющиеся и в сознании — оказывались фрагментами в построении жизненного стиля, всегда относящимися к усилившемуся чувству неполноценности, которое проистекало из неполноценности органов, избалованности и подавления. Мнимое противоречие между сознанием и бессознательным, мнимая амбивалентность чувств, тенденций, черт характера оказывались не существующими, как только *становилось понятным* единство жизненного стиля.

В сознательных выражениях, равно как и в «бессознательных», каким-то образом вырвавшихся из темноты воспоминания, выявленных или разгаданных выразительных движениях, переживаниях, позициях и оценках всегда проявляется один и тот же жизненный стиль и — что особенно важно — то же самое существенно ограниченное при неврозе чувство общности. Этот минус и есть то, что — как подчеркивалось ранее — определяет недостаточную пригодность к решению социальных жизненно важных вопросов. Недостаточная же пригодность проявляется в повышенном напряжении, которое в свою очередь ведет к телесным и психическим «симптомам напряжения». В дальнейшем эти симптомы воздействуют непосредственно и создают в итоге заградительные приспособления, из-за которых пациент, как велит ему его жизненный стиль, колеблется (заикание, тревога, навязчивые явления, фобии и т. д.), останавливается (эритрофобия, страх открытых пространств и т. д.) или уклоняется на бесполезную сторону жизни (сексуальные перверсии, психозы, самоубийство, преступление и т. д.). Одновременно в картине явлений очевидны малодушие и апелляция к признанию смягчающих обстоятельств. Во всех случаях невроза *«вчувствование»* в болезненную ситуацию как способ выражения *боязливой установки* играет важную роль, на которую слишком мало обращали внимания, равно как и частный интеллект, в различной степени лишенный common sense (общественного разума). (Особенно отчетливо при психозе.)

Лишь вкратце я хочу коснуться того, что сегодня чуть ли не всеми признано заслугой индивидуальной психологии, — строгого подчеркивания ею «финального апперцептивного подхода». Под этим понимается, что каждый индивид из чувства слабости и неполноценности, возникающего также в результате физического развития, стремится к цели,

к «идеальной конечной форме», то есть к преодолению всех трудностей жизни. Достижение этой цели может принести удовлетворение и создать подлинное чувство собственной ценности только на *полезной* стороне жизни, в развитом чувстве общности, где индивид ощущает себя *ценным* (это может означать только одно: ценным для общества). Поэтому в неврозе всегда будет обнаруживаться проистекающее из самого раннего детства усилившееся чувство неполноценности, из-за которого пациент всегда ищет поблажки (в общественной жизни, профессиональной, в сексуальности), существенно ограничивает радиус своих действий и нередко выражает это стремление к поблажкам в желании смерти. Но и на бесполезной, противной общности стороне жизни усилившееся чувство неполноценности подстегивает его к цели установления исключительно личного превосходства или к видимости превосходства, которая достигается чаще всего за счет других. Наиболее пригодные для этого настроения и аффекты, такие, как страх, ярость, печаль, чувство вины, в своей собственной динамике вновь обнаруживают судорожную попытку подняться «снизу» «вверх», избавиться от усилившегося чувства неполноценности и достичь превосходства над другими людьми, соперниками. Следовательно, в каждом психическом проявлении наряду с определенной степенью чувства общности можно выявить и подтвердить в другом месте индивидуальное стремление к превосходству. Таким образом, мы спокойно закроем дело только в том случае, если увидим эту двойную динамику в невротическом симптоме точно так же, как в каких-либо других жизненных проявлениях.

Убежище «бессознательного» могло бы быть существенно потрясено этими установлениями. Поместить туда «инстинктивное» и изгнать его из «сознательного», противопоставить «сознательное» «комплексам» «бессознательного» представляется ложным путем. Для индивидуального психолога этого различия не существует, поскольку он должен понять все, что может быть осознано, во взаимосвязи. Тем самым разрушается также идея «амбивалентности», если воспринимаются параллельные линии и формы движения чувства общности и стремления к превосходству в двух или нескольких проявлениях. Во всяком случае можно утверждать, что через мнимую противоположность или противоречие (при неспособности принять решение, сомнении или безрезультатном желании) выражается боязливая установка. Чувство общности настолько пронизывает всю

инстинктивную жизнь в первые дни после рождения, что изолированное рассмотрение инстинктивной жизни становится бессмысленным. Все, что кажется странным, патологическим, ненормальным, возникло из-за недостаточного чувства общности. Последнее же и, кроме того, имманентное стремление к идеальной конечной форме являются самыми глубокими движущими силами душевной жизни человека.

Вместе с тем и важные изыскания Фрейда ничуть не утратили своего значения. Только то, что он обнаружил в бессознательном, является не движущей силой, а более поздним направившемся по ложному пути стремлением к власти, ассимилированным ошибочным, глубоко укоренившимся жизненным стилем. Если подойти с наших позиций к более сдержанным изображениям эдипова комплекса, к теориям вытеснения, трансформаций влечений, цензуры, сексуальных компонентов, травматического переживания, то без труда обнаружится, что *«бессознательными» предпосылками авторов* при иносказательном изложении своих воззрений всегда являются: *усилившееся чувство неполноценности, стремление к личному превосходству, недостаток чувства общности.*

Ссылка на архаические отношения также не может оправдать «инстинктивное зло в человеке». Все внушающие доверие результаты исследований демонстрируют нам образ «дикаря» как общественного существа, нацеленного на укрепление совместной человеческой жизни.

Если вкратце коснуться вклада индивидуальной психологии в понимание сновидений, то мы обобщим его следующим образом: задача сновидения состоит в том, чтобы, продуцируя чувства, ослабить или устранить влияние common sense. Поэтому оно должно быть «непонятным», чтобы тенденциозным образом утвердить жизненный стиль сновидца в связи со стоящей перед ним задачей, что достигается только через «обман чувств», а не через рациональное размышление.

Отношения между неврозом и остроумием

Поразительно, как много общего можно обнаружить в техническом строении и в структуре невроза, а также в отдельных неудачах развития человека, например в запущенности ребенка, и в технике остроумия. При поверхностном рассмотрении в случае легкого невроза или нарушения у ребенка часто едва ли удается отделаться от мысли об удачной или неудачной шутке, и мы часто можем сказать пациенту или не способному чего-либо сделать ребенку: такого недуга не существует. Мы часто предлагали с помощью простого приема устанавливать степень, интенсивность нервозности, не углубляясь в дальнейшие взаимосвязи, и говорили: если спросить, в чем смысл данной болезни, чем она может быть оправдана, то до определенной степени этот недуг становится нам понятным. Мы стоим на позиции, что имеем дело с человеком, поставившим себе другие задачи, другую конечную цель, отличную от той, что требуем от него мы или требует от него жизнь. Ибо независимо от того, здоров он или болен, в качестве идеальной, типичной конечной цели человека мы вменяем ему в обязанность исполнение его жизненных задач.

Невротик же ставит перед собой совершенно другие задачи. И до тех пор пока мы будем поступать в целом как другие патологи, мы никогда не поймем, почему, например, юноша ленив, хотя это доставляет ему лишь одни неприятности. Только если мы спросим себя, не является ли его намерение совершенно иным и не ведет ли он себя правильно с точки зрения этой конечной цели, мы сможем установить, что в наблюдаемых нами явлениях в сущности все оказывается правильным, просто данный человек имеет другой, отличный от нормального,

жизненный стиль. Например, обычная система профессиональной жизни известна и невротику; каждый знает, что от него требует жизнь. Однако его поведение, его действия не зависят от этого знания и соответствуют другой системе.

Таким образом, мы имеем здесь перед собой две системы координат. Одна из них обычная, типичная для общества, включающая в себя всю логику, весь мировой разум, и в этом смысле мы ожидаем от индивида обычных действий. Но наряду с нею существуют частные системы координат, которые уже нельзя идентифицировать с первой. Например, когда очень изнеженный ребенок демонстрирует такое отношение к жизни, что с самого начала требует, чтобы ему все преподносили на блюдечке, чтобы всегда находился кто-нибудь, кто будет ему служить, и он мог бы, не прилагая усилий, достичь всего того, что другим дается лишь с превеликим трудом.

Часто мы встречаем людей, которые очень хорошо знают природную силу своего ума, а также значение типичной для общества системы координат, более того, даже имеют желание подчинить себя ей, но в то же время во всем их поведении отчетливо проявляется, что в действительности они придерживаются совершенно другой системы. Наши разъяснения при лечении нервных людей очень часто имеют оттенок иронии и юмора, из-за чего иногда может показаться, что исследователь не осознает серьезности своей задачи.

Если теперь, учитывая сказанное, приступить к рассмотрению остроумного анекдота, то можно будет найти сходные и родственные черты. В то время как слушатель использует свои мыслительные способности в соответствии с обычной системой координат, рассказчик неожиданно вводит другую систему, которая совпадает с прежней только в нескольких пунктах, но в остальном представляет все совершенно в новом свете. На примере небольшого хорошо известного анекдота покажем, как сталкиваются эти две системы координат и тем самым образуют комичное, странное и необычное.

Торговец расхваливает свою лошадь и говорит: «Если вы сядете на нее в шесть утра, то уже в девять будете в Прессбурге». Покупатель возражает: «Да, но что в девять утра мне там делать?»

Тот и другой, так сказать, говорят на разных языках; то, о чем идет речь, неожиданно расщепляется на два способа рассмотрения. Суть

анекдота заключается в этой двойственной системе координат. В этом пункте мы видим родство с другой «формой искусства» — неврозом.

Фактически к большому числу нервных явлений можно относиться как к плохой шутке. Они стремятся вывести нас из равновесия и порой поразить нас, словно шутка. С давних пор мы склонны разъяснять нервному человеку его заблуждение на примере анекдотов, показывать ему, что у него есть вторая система координат, по которой он действует, и что в соответствии с этой системой он не стремится, прилагая значительные усилия и избавляясь от ложных оценок, привести свою проблему в согласие с логикой. Здесь и находится главная точка приложения терапии, поскольку мы стремимся устранить ошибочные оценки, лежащие в основе действий невротика. Например, мы говорим, что никто не придает такого значения проблемам в работе, как тот, кто хочет от них уклониться, или что не считаем жизненные вопросы столь сложными, как пациент, и гораздо выше оцениваем его собственную энергию. Мы оцениваем все иначе, а именно исходя из той системы координат, которая присутствует в нашем уме в виде идеального образа. Стремлению пациента к другой системе координат подчиняется также его эмоциональная жизнь, поскольку она особенно подвержена ложным оценкам.

Однако нельзя утверждать, что речь здесь идет о недостатке интеллекта. Среди наших пациентов встречаются очень умные люди. Скорее здесь следует говорить об исковерканном интеллекте. Ибо *как только человек хочет уклониться от решения одной из своих обычных задач, он должен совершить насилие над своим интеллектом, поскольку тот ратует за решение.*

Что касается других пунктов, в которых соприкасаются невроз и шутка, то следует особенно подчеркнуть, что и в шутке существует закон, которым мы всегда руководствуемся при рассмотрении душевной жизни, а именно взаимосвязь с чувством общности. Здесь мы снова обнаруживаем стремление к самоутверждению и желание обесценить других. Нет сомнения в том, что шутка также представляет собой бунт против обычной для общества системы координат. Хорошей шуткой, однако, может быть только та, в которой обе системы имеют примерно равную ценность. Если одна из них явно бесполезна, то мы уже не имеем дела с хорошей шуткой. Поэтому невроз можно скорее сравнить с плохой шуткой, ибо с точки зрения индивидуальной психологии его собственная система координат выглядит обесцененной.

Смена невроза и тренировка во сне

Болезнь пациента началась с невроза сердца. Он учился в гражданской школе, и ему — явно выраженному маменькину сынку — всегда казалось, что школа слишком удалена от дома. Уже в этом содержится намек на возможность агорафобии. Ибо если этот изнеженный юноша, у которого к тому же был строгий, властолюбивый, склонный иногда выпить отец, постоянно ластится к матери и, по существу, обретает в ней весь мир, то мы можем уже ожидать, что все остальные ситуации, отличные от ситуации с матерью, покажутся ему трудными. Если в народной школе дела еще шли ни шатко, ни валко, то в гражданской школе положение ухудшилось. Он часто пропускал занятия, и, поскольку его мать страдала сердечным недугом нервного характера и поэтому часто добивалась освобождения от работы, то нас не удивляет, что и он тоже очень скоро научился продуцировать время от времени учащенное сердцебиение, воображая ужасные события, происходящие между ним и отцом, чтобы иметь возможность оставаться рядом с матерью.

Итак, у него участилось сердцебиение, и поэтому ему часто удавалось оставаться дома. Лечение было обычным: ему давали пузырь со льдом, бром и другие сердечные средства. Пребывания с матерью всегда было достаточно, чтобы его успокоить, и, если какое-то время он чувствовал себя хорошо, его снова отдавали в школу. Между тем он стал учиться еще хуже, и тут неожиданно выяснилось, что сердцебиение и вечный страх, что с ним случится сердечный удар, оказались для него недостаточными и что такой способ воспрепятствовать своей отлучке из дома больше уже не срабатывал. Если бы тогда его поняли, то ему следовало бы сказать, что невроз сердца был плохим выбором.

Теперь он нашел лучший. Ни с того ни с сего он внушил себе, что больше не может выходить из *дома самостоятельно.* Его должен был кто-нибудь сопровождать — либо отец, либо мать, что вызывало затруднения. Таким образом, он достиг той же цели — по возможности оставаться дома, не подчиняться школьным требованиям, поскольку он нуждался в ком-то, кто бы отводил его в школу, а сделать это было непросто.

В результате его учеба продвигалась с большим трудом. Время от времени ко всему прочему добавлялась мысль, что он должен умереть. Но эта мысль опять-таки была для него крайне неприятна. Она утверждалась в нем насильственным образом и возвращалась к нему по любому поводу. Но однажды он покончил с ней, сказав себе примерно следующее: «Со мной случится что-то нехорошее, но совсем необязательно, что это будет смерть, ведь я могу и сойти с ума». И, таким образом, у него начала закрепляться новая навязчивая идея. Но, разумеется, сама по себе она не обладала той силой, какой обладали его прежние нервные проявления. Он мог раздражать ею родителей или вызывать страх у самого себя. Но школу он не мог полностью отодвинуть в сторону.

Теперь у него вдруг возникло навязчивое действие, которое состояло в том, что всякий раз, когда он куда-нибудь направлялся, он поворачивался посреди пути и возвращался обратно, — навязчивое действие, которое нам часто приходится наблюдать. Поскольку он сохранил еще определенную способность к контактам, понятно, что этот невроз также не мог быть настолько сильным, чтобы лишить его, например, всякой возможности деятельности. Но он мог *препятствовать* ей, он мог создать, так сказать, резерв, который становился активным тогда, когда его дела, как ему казалось, были плохи.

В дальнейшем он поступил на службу, где все сотрудники были выше его по должности. И хотя в целом к нему относились дружелюбно, он все равно ощущал на себе давление иерархической пирамиды. И тут у него возник невроз навязчивости. Стоило ему покинуть дом, как его зловещей силой влекло обратно. По прошествии некоторого времени ему удалось благодаря этому навязчивому действию избавиться от службы и исключить решение жизненных задач. Когда затем по совету врача его на год освободили от всякой деятельности, тяжесть навязчивого возвращения, по всей видимости, пошла на убыль. Данный факт

не кажется нам удивительным, поскольку невроз потерял всякое значение, как только пациент освободился от своих жизненных задач. Прошло еще какое-то время, и снова возникла навязчивая мысль о помешательстве. Зато он мог *добровольно* делать некоторые вещи, танцевать, ходить в театр и т. д. Но стоило заговорить с ним о занятиях, как с новой силой появлялась прежняя мысль, мешавшая ему что-либо делать. Она возникала даже в следующей форме: «Если ты сейчас это сделаешь, то сойдешь с ума». После того как ему было указано на эти взаимосвязи, которых он не понимал, он откровенно признался в том, что действительно хотел оставаться дома.

Несколько дней назад он вместе с отцом появился у меня с просьбой взять его на лечение. В целом дело пошло на лад. Он был лишь немного скован. Он стал более предприимчивым, начал даже уже подумывать о том, чтобы в скором времени вернуться на службу, «так как ему уже явно стало лучше». То есть он стал больше обращать внимание на взаимосвязи.

Тут он приходит ко мне и рассказывает следующий *сон:* «Я стоял напротив школы для девочек, которая находилась *поблизости от народной школы,* вместе с танцовщицей из ресторана и учителем из моей школы. Затем я пошел с ними дальше, но на следующем углу попрощался и пошел домой».

На самом деле школа для девочек находится совсем неподалеку от его дома, тогда как народная школа — на достаточно большом расстоянии. Он вспоминает, что, когда ходил в народную школу, всегда возмущался тем, что школа для девочек находилась так близко, а ему приходилось идти в дальнюю школу. Помещение во сне народной школы в непосредственной близости со школой для девочек демонстрирует нам не что иное, как мысль: «Еще ребенком я всегда хотел иметь все рядом!» Теперь нам также понятно, почему он не идет дальше с ними, а поворачивает обратно на следующем углу. Но если мы вспомним о том, как часто пациенты воспринимают лечение у нас так, словно находятся в школе, то тогда напрашивается мысль, что и здесь, в сновидении, речь идет не о народной школе, а о лечении и что врач, то есть я сам, олицетворяет учителя. Лечение — это единственная ситуация, которая представляет для него серьезное дело, и поскольку он живет далеко от меня, то и «дальний путь» также имеет непосредственное отношение ко мне. Это мое предположение также сразу же подтвердилось;

ибо, когда я еще ему ничего не разъяснил, он сказал: «Я вспоминаю, как учитель сказал, что я должен завтра вернуться в два часа; ведь в это время я прихожу к вам».

Следовательно, я и есть тот, кто сопровождает его на небольшом расстоянии и с которым он затем прощается, чтобы вернуться домой. Это является крайне важным моментом, который позволяет нам заглянуть за кулисы, ибо означает: небольшое расстояние я пройду с ними, но затем распрощаюсь. Я сказал ему, что из сновидения можно сделать следующий вывод: он размышлял, выгодно ли ему вообще это лечение. Он такое толкование отверг, но затем рассказал, что у него снова были приступы его прежних навязчивых мыслей. Таким образом, он занимает позицию: *«Это заходит слишком далеко;* если дело и дальше так пойдет, то чего доброго мне придется еще и работать!»

Теперь я мог ему сказать: «Если эта мысль возникла у вас сегодня ночью, то, значит, *вчера вы себя прекрасно чувствовали».* Он подтвердил, что вчера на вечеринке был очень весел и много танцевал (танцовщица из ресторана), и все ему говорили, что, раз он так весел, значит, с ним все в порядке.

Сегодня его привязанность к матери *уже не является настоящей,* какой была когда-то. Сегодня его связь с матерью — лишь хорошая отговорка, фикция, которая обязана своей стойкостью той выгоде, которую она приносит, но не является реальным, либидинозным фактором. Он все может, только вот, когда ему надо работать, вдруг слышит внутри себя призыв к матери. Это также является смыслом его сновидения. На мое объяснение он мне возразил: «Понятно, что пациент неохотно идет лечиться, *потому что до всего могут докопаться».* Он *не* знает, что относительно него могут догадаться: он *ничего не стоит,* ничего не может достичь, ни на что не способен. Он носит в себе чувство, что является законченным слабаком, и боится, что может себя разоблачить, себя выдать.

Самым важным мотивом образования сновидения является то, что сновидец сообразно своей личности делает пробный выпад, производит опыт, как ему вести себя по отношению к определенной проблеме. В этом, однако, заключена вся его сущность, подобный выпад может сделать только такой человек, каким является наш сновидец. Речь идет о триумфальном преодолении проблемы, то есть о том, чтобы подняться снизу

вверх. Сновидение появляется всякий раз, когда спящий находится в ситуации, в которой он ощущает угрозу, чувствует себя угнетенным.

Мы можем утверждать, что, пожалуй, само сновидение не является выпадом, но благодаря его пониманию мы приходим к тому, чтобы не рассматривать этот пробный выпад как нечто отдельное, а отыскивать непрерывное стремление также и в динамике сновидения, в котором сновидец *готовит* себя к определенной позиции. Такую подготовку нельзя теперь назвать иначе, как невротической аранжировкой, *тренировкой. В сновидении мы можем напасть на след тренировки пациента.* Если нам удастся пронаблюдать эту тенденциозную, продиктованную заблуждением тренировку, то мы сможем констатировать: здесь перед пациентом находится цель, к которой он всегда стремится, чтобы в своем стиле найти решение жизненной проблемы. И мы всегда будем обнаруживать в сновидении попытки решения, которые соответствуют личности пациента.

В данном сновидении мы видим, как пациент подводит себя к тому, чтобы обратиться в бегство. Он снова пробуждает в памяти опасения, которые одолевали его, когда он был еще ребенком. При этом напрашивается мысль, что в противопоставлении им школы для девочек и школы для мальчиков есть еще нечто, а именно представление о том, что быть девочкой намного проще. Придя к этой идее, я задал вопрос, не размышлял ли он когда-нибудь, кому, собственно, живется на свете лучше всех. Он некоторое время раздумывал, а затем произнес: «Я всегда считал, что девочкам живется гораздо легче, и теперь я вспоминаю даже, что моя мать всегда говорила мне, что лучше бы я был девочкой, потому что тогда я мог бы оставаться с ней дома».

Таким образом, юноша по меньшей мере колебался, уж не лучше ли ему было быть девочкой, и во всех проявлениях его личности отчетливо видно, как он пытался искоренить в себе все мальчишеское. В сущности, он ведет себя как человек, которого в худшем смысле называют бабой. Он всего боится, не проявляет мужества, ничего не хочет предпринимать, работа является для него чем-то неприятным, он всегда нуждается в сопровождении и т. д.

Мы понимаем теперь, почему он стремится выйти из сферы работы, найти ситуацию, где все ему достанется даром. Эту черту, эту динамику можно распознать также и в сновидении. Юноша хотел организовать всю

свою жизнь таким образом, чтобы всегда оставаться при матери. *Поэтому он должен постоянно тренировать свое влечение к матери.* Он является малодушным юношей, который изнежен теплом матери и стал непригоден к жизни. Только одно место находит он в жизни, где чувствует себя в безопасности и которое соответствует его подготовке и развитию: *рядом с матерью.*

Мы видим, что невротическая уловка юноши сформирована в том же направлении, как мы описывали ее при перверсиях. Его чувство неполноценности, взращенное вспыльчивым отцом, ситуацией в семье, где он рос единственным ребенком, его мягкой, уступчивой матерью, склонило его к исключению всех отношений, «где можно было бы докопаться», что он ничего не стоит. В этом настроении работа, самостоятельность, прогулки, ухаживание и т. д. воспринимаются им как нечто слишком опасное. Вследствие нарастающей изоляции у него остается лишь один путь — к матери. Этот путь знаком ему с детства. Его постоянное малодушие не позволяло ему найти другие пути. Таким образом, все его стремление к безопасности сводится к тому, чтобы оставить свободным путь к матери и перегородить все остальные пути. В этом нагромождении извилистых путей также и влечение к матери является лишь функцией малодушия. Изначальным и подлинным является только одно: его чувство неполноценности.

Следовательно, выздоровление зависит от устранения этого заблуждения.

Данный случай поучителен также с позиции выдвинутого индивидуальной психологией тезиса о «единстве невроза». Невроз сердца, страх открытых пространств, навязчивые мысли и действия поочередно сменяют друг друга, управляясь исключительно самим пациентом, который вызывает и тренирует их из ложного страха перед разоблачением своей предполагаемой «несостоятельности». Если бы кто-нибудь захотел подойти с собственной меркой к этой мешанине недоразумений, чтобы учесть физиологические или — что было бы здесь то же самое — либидинозные компоненты, то он сам оказался бы впутанным в эту комедию ошибок.

Опасности изоляции

Сущность человека и смысл его жизни можно понять только из его отношения с другими людьми и из ответов, которые он дает на насущные для общества вопросы. Ценность и значение мысли, действия, гениального достижения всегда основываются только на их вкладе в развитие человечества. Все великие творения индивидуальной и коллективной психики, законы, религия, достижения науки и произведения искусства получали свое значение исключительно благодаря своей постоянной или временной пользе для общества.

Природа немилосердно обошлась с человеком. Даже наша современная культура во всех ее формах по-прежнему недостаточно развита, чтобы можно было наслаждаться спокойным существованием. Процесс, возбуждаемый против нас природой, суров и безжалостен. Напряжение, в которое он нас повергает, бренность всего земного, беспомощность первых лет нашей жизни создают в душе каждого человека *настроение неуверенности и неполноценности,* из-за которого навязчивым образом развивается стремление улучшить свое положение.

Путь к ослаблению детской неуверенности четко предписан логикой фактов. Он ведет в сообщество людей. Поддержка и чувство сопричастности способны устранить неуверенность ребенка. Поэтому задача воспитания состоит в том, чтобы содействовать процессу «укоренения» и пробудить любовь к этой земле.

Многие дети растут, не обретая корней. Они ведут себя, словно чужаки среди других людей, и отстраняются от решения общих задач. Вариантов — бесчисленное множество.

Вместе и порознь они неверно решили свою арифметическую задачу. Жизнь каждого индивида, подобно арифметической задаче, имеет свое решение, заключает в себе абсолютную истину, разве что нам трудно

и невозможно рассчитать эту задачу до конца. Любая значительная ошибка подвергается критике и наказанию природой и внешним миром и препятствует приобщению к обществу и его задачам. Мы связаны с людьми трояким образом и должны считаться с этой связью трояким образом: в обществе, в работе и в любви.

Все, что предстоит нам сделать, предполагает согласие с целями общества. В соответствии с этим подготовка к жизни должна происходить уже в детстве. Ребенок не должен расти, словно чужак среди своего окружения, ему нужно познать его надежность, обрести веру в свои способности и воспринимать свое развитие в направлении общности как ценное и правильное.

Этому развитию легко могут помешать трудности нашей суетной жизни. В таком случае всегда можно найти причины, которые восходят к самому раннему детству. Они не имеют объективной природы, хотя и понятны. Они возникают из-за незрелой, ошибочной позиции ребенка. Это могут быть органические дефекты, болезни и недуги, и, хотя со временем их можно устранить, они уже в раннем возрасте создают неизгладимое впечатление о враждебности жизни. Или это могут быть оправданные или неоправданные ощущения бессердечности, имеющие те же последствия. Изнеживание также ведет к чрезмерной привязанности к узкому кругу людей и порождает парализующую неуверенность по отношению ко всему новому.

Со всеми этими тремя типами детей легко может случиться так, что они будут чувствовать себя словно в стране врага и потеряют контакт с жизнью.

Такое отношение к жизни неизбежно связано с чрезмерным вниманием к собственной персоне, с воинственной установкой и враждебной бесцеремонностью по отношению к другим людям. Только тогда, когда становится понятной техника эгоцентрической жизни со всей ее неуверенностью в будущем, с недостатком уверенности в собственных силах, как только она избавляется от всех уловок и ухищрений с их обесцениванием жизненного счастья и жизненной судьбы других, с ее удушением чувства общности и тщетным стремлением к усилению собственной власти варварскими способами, становится понятной *изолированность* таких людей и ее аберрация в невроз, фантастику и — при некоторой сохранной активности — в запущенность, преступление и самоубийство.

Отклонение, отход от путей общности проявляется очень рано и самыми разными способами. Но, пожалуй, ни один из окольных путей маленького ребенка не является столь важной причиной и следствием одновременно, как изоляция, какой бы она ни была — внешней или психической. Правильная подготовка к жизни в обществе становится из-за этого невозможной. Без сомнения, необходимость такой подготовки сегодня по-прежнему недооценивается. Она является предварительным условием общения с людьми, выбора профессии и профессиональной деятельности, формирования моральных и эстетических чувств, вступления в новые отношения, формирования логических и речевых функций и непринужденного создания дружеских и любовных уз. Она является также предварительным условием умения терпеть трудности и неудачи в доме, школе и мире.

Однако настоящая подготовка к жизни возможна только в обществе, точно так же, как обучить плаванию можно только в воде. Небольшие, но очень важные технические детали осанки, движений рук и ног, речевые формы выражения, логика, отношение к эмоциональной и аффективной жизни и общественно приемлемые формы удовлетворения влечений усваиваются только в самом обществе. Поэтому необходимо как можно раньше со всеми полезными мерами предосторожности знакомить ребенка с требованиями самых разных сфер жизни и препятствовать его изоляции.

В практической жизни это требование должно принять такую форму, чтобы ребенок уже в семье не встретил препятствий в присоединении к ее членам ни вследствие равнодушия, ни из-за односторонней привязанности к одному из родителей. Споры между родителями, пререкания и ссоры так же мешают налаживанию контактов, как и давление навязанного авторитета. Принуждение, придирчивость и препятствование самостоятельному развитию точно так же ведут к неуверенности и малодушию ребенка и делают его менее общительным. Вместе с тем тенденция семьи к изоляции, малодушие матери или отца, а также их страх перед будущим легко лишают ребенка веры в себя и наносят ущерб его способности вступать в контакты. Это малодушие может охватывать любые классы, нации или государства.

Образ изолированного ребенка не всегда легко распознать. Смысл изоляции почти никогда не осознается. Этих робких, нерешительных, замкнутых детей, которые ни с кем не дружат или дружат только с теми,

кто позволяет над собой командовать, которые зачастую беспрерывно читают книги и предаются мечтаниям, не так-то просто подвигнуть к сотрудничеству и солидарности. Их тщеславие и чувствительность непомерно велики и делают их непригодными для общих игр. Они всегда демонстрируют мужество только в фантазии или для бравады. Но уже при небольших затруднениях и неудачах они тут же идут на попятную и легко впадают в малодушие. Отговорки, ложь и уклонение от действий под разными предлогами часто встречаются как признак плохого приспособления к требованиям общества, равно как и ощущение странности происходящего, свербящее недовольство, нетерпение и недостаточное понимание ближних. Их жизнь кажется нам чужой, да и сами они со своим мелочным самолюбием ощущают себя чужими на этой земле, словно считают себя созданными только для высших сфер.

Невроз и преступление

Понятие человека предполагает наличие у него чувства солидарности. *«Возлюби ближнего своего»,* — говорилось не столько устами, сколько сердцем. Любое злодеяние, совершенное над человеком, противоречит логике совместной жизни людей и вызывает потрясения, которые проявляются зловещим, как правило, непонятным образом. Возьмем для примера ребенка, с которым жестоко и бессердечно обходилось его окружение и которого никто не приучал к сотрудничеству и любви к людям. Он подрастает и начинает мстить обществу, когда, став самостоятельным, совершает преступление за преступлением. В этом процессе нет никакой логики, также и нет причинности, но есть всегда наготове редко осознаваемый ложный путь. Тяготы и лишения жизни еще больше усиливают побуждение ненавидеть людей; естественные неудачи в любви и дружбе лишают тех, кто считает себя отвергнутыми, всякой надежды и всякой опоры, толкая их в пропасть, избежать которой они пытаются лишь хитростью и коварством. Выросшие в малом мире ненависти и взаимной вражды, они привносят свои преступные установки и шаблоны ненависти в большую общность людей, стремящихся к любви и взаимопомощи, без которых они могли до сих пор развиваться сами по себе благодаря собственной энергии. Но и последующие их вмешательства являются дилетантскими и фрагментарными: мы по-прежнему уповаем на поэта, вождя, гения, изобретателя, который решит эти вопросы лучше и превентивно или по меньшей мере укажет способ, как снова вернуть отщепенцев в общество.

Иногда у взрослого человека остается лишь впечатление, что его воспитывали без любви. На нас влияют не факты как таковые. То, как мы их воспринимаем и какова наша позиция в жизни, и приводит ко всем психическим последствиям. Каузальность, проявляющаяся в психическом,

не заключается в отношениях причины и следствия — мы сами делаем что-то причиной, которая и определяет следствия. Все психические процессы с самого начала устремлены к целям возвышения личности. Гнет бессердечного воспитания также воспринимается очень болезненно, если оно вступает в противоречие с чувством собственного достоинства. Для душевной жизни человека считается непреложным: любая психическая ситуация со всеми ее впечатлениями и ощущениями получает свой ранг, свою ценность и свое значение в рамках некоторой системы понятий и, соответственно, той системы понятий, которая находится под диктатом стремления к самоутверждению. (Фундаментальный принцип индивидуальной психологии.)

Но так как каждый ищет свой путь к вершине блуждая, может случиться, что в разных системах понятий и при разнообразии ложных путей одна и та же «причина» будет вызывать противоположные «следствия». Другой ребенок, также лишенный тепла, обладает достаточным мужеством и уверенностью и стремится в жизни к любви — разве что слишком бурно и с недоверием, — в которой ему до сих пор было отказано. Третий ребенок в аналогичном положении пытается хитростью справиться с ситуацией и выдает нам этим свою ослабленную веру в себя. Еще один из своего чувства слабости и бессилия делает оружие — оружие человека, который чувствует себя слабым, отказывается от самоутверждения и ответственности, демонстрирует свою неспособность, создает себе систему контрдоводов против любого действия и тем самым заставляет свое ближайшее или дальнее окружение о нем заботиться. В самом широком смысле слова он становится *невротичным.*

Если мы рассмотрим радиус действия невротика с самого детства и до конца его дней, то прежде всего нам бросится в глаза сдерживание им агрессии. Ни в «хорошем», ни в «дурном» нельзя отметить значительных достижений. *Последний остаток* активности растрачивается — зачастую необычным и своенравным образом — в одном или обоих направлениях, иной раз создавая для невротика, если он присоединился к ведущей идее, видимость величия, превосходства или покорности, но не приобретая плодотворной или ценной формы. Немногочисленные великие, вопиющие в безумии гении всегда были лишь одержимыми людьми, шедшими на поводу у безостановочно несущейся вперед идеи, и бездействовали там, где в традиционном понимании

бездействие означает изъян. Или они несли свой невроз как памятный знак и шрам от битв и трудностей детства, которые они в отличие от других успешно преодолели, укрепив веру в себя и свое мужество.

У сломленных бессердечием детей почти всегда отсутствует равномерность и гармоничность душевного развития: кто-то боится упасть в одну сторону, слабо защищается или без сопротивления падает, другие же с большим или меньшим пылом бросаются в противоположную сторону, но почти никто из них не демонстрирует соразмерности движений. Из этого большого круга выходят слабовольные люди, нелюдимы, невротики, индивидуалисты, правонарушители и люди, причастные к разным видам искусства. Во всех них бурлит не стихающая неудовлетворенность, и только художникам и философам удается примирение с общественными формами бытия — необходимая предпосылка любой плодотворной работы и любого ценного преобразования совместной человеческой жизни.

Совершенно аналогично, хотя и другими путями, протекает процесс душевного развития у изнеженных детей. Отвергнутая и отклоненная любовь загоняет одних в изоляцию, недовольство и вынуждает к исключению обычных жизненных форм, препятствует им в решении своих насущных вопросов. В целом изнеженные дети не прошли подготовку к самостоятельной жизни, приучены, как правило, опираться на мать, которая позднее дает им тем меньше, чем больше ожидают и требуют от нее дети. Их недостаточная подготовка к школьному распорядку, товарищеским отношениям, обществу, работе и любви постоянно приводит к разочарованиям, которые создают препятствия на пути развития нормальной жизнестойкости, снова и снова нарушают ее и подтачивают. В зависимости от ситуации, в которой растет ребенок, в зависимости от шаблонов, ослаблений или обострений на его прогнозируемом пути и возникающей большей или меньшей способности к заблуждениям, в зависимости от благоприятного или неблагоприятного его общественного положения определяется его судьба, понятная и непонятная одновременно, поскольку «причина» и «следствие» находятся на слишком большом для человеческой проницательности расстоянии друг от друга. То, как индивид делает что-то причиной, а что-то следствием, пока еще недоступно для человеческого понимания. Поэтому каждый из нас склонен приписывать получаемые удары собственной слабости, неполноценности,

а еще лучше злой воле других и обстоятельствам, а не пытается понять и устранить свое заблуждение, к которому подтолкнула его неблагоприятная детская ситуация.

У огромного числа заблуждающихся людей, которые относятся к этим двум группам, выявляется предрасположенность к неврозам и преступлению. Их объединяет: 1) чувство неудовлетворенности и ущербности; 2) недостаточная способность к контактам, неразвитое чувство общности, бесцеремонность по отношению к другим и по отношению к обществу, недостаточная готовность к социальной роли; 3) эгоистическая позиция и с детства натренированные эгоистические шаблоны жизни; 4) безудержное стремление подняться над своим уровнем, но не с помощью смелых действий, а с помощью уловок, хитрости или вероломства; 5) значительное сужение радиуса своих действий. Все эти явления, которые, как легко заметить, взаимосвязаны, обнаруживаются в равной мере в структуре невроза и преступления.

То, чем они *психологически* различаются, на первый взгляд кажется не очень важным. Вред, который наносит невроз окружающим людям и обществу, душевный и материальный ущерб, отсутствие общественно необходимых достижений нередко приводят к разрушению счастья, радости и даже жизни близких. Но это никогда не делается с сознательным намерением, всегда связано с ситуацией пациента и совершается, так сказать, спонтанно и само собой. Даже там, где в случае психоза речь идет об умышленном или неумышленном убийстве, воровстве, клевете, мошенничестве, всегда будет обращать на себя внимание недостаточная подготовка, отсутствие смысла и цели, и только в невротической системе эти действия выглядят осмысленными и целесообразными, если рассматривать их исходя из намерения и конечной цели невротика. Этим наносящим вред действиям недостает также логически и общественно понятной выгоды, которая все же бросается в глаза в чистых формах преступления. Так, например, юноша в состоянии помешательства убивает санитара, поскольку его бредовая система требует, чтобы он считал себя преследуемым, и заставляет защищаться. Молодой человек, который ошибочно потерял веру в свою работоспособность, но любой ценой стремится скрыть мрачную тайну своей неполноценности, ищет и находит спасение в кокаинизме и алкоголизме. Этот невроз и его последствия разоряют дотла родителей, отравляют их жизнь и распространяются

на дальнейшее окружение, причиняя вред и страдания. Весь ущерб чуть ли не с математической точностью возникает из ошибочного мировоззрения больного и его неверного метода жизни. Мужество, необходимое для того, чтобы соответствовать нормам, пропало; больной пасует перед своими задачами в жизни, озабочен лишь видимостью и стремится скрыть свое малодушие и мнимую бесполезность. Он постоянно думает и говорит о своем состоянии; пока сохраняется малодушие, продолжается и его бо лезнь: он *ведет себя как человек, который несет полный вздор.* И только с устранением этого глубоко укоренившегося за блуждения вновь появляется мужество для решения обычных жизненных задач. В ходе индивидуально-психологического исследования можно увидеть, как нервный, упавший духом человек тренирует защищающий, скрывающий его мнимую неполноценность невротический симптом. При этом вред другим людям возникает едва ли не сам собой, помимо воли больного, как правило, вопреки его чувствам и намерениям. Вся область сексуальных перверсий есть область, в которую спасается бегством утративший мужество человек. Все, к чему приводит здесь возбуждение полового влечения, сводится к нанесению вреда другим. Но этот вред не замечается. Он возникает словно в результате преступной халатности, когда никто «об этом не думал». То же самое соотношение психических сил имеет место во всех остальных неврозах и психозах. Конечная цель больного всегда такова: уклониться от жизненных задач, социальных, профессиональных, эротических, исключить их решение. При наличии этих автоматически и шаблонно протекающих тенденций уклонения, ставших характерологическими и личными, сами собой в виде симптомов возникают неврозы и в качестве неизбежных и — чаще всего — досадных для самого человека издержек, с которыми связан когда-то выбранный неправильный путь, наносится вред ему самому и его окружению.

Так, например, исследователям всегда бросается в глаза то, с какой наивностью и насколько непродуманно совершаются обычно преступления при так называемом «moral insanity»[1], при клептомании, садистском убийстве или чисто садистских действиях. Как бы печально ни заканчивались подобные эксцессы, они воспринимаются как мимикрия, словно плохо подготовленный к этому человек играл в преступника. Действие

[1] Моральное умопомешательство *(англ.). — Примечание переводчика.*

неумело инсценировано, отсутствуют самоуговоры решиться на преступление, да и вообще нет предыстории, недостает усилий, чтобы создать смягчающие условия. Часто можно констатировать более сильное примешивание аффекта, необъяснимое из круга отношений, в центре которых находится преступление, но, пожалуй, понятное при неврозе, который нацелен на уклонение от жизненных задач, на создание смягчающих обстоятельств для бегства и оправданий перед собой и другими. Если, однако, преступник, так сказать, честно стремится в ненависти, зависти, в гневе или страхе перед грозящими неприятностями добиться выгоды, пытается, ссылаясь на это, представить себе и другим свои поступки в мягком свете, если в предыстории он предстает озабоченным тем, как верно решить имеющуюся проблему преступления, то невротик, почти не задумываясь о пользе или вреде, побуждается с совершенно иной стороны, чем стремление к выгоде, и гораздо больше преступника ощущает свою правоту.

В нерушимом сознании *ответственности* перед собой и обществом преступник всегда будет искать в своем чувстве нужды, ненависти, зависти, мстительности необходимое прикрытие. Этого сознания ответственности недостает невротику в его злонамеренности. Отчасти потому, что его внимание приковано к совершенно другим вещам — в целом из-за страха перед своими жизненными задачами. Отчасти, наверное, потому, что его чувство солидарности с обществом стало еще более скудным, чем у преступника. Но большей частью потому, что невротик таким путем достигает своей конечной цели — избавить себя от норм жизнедеятельности. За хаосом и ущербом, который наносит ему его образ действия, горит звезда — освобождение от задач жизни. И даже общественное презрение и судебное наказание он принимает послушнее, поскольку они опять-таки закрывают от него значительную часть нормальной человеческой жизни, которой он боится и от которой всегда ожидает только уничижения.

В одном пункте прегрешения преступников и невротиков, похоже, совпадают: по сравнению с жертвами их шансы всегда весомее. Но и в этом пункте нашего анализа следует отметить различие: жертвы невротиков чаще всего оказываются в слишком большом убытке. Среди них мы обнаруживаем родных, которые серьезно относятся к своим обязанностям, детей, легковерных глупцов. Порой нападения совершаются так

молниеносно и неожиданно, что сопротивление исключено, или же случайно создается ситуация, когда кажется, что никто не сможет вмешаться. Все эти резко выраженные явления указывают на то, что и в своей ложной сфере невротик постоянно испытывает недостаток мужества. Найти планомерно работающего грабителя среди невротиков можно лишь с превеликим трудом.

Знания и опыт индивидуальной психологии позволяют нам привести формы выражения на единую линию, понять их как мелодию, чтобы по ней судить об авторе. Наиболее явственным образом это удается сделать на примере невротиков и преступников. Уклонения и защиты от обычных общественных задач жизни являются у них достаточно резкими и отчетливыми, а потому предстают перед нами рельефно. Начало этой линии дают обостренное чувство неполноценности, нецелесообразное изнеживание или строгость и — как мы еще должны добавить — тяжело и плохо переживаемая неполноценность органов и дефекты, относящиеся к самому раннему детству, которые в свою очередь порой можно свести к недостаточному развитию желез внутренней секреции. Но никогда не бывает так, чтобы эти недостатки и зачастую преходящие трудности воздействовали непосредственно и причинно — они могут давать повод к обострению чувства неполноценности при определенных условиях, в которых основную роль играет отдаленность ребенка от власти или от ощущения власти над окружением. В таком случае ребенок искусственно создает новую каузальность: он ведет себя так, словно его неполноценность является неопровержимым фактом, впадает в тяжелый пессимизм, теряет веру в свои силы, больше не считает себя способным на достижения, которых от него ждут или требуют другие, и при первом же поражении или видимости его обращается в бегство. Это бегство совершается в стороне от нормы с ее требованиями, которым ребенок, как ему кажется, не отвечает, и путь в невроз, в изоляцию, в запущенность и преступление оказывается отныне открытым. Решающим для дальнейшего выбора становится теперь то, какой мерой чувства общности и какой мерой мужества обладает ребенок в момент уклонения. В наиболее чистом случае форма и содержание невроза определяются почти полной бесперспективностью пробиться при сохранившемся в известной степени признании и уважении общества, логики совместной человеческой жизни, извлечением выгоды из своих обязанностей по отношению к больным

и слабым и постоянным расчетом на снисхождение при оценке собственных достижений.

Жизнестойкость не исчерпана полностью. Этим невроз отличается от психоза, прежде всего от dementia praecox, и самоубийства. Но она настолько понижена, что больной, словно спасательного бревна, придерживается стратегии избегания жизненных задач, хотя и при постоянных жалобах на издержки такого плохого способа жизни. Конечная цель — оставаться в стороне от принятия жизненно важных решений — становится высшей и исключительной задачей. По отношению к ней все планы, все желания, все понимание имеют примерно такую же ценность, как рекомендация зайцу не бояться собак. И точно так же, как заяц рассматривает все с позиции зайца, ощупывает и проверяет, как обустроить жизнь, и всеми своими действиями выдает, что он — заяц, так и невротик получает свою форму, линию и мелодию, и, не заботясь о нашей логике, в силу своей невротической логики и мировоззрения, не только идет собственным невротическим путем, но и непрерывно его подготавливает и тренирует. *Его тренировка и его аранжировки направлены на отход от жизни, и все неприятности, которые он причиняет, возникают как подкрепление такого отхода или сопровождают его неизбежные явления.*

Отчетливо сохраняющийся остаток чувства общности проявляется в чрезмерном страхе перед конфликтом с обществом. Невротик идет на него, если только такой конфликт становится необходимым, чтобы еще больше замкнуться в себе. Все его поведение направлено уже не на достижение победы над другим, а на отделение «Я» от «Ты». В наиболее чистом виде невротический образ жизни проявляется после серьезного поражения в жизни, перед испытаниями и решениями, но иногда также при улучшении самочувствия и зарождающихся ожиданиях. В таком случае страх перед новыми поражениями делает все невротические проявления еще более выраженными.

Тяжесть и значение невроза можно измерить только степенью малодушия, но не его формой или содержанием. Все средства, которые, пусть даже непреднамеренно, укрепляют мужество, всякое чудодейственное лечение, внушение, самовнушение и медицинские вмешательства эффективны лишь в том случае, если они могут поднять дух больного. Надежный успех сулит только то лечение, которое дает невротику чувство

равноценности, разрушая его детские заблуждения относительно своих недостаточных способностей.

Иногда у невротиков встречаются мысли и фантазии о преступлении или страх перед такой наклонностью. Контекст всегда указывает на то, что речь обычно идет о чрезмерных побуждениях чувства общности, которые таким способом пытаются выразить свои предупреждения, зачастую усиливая отделение от общества, чего и требует конечная цель больного. На этой линии в процессе отделения также наносится больший или меньший вред. Вышеупомянутый молодой человек из лечебницы для душевнобольных осуществляет свой отход от людей, воспринимая всех как врагов и убивая *при случае* санитара.

Если мы сравним линию невротика с линией преступника, то обнаружим один и тот же исходный пункт — чувство неполноценности. Неизбежные и непредотвратимые неудачи, естественные последствия плохой подготовки к школе и к жизни, типичны для тех и других. Однако окончательный упадок мужества и отход от обычных для общества жизненных задач происходит во втором случае в психической ситуации, где в душевной подготовке еще сохраняется достаточно мужества в направлении *желания одолеть других.* Тем не менее победа над другими не понимается с позиций культуры и не достигается из ощущения силы. Скорее она должна содействовать успокоению терзающего чувства слабости, создать обманом видимость героического поступка, но в сущности несет в себе все признаки трусости. Преступное действие всегда совершается на линии предполагаемого незначительного сопротивления. Это утверждение относится не только к коварным, но и к насильственным преступлениям. В момент преступления проявляется тот же недостаток мужества, который уже являлся поводом к отказу от нормальных жизненных занятий.

И наоборот, отношение между Я и Ты является значительно более сильным[1]. Это лучшее отношение к человеческому обществу проявляется не только в формировании банд с присущим им зачастую элементом благородства. Также и посещение трактиров, общение с противоположным полом, забота о друзьях, бережное отношение и милосердие к явно слабым

[1] *Речь преступников* указывает на сохранившееся чувство общности. Язык невротиков совершенно немыслим.

и бедным людям и общительность являются для них гораздо более характерными, чем для невротиков. Все эти явления связаны со стремлением к превосходству. Правда, в их общительности по сравнению со всеми остальными чертами необычайно выражена — как признак умственной тренировки — хитрость, которая редко встречается у мужественных и уверенных в себе людей. Противоречащие друг другу тенденции, стремление к превосходству и чувство неполноценности создают в потоке жизни шаткую связь общественного характера, достаточно сильную, чтобы постоянно реализовываться в контактах с людьми, но не в такой степени, чтобы выполнять обычные задачи. Страх не справиться с ними заставляет этих людей стремиться к достижениям, которые всегда соответствуют их трусости, но все же придают им *видимость победителей.* При убийстве, грабеже, насилии, разбое и воровстве поражение противника для них всегда является по меньшей мере безопасной перспективой.

В качестве еще одного признака их трусости, которая внешне иногда перекрывается неподдельной смелостью или в момент опасности переходит в безрассудную отвагу, знатокам души преступника известны их широко распространенные *суеверия.* При любых обстоятельствах их следует рассматривать как якорь спасения, как опору для глубоко укоренившегося малодушия этих людей. На это же направление указывают нам тщеславие и хвастливость, которыми они стремятся скрыть свое чувство неполноценности.

Иногда случается так, что закоренелые преступники после тридцати лет оставляют свой жизненный путь, женятся и овладевают профессией. Следующее рассуждение в связи с тем, о чем говорилось выше, дает нам объяснение этому: каждый преступник имеет склонность, проистекающую из стремления к превосходству, отличиться перед своими товарищами. По естественным причинам молодым сделать это гораздо проще. Мятежный дух молодого преступника заставляет его упорно бороться за авторитет со старшими по возрасту. Поэтому, чтобы обеспечить себе надежное положение, старший товарищ стремится затем выйти из своей компании.

Аналогии в психических проявлениях преступников и невротиков заключаются в раннедетском, обостренном чувстве неполноценности, в их низкой самооценке перед лицом обычных задач, в слишком быстром

отказе от всяких усилий достичь желаемого после разочарований и поражений и в недостаточном развитии чувства общности.

Существенные различия мы обнаруживаем в непонятом обходе чувства общности у невротиков и в правильно понимаемом, хотя и не во всем диапазоне, его прорыве у преступника. Обход, как и прорыв, требует тренировки и хорошей подготовки. Преступник стремится к своим ничего не стоящим победам, невротик грезит о них и препятствует себе в этом с помощью своего недуга. Тот и другой ищут оправдания, невротик — ради своего частичного успеха в жизни, преступник — чтобы решиться на преступление и его совершить.

Далее, основываясь на жизненном пути хорошо изученных преступников, мы попытаемся доказать перечисленные положения.

Классическое описание психических процессов, которые ведут к преступлению, мы находим у Достоевского в образе Раскольникова. Писатель, зоркий наблюдатель и знаток преступников, заставляет своего героя, лежа в кровати, в течение месяца готовить убийство. И только после этого происходит прорыв чувства общности. Оправдания Раскольников находит в том, что он — жертва старой, никчемной ростовщицы и что сам он не может быть трусливым, он не вошь, а Наполеон. Уклонение от чувства общности начинается, когда Раскольников обнаруживает, что полностью лишен денег, а сестре угрожает опасность продаться нелюбимому человеку. Слабым и бедным он всегда готов прийти на помощь.

Из наших рассуждений следует, что, принимая во внимание данные индивидуальной психологии, мы можем добиться гораздо большей надежности в оценке, будь то невроза или преступления, чем до сих пор. Однако мы требуем также более точного проникновения в предысторию и в стиль жизни исследуемого. При этом оказывается совершенно необходимым использование изложенных выше идей. Тут мы попадаем в затруднительное положение — выбрать из имеющегося уже материала все, что было нами ранее установлено. Поразительно обилие совпадающих фактов, которые при этом получаются.

Пресловутый преступник Брайтвизер начал свой путь, считая, что борется за плоды своего изобретения. Он был общителен, заботился при случае о бедных и ничем не выделялся в эротическом отношении. Всегда готовый дать отпор, когда на него нападали, он погиб в стычке с полицией.

Приводим выдержку из крайне ценного «Документального описания необычных преступников» Ансельма фон Фейербаха:

> Иозеф Ауэрманн, безупречный человек, гражданин, отец семейства, должен слуге 400 гульденов. Тот самым беспощадным образом его притесняет. Все поиски помощи остаются напрасными. Мысль избавиться от своего мучителя укореняется и кажется ему чуть ли не единственным выходом. Он чувствует себя всеми покинутым. Находит облегчение в рассуждении: «Если слуга еще раз появится у меня, чтобы мучить меня из-за денег, на что в моем доме он не имеет никакого права, тем более что срок выплаты еще не прошел, то я его убью. *Он теперь ничего не стоит».* Пьет больше обычного в разных трактирах, чтобы заглушить свое чувство общности, чувство ответственности. Тем самым ему удается прорыв. Он убивает слугу во время очередного спора, после этого признается в своей вине и предстает перед судом. Увидев невесту убитого, пытается спрятаться.
>
> Конрад Кляйншрот с помощью слуги убил своего отца, который вел беспорядочную жизнь, жестоко обращался с семьей и, когда однажды ему дали отпор, подал на нее в суд. Председатель суда сказал: «У вас плохой, склочный отец, вам нельзя помочь!» Семья напрасно надеялась на помощь. Отец жил со служанкой и настаивал, чтобы сыновья покинули дом. Один поденщик, имевший пристрастие вырезать курам глаза и которому за двадцать лет беспутной солдатской жизни тренировка облегчила убийство, посоветовал им убить отца. По этому поводу проходили *долгие совещания.* Сначала пробовали использовать магию. Когда она не подействовала, Конрад и поденщик убили отца.
>
> Маргарита Цванцигер, немецкая Бринвилье, росла *ребенком при столовой,* была *маленькой и горбатой*, а потому тщеславной, кокетливой и подхалимски вежливой. После неоднократных неудач, близкая к отчаянию, она трижды пытается, отравив женщин, завладеть их мужьями. *Хитрым способом* изображает беременности и попытки самоубийства. В автобиографии пишет: «Как часто думала я, совершив что-то дурное, что, раз ни у кого к тебе не было сострадания, то и у тебя не должно быть сострадания к чужим бедам». То есть готовит преступление и ищет ему оправдание.

Матиас Ленцбауэр — плохое воспитание, из-за *халатности родителей покалечился и стал хромать* на одну ногу. Занимает место отца для своего младшего брата, однако грубым образом заставляет свою мать попрошайничать со словами: «Попробуй только вернуться, ты, карга старая, *зачем ты сделала меня кривобоким!* » Долгое время не может найти работу и не имеет денег, чтобы перевестись из подмастерья в мастера. Заражается венерической болезнью. После тщетных поисков работы на пути домой убивает брата, чтобы завладеть его небольшим наследством.

Андреас Бихль, убийца девочек, женат, известен как вор, трусливый и жестокий. Играя на суеверных чувствах, заманивает девочек в подвал, где их убивает и забирает вещи. *Приходит при этом в эротическое состояние, которым объясняет и оправдывает свое намерение.*

Симон Штиглер, плохо подготовлен к жизни. Не умеет ни читать, ни писать. Отец находится в тюрьме за кражу. Получает тренировку в родительском доме, где угрожает задушить родителей, если они не будут вести себя так, как ему хочется. Позднее совершает рукоприкладство по отношению к другим людям, которые поступают не по его воле, угрожает задушить противников, всегда легко ввязывается в драки. Убил несколько человек. На скамье подсудимых все отрицает. Внезапно восклицает: «Что спрашивать об этом, если моя жизнь загублена!» То есть ничего не ждет от жизни и находит в этом оправдание для прорыва чувства общности.

Якоб Тальройтер, внебрачный ребенок, рано осиротел, попадает к приемной матери, которая его неимоверно балует. Учится мало, пишет совсем плохо, хорошо знает, что почем, и постоянно стремится к тому, чтобы всем нравиться. Поддерживаемый в этом приемной матерью, которая спустя несколько лет в него влюбляется, становится лжецом, хвастуном и мошенником, который, где может, выманивает у людей деньги. Кичится тем, что его приемные родители — мелкие дворяне, знатного рода. Проматывает все деньги приемных родителей и в конце концов выгоняет их из дома. Уже в раннем возрасте восхваляемый как гений, не склонный к честной работе из-за плохой

подготовки и избалованности, он видит цель жизни только в том, чтобы удовлетворять свое стремление к превосходству с помощью лжи и обмана. В результате каждый посторонний человек становится для него противником, которого он стремится перехитрить. Началу тренировки в детстве способствует мать, которая ставит его выше собственных детей и мужа и тем самым возлагает на него ожидания, бремени которых он не выдерживает. Его мошеннические проекты перехитрить всех остальных и возведение этого в смысл жизни облегчают ему совершение преступления. Низкая самооценка, недостаток мужества и уверенности в себе проявляются во лжи, в хвастовстве, в избегании полезных достижений и в уважении хитрости.

Людвиг Христиан фон Онхаузен, второй по старшинству ребенок в семье, стремящийся изо всех сил сделать карьеру (что часто встречается у вторых детей в семье и мелких дворян), считает, что старший брат, который ленив, склонен к воровству и подрывает своим скепсисом и без того уже недостаточную его уверенность в себе, мешает его карьере. «Либо ты, брат, должен погибнуть, либо я, либо мы оба», — говорит он себе, берет с собой пистолет и во время прогулки убивает брата, когда тот оскорбительными сомнениями снова отмахивается от планов младшего. Длительная тренировка против брата, который компрометирует его своим образом жизни. Постоянный отказ брата соглашаться с его планами лишает его остатка уверенности в себе. Приходит к облегчающей позиции с помощью формулы: ты или я! Не имеет достаточно силы и мужества, чтобы следовать своим путем вопреки брату. После злодеяния дает о себе знать чувство общности: ему мерещится огромный каркающий ворон. Бежит с места преступления. На допросе умалчивает о своем злодеянии, поскольку судебный чиновник заявляет, что он кажется ему слишком порядочным человеком, чтобы совершить такой поступок. Первые признания лаконичны, отрывочны, уклончивы. Перед особой комиссией по делам дворян во всем сознается.

Лоренц Зиммлер воспринимает старшего брата как хозяина отцовского двора, которому он должен прислуживать. Утратив уверенность в себе, ударяется в игры, пьянство и бродяжничество. Отправляется на военную службу. Однажды *сзади* ударяет партнера по игре

ножом в легкие. Брат о нем не заботится. *Часто* говорит, что задаст брату жару. «Ты еще пойдешь милостыню просить!» Когда тот снова однажды ему в чем-то отказал, напивается и поджигает дом. Трусость, тренировка и облегчающие условия с целью прорыва чувства общности очевидны.

Каспар Призон сбегает от строгой мачехи. Он *горбат,* «парализован в бедрах и имеет слишком короткие пальцы». Очень честолюбив. Должен одному еврею деньги. Заманивает его в лес и убивает. Весь день перед убийством был очень возбужден. Слышит предостерегающие голоса. Кричит сова. Он обращается к ней: «Чего ты кричишь? Ты, падаль, кричи сколько хочешь, но я это сделаю!» Облегчает себе действие постоянными мыслями о том, что речь идет всего лишь о еврее.

Малер Франц страдает эпилепсией. Женат, имеет ребенка и живет с женой, такой же ленивой, как и он сам, в долгах и нужде. Скудно питаются подаянием и украденным. *Давно* замышляет крупную кражу или убийство. В конце концов убивает пожилую женщину, у которой до этого тщетно выпрашивал милостыню. Когда его начинают подозревать, идет в суд, чтобы пожаловаться, однако падает там на колени и сознается. Отказ в его просьбе дает оправдания для долго вынашиваемого плана убийства. К неожиданному признанию вынуждает его возвращающееся чувство общности.

Прорыв чувства общности является, как мы видим, непростым делом. Кто достигает его границ, испытывает сильнейшее потрясение.

Один врач рассказал мне о следующем переживании: «На войне я славился своим добродушием. Солдаты из моего лазарета всегда могли рассчитывать на мое снисхождение. Однажды одного студента должны были отправить на фронт. Из-за имевшегося у него, правда, незначительного нервного недуга я предложил отправить его на легкую службу. Тогда он попросил меня учесть, что должен поддерживать своих родителей репетиторством, а это возможно только в том случае, если он будет полностью свободным. Однако в этой просьбе я был вынужден ему отказать. Ночью мне снилось, что я убийца и слоняюсь, мучимый угрызениями совести, в темноте ночи по улицам города. Я проснулся в холодном поту. Мне пришел на ум

Раскольников. Тогда, однако, я не догадывался, что именно мои опасения за студента и воплотились во сне в виде самых мрачных образов».

Как много, наверное, людей на войне боролись и сражались с собой, пока не достигали наконец тренировки! Правда, в их распоряжении были также и самые серьезные оправдания. Хотя здесь достаточно и такой поддержки для прорыва через границы чувства общности, какую мы находим в замечании большого знатока души *Бальзака* («Le medecin de campagne»): «Мы, благородные убийцы, хотим, чтобы наши жертвы защищались, ибо тогда хотя бы борьба оправдывает убийство».

Стефан Лукшич, жестоким образом убивший двух людей, перед преступлением записал в своем дневнике: «Меня, растоптанного жизнью, отвергнутого родными, предмет отвращения и презрения (он страдал зловонным насморком), едва ли не обреченного на гибель полной нищетой, ничего не удерживает. Я чувствую, что долго так больше не выдержу. С пренебрежением мной я бы, наверное, еще мог смириться, но желудок... желудку не прикажешь. *Мне напророчили, что* я *умру с голоду,* в канаве у какой-нибудь проселочной дороги. И тут мне пришла в голову *страшная мысль, что все будет одно, умру* я *от голода или закончу свою жизнь на виселице.* Мне нет дела до последствий, я и так должен умереть; я ничто, никто не хочет знать обо мне, а та, с которой я хотел бы поддерживать отношения, меня избегает (милая моя Гретхен). Мне все равно, будет это моим освобождением или моим падением. Все запланировано на четверг, жертва уже избрана, я должен только дождаться удобного случая. Когда он представится, произойдет то, *чего не каждому дано сделать* («стремление к превосходству»). *Одни только мысли об этом вселяют в меня ужас и содрогание»*.

После преступления он писал: «Как пастух стадо, гонит желудок человека на самые тяжкие преступления. Возможно, я больше не увижу утра. Но я не переживаю об этом. Страшнее всего, когда мучаешься от голода («облегчающая отговорка»). Я ожесточен также моей неизлечимой болезнью. Она гонит меня прочь из общества, и я уже пережил из-за нее немало неприятностей. Последняя из них — я предстану перед судом. Греховный человек должен расплачиваться за свои прегрешения. Но если уж суждено умереть, то как умереть — не имеет значения. Наверное, это будет лучшая смерть, чем смерть от голода.

Ибо, если я сдохну с голода, *на меня никто не посмотрит, а так будет присутствовать многочисленная публика.* И, быть может, кто-нибудь из зрителей проявит ко мне сочувствие. Полиция вскоре арестует меня как убийцу, ибо то, что я решил, уже случилось. Я пережил волнующую ночь, *и никогда еще человек не боялся так, как боялся* я *в эту ночь».*

Во время допроса Лукшич заявил, правда, не сумев ухватить суть дела: «Я убил. Я знаю, что достанусь палачу. Но мне все равно. Я должен был сделать это. У юного господина была очень красивая одежда, и я знал, что у меня такой никогда не будет. Мысль о том, что я должен иметь эту одежду, стала для меня идеей фикс. Поэтому я и убил».

То, что он делает красивую одежду причиной и выводит из этого следствия, никогда, наверное, не будет ему понятным.

В моих исследованиях отклоняющейся от нормы душевной жизни я снова и снова наталкиваюсь на характерное раннедетское поведение и на недостаточную подготовку к жизни в этот период. Здесь мы более или менее единодушны со всеми исследователями души. Но что касается столь важного для нашей проблемы факта чувства общности, то нам кажется все более существенной для его развития и заботы о нем роль матери. И это потому, что *она способствует осознанию ребенком безусловной надежности человека.* Если мать отсутствует или не выполняет своей роли, то в наше время трудно будет найти ей полноценную замену. И мы действительно видим, как это следует также из вышеизложенных наблюдений, что наш «материал» явно пострадал в этом пункте, поскольку он рос без любви или изнеженным. Обе формы жизни уводят детей от общности, первая — тем, что не дает надлежащей подготовки, другая — тем, что привязывает чувство общности к единственному человеку. В обоих случаях детям недостает необходимых для жизни чувства надежности и уверенности в себе. Вскоре они оказываются словно в стране врага, слишком низко оценивают собственные силы и способности и демонстрируют в разных формах малодушие и чувство неполноценности. Разнообразные физические недостатки продолжают разрушать веру в собственные силы и создают таким образом формы жизни, в большом кругу которых мы обнаруживаем также преступников и невротиков. Критика различных методов лечения неврозов и преступников должна считаться с этими представлениями.

Эротическая тренировка и уход от эротики

Значение, которое имеет биология для нашей науки, можно продемонстрировать, если с *другой* позиции рассмотреть важные вопросы, на примере которых у меня в свою очередь появится возможность прояснить важные биологические основы. У тех, кто знаком с нашими исследованиями в области сексуальной психологии, это не вызовет удивления, ибо основу этих исследований составила работа о неполноценности *органов,* в которой я попытался показать, что *ребенок уже в самом раннем возрасте воспринимает свой организм* и из этого восприятия делает определенные выводы[1]. Это послужило мне отправной точкой, и в дальнейшем я пришел к выводу, что речь здесь идет не о неизбежном развитии, а о соотношениях, о том, что возникает чувство неполноценности органов, которое может развиваться также и в силу внешних причин, аналогичным образом оказывающих давление на развивающуюся психику ребенка и способных приводить точно к таким же последствиям, как и в том случае, когда ребенок переживает неполноценность органа и испытывает из-за этого определенные трудности. Таким образом, нам удалось показать, что при наличии изначально неполноценного органа речь идет не о развитии определенных дефектов, а скорее о том, что ребенок с неполноценными органами представляет собой особую проблему, не обычную, с которой мы постоянно сталкиваемся, а своеобразную, из-за чего *мы должны использовать определенные формы воспитания и внешних воздействий, чтобы не допус -*

[1] *Studie über Minderwertigkeit von Organen* (2. Aufl. 1927).

тить появления ошибочных форм, которые кажутся данному ребенку крайне заманчивыми и соблазнительными.

Я бы хотел оставить пока в стороне неполноценность половых органов и половых желез и показать вам вкратце на другом примере, что мы здесь имеем в виду и как благодаря такой постановке проблемы мы пришли к совершенно особым представлениям и выводам. Вспомните о множестве *леворуких* детей, то есть детей, которые появились на свет с плохо развитыми правой рукой и правой половиной тела. Если эти дети окажутся в ситуации, к которой они недостаточно подготовлены и в которой проявится также их органический дефект, то их судьба будет складываться совершенно определенным образом. Они всегда будут казаться неумелыми, неловкими, неполноценными по сравнению с пра-ворукими и из-за этого будут демонстрировать множество несуразностей. Но из нашего опыта и результатов воспитания мы знаем, что если ребенка считают источником определенных проблем и применяют к нему более правильный метод воспитания, то может получиться так, что, несмотря на эту мнимую или действительную недостаточность, он окажется вполне пригодным для жизни и даже сможет добиться больших успехов. Этот же факт нам удалось выявить и во всех остальных случаях неполноценности органов, а если говорить о сексуальных *дефектах,* то здесь мы попадаем в область, которая была нам хороню известна и знакома с другой стороны. Например, в случае так называемых *дефектов* половых органов повторяются те же проблемы и те же воззрения, что мы встречаем при описании и объяснении характера людей, который также рассматривается как некая данность и, как правило, как обусловленный физиологически. С тем же самым мы сталкиваемся также при обсуждении так называемой *проблемы одаренности;* самые разные ученые, психологи и воспитатели до самого недавнего времени считали, что существуют определенные границы, перейти которые менее одаренным не дано, а потому они говорят о постоянстве явлений.

Сексуальная психология, которая исследует проблему с другой стороны, приходит, разумеется, к следующему выводу: здесь нет полного доказательства; ибо если мы поместим человека с определенной не-достаточностью в ситуацию, в которой эта недостаточность постоянно будет ощущаться, то будет очень сложно достичь компенсации. Скорее мы должны подходить к данному человеку как к особого рода проблеме

и соответствующим образом к нему относиться, то есть по всем трем упомянутым вопросам мы должны поступать так, как всегда поступали врачи, которые не довольствуются выводом о достигнутом к настоящему времени состоянии, а пытаются установить, не сформировались ли дефекты , которые большей частью *можно устранить, в* ходе развития под воздействием *неблагоприятных условий.* Ибо от нас, врачей, едва ли кто-нибудь будет требовать, чтобы мы говорили об устранимых дефектах, если орган, субстрат к какому-либо развитию или, как мы это называем, к компенсации отсутствует.

Здесь, однако, внешние явления, с которыми мы сталкиваемся, например в *проблеме эротики и неудач в эротике, вполне* сопоставимы с неудачами, которые мы могли наблюдать в воспитании и которые встречаем также в рамках общей *психологии и патологии неврозов.* Поэтому напрашивается естественный вывод, относящийся ко всем трем вопросам, а именно: все испытания, будь они произведены нами самими или предложены пациентами, всегда выявляют *только одно: насколько данный человек развит.*

Здесь я бы хотел добавить, что еще кажется мне достойным внимания и как раз относится к тому вопросу, который является сегодня особенно животрепещущим в общей патологии, а именно: внешние жизненные условия и воспитание оказывают влияние на все органы и, наверное, также на развитие *желез внутренней секреции.* Поэтому не вызывает сомнений, что *определенные ошибочные способы воспитания могут феминизировать мальчика или придать девочке мужские манеры поведения.* Если вы, например, вспомните о доказательствах американских биологов, которые установили, что американская девочка вследствие изменения своего образа жизни обнаруживает также полностью измененную телесную конституцию, то в целом вам станет понятно, что я здесь имею в виду. Кроме того, будет неправильным по состоянию органа, его ценности делать прогноз на будущее; как показывают биологические исследования, пусть даже в них используются другие методы и средства, это состояние может являться стимулом к нормальному развитию.

Ныне существует представление о развитии человека, вызывающее у нас особый интерес, поскольку в нем сливаются различные формы проявления душевной жизни и биологического развития. Этой областью,

о которой я хочу вам вкратце рассказать и показать, на какой позиции стоит сексуальная психология в сексуальной патологии, является *тренировка.* Собственно говоря, нет сомнения в том, что все формы выражения, которые мы можем наблюдать у человека, зависят от выработанного им жизненного стиля. Его можно проследить до конца, и мы поступаем неправильно, когда в своих психологических исследованиях выхватываем ту или иную форму проявления, вырываем ее из взаимосвязи, а затем рассматриваем и обсуждаем в соответствии с нашим заранее сформированным суждением, то есть предубежденно. Здесь развертывается тот же процесс, что и в общей психологии. Чтобы было понятно, о чем идет речь, я приведу следующий пример. Когда вы вырываете из песни ряд звуков и, будучи хорошим музыкантом, исследуете их, то, разумеется, вы сможете что-то сказать об этих звуках, но вы не сможете ничего сказать о том, что, собственно, нас здесь интересует. Если вы хотите нам это сообщить, то должны оставить звуки во взаимосвязи; ибо их значение становится понятным только из целостности, которая только и может определять наше суждение.

Остановимся вкратце на психологии детей. Представим себе, например, мальчика, страдающего дефектом характера: он ворует, убегает из дома. В соответствии с общепринятыми взглядами вы будете предполагать, что речь идет о запущенном ребенке, которому присущи различные пороки, с которым ничего пока нельзя поделать и которого добром или силой нужно отучить от этих привычек. Как это сделать, конечно, не говорится. Но как показывает затем более тщательное сексуально-психологическое исследование, мальчик испытывает огромную потребность в ласке, и если он крадет, то только ради того, чтобы сделать подарок товарищам, подружиться с ними и таким образом добиться от них нежных чувств. И он убегает из дома только тогда, когда ему кажется, что им слишком мало занимаются и дают слишком мало тепла; в таком случае в целом можно сказать: внешне он вор и бродяга, но на самом деле — это ребенок, которому очень хочется ласки, ребенок, у которого вообще лишь одно желание — получить тепло от тех, кто его окружает.

Таким же образом вы должны будете поступить и в случае некоторых так называемых функциональных нарушений в сексуальной сфере. Все эти нарушения, которые так красиво можно разложить по главам

и обсудить, всегда выражают только то, что выражает вся личность. Поэтому, например, импотенция, ejaculatio praecox, пролонгация и все формы перверсий, фригидность, вагинизм приобретают свое значение всегда только в сфере самой личности: они являются формами выражения закрытого в себе жизненного стиля, имеющего отчасти внешний предательский знак, который не годится ни для сексуальности, ни для того, что мы понимаем под нормальной эротикой. Но эти формы проявления очень хорошо вписываются в жизненный стиль индивида.

Простоты ради я разделил жизненные проблемы, на решение которых должен отважиться каждый человек, хочет он того или нет, на три сферы: 1) общение — отношение «Я» *к «Ты»,* 2) работа — вопрос: *как я могу стать полезным?* и 3) эротика — вопрос: *как мне сформировать отношения с противоположным полом?* Если становление личности происходило под воздействием органических, биологически обусловленных причин или же в силу внешних влияний, которые могут наносить такой же вред, если их неправильно понимают и не корректируют, то в момент, когда человек подходит к решению этих жизненно важных вопросов, возникает затруднение, и индивид вместо приемлемого для его личности, то есть нормального, решения будет пытаться найти решение, которое с наших позиций является ненормальным. Это можно представить себе, например, в виде круга, отображающего подготовку и установившийся в детстве жизненный стиль, про который мы можем сказать: то ли в силу биологических причин, то ли в силу внешних влияний или неправильных методов воспитания подготовка в рамках этого круга — обычно им является круг семьи — оказалась не настолько удачной, чтобы теперь можно было спокойно решать последующие жизненно важные вопросы в большем круге. Поэтому вы увидите, как на этой границе будут возникать те или иные фатальные явления, которые, если они попадают в сферу врачебного искусства, мы называем болезнями, к которым причисляются определенные сексуальные перверсии и нарушения половой функции. Или же в других случаях, если вы обнаруживаете индивида уже внутри этого круга, к чему его принуждают, вы постоянно сможете наблюдать у него поступки, выдающие его стремление вырваться из этого круга. Интересно, что человек стремится сохранить целостность личности не только бессознательно, как это принято называть, или, как предпочитаем говорить мы,

безрассудно; здесь проявляются совершенно сознательные побуждения и суждения, я бы сказал, особая невротически логика, нацеленная в этом же направлении. Я всегда говорю моим ученикам: если вы не понимаете симптом и вам не ясно, что он означает и какое место занимает в жизненном стиле индивида, то оставьте симптом в стороне и посмотрите, как ведет себя человек в жизни, и вы увидите сходство. Что касается рассматриваемых нами явлений, то речь постоянно идет о контрдоводах, которые довольно отчетливо представляет себе такой индивид. Он *не только страдает от нарушения половой функции,* он обладает также множеством контрдоводов, которые были бы столь же существенными, если бы он их честно принял и извлек из них выводы. Но тех, кто не решает вопрос эротики нормальным в целом способом, следует искать внутри этого круга лишенных мужества людей; поэтому и в остальных жизненно важных вопросах вы обнаружите абсолютно те же формы боязливой установки, которые мы видим в эротике. Например, существуют люди, которые лишь с большим трудом вступают в контакт с другими. Правда, это поведение нельзя понимать упрощенно. Есть люди, которые бывают в обществе, сидят за пивным столиком и т. д., но то, что мы понимаем под дружбой, им чуждо, человека, который отдает и принимает тепло, вы среди них не найдете.

Существуют, однако, гораздо более важные указания на то, что жизненный стиль человека, о котором я говорю, использует еще более сильные средства, чтобы укрепить свою позицию ненормальности. Мною давно уже описаны некоторые из этих взаимосвязей, которые можно проследить вплоть до самого детства. Так, например, один гомосексуалист был очень слабым, единственным и поздним ребенком у матери, которая чрезвычайно нуждалась в любви и полностью привязала к себе ребенка, занимала его женской работой, рукоделием и воспитывала мальчика словно девочку. Поскольку, как это часто бывает у таких женщин, она имела очень строгие моральные принципы, то не упускала случая, чтобы не запугивать мальчика трудностями и наказаниями, которые поджидали его, если бы он не пошел дальше ее путем, и тем самым удерживала его от общения с другими мальчиками. Он рос, словно комнатное растение. Он выглядел довольно женственным, и получилось так, что в период детства другие, более мужественные, чем он, мальчики, которым, однако, как это бывает в детстве, гораздо проще выбрать вместо нормального направления

извращенное, любили с ним возиться, ласкать его, и когда наконец однажды в театральной пьесе он появился одетый как девочка, он завоевал симпатии всех детей.

Я бы хотел сделать небольшое отступление, чтобы показать, что к проблеме так называемого развития сексуальности нельзя подходить слишком просто, как этому учит, например, психоанализ. Ибо что бы ни способствовало нормальному, естественному развитию в самой сексуальности, оно не произойдет, если внешние обстоятельства обусловливают вынужденное развитие. Здесь очень поучительно посмотреть, что ничто в детстве не расценивается как столь серьезное прегрешение и не карается, как нормальное поведение. Если дети тем или иным по-детски неестественном способом проявляют свою сексуальность, если к ним не настроены дружелюбно, их, наверное, наказывают; но ужас превосходит все размеры, как только ребенок ведет себя нормальным образом. Поэтому мы не можем считать, что то, что мы постоянно видим в жизни ребенка, не испытало на себе влияния со стороны внешних условий, то есть мы вообще не можем знать, какое развитие приняла бы сексуальность, если бы мы не стали сооружать ей преграды.

Мальчик, о котором я вам рассказывал, вскоре приобрел друзей и, как только сексуальные чувства стали у него более интенсивными, он вступил в гомосексуальные отношения с другим молодым человеком. К тому времени он вышел уже из пубертатного возраста. При этом возникли определенные проблемы и особые формы гомосексуальных отношений, с которыми было связано преодоление сильного чувства отвращения: фелляция и подобные действия. Однажды ночью молодой человек проснулся и обнаружил, что держит в руке стакан с мочой, который был почти опустошен. Вы очень легко можете сделать выводы: он вступил в фазу тренировки, чтобы отбить у себя отвращение.

Процессы тренировки, подтверждающие нашу позицию, мы можем обнаружить и в другой области. Является установленным фактом, что сон и процессы во сне дают возможность сделать более доступной желанную цель и осуществить тренировку. В сновидениях пациентов, страдающих перверсиями, мы постоянно обнаруживаем, как, страдая от нарушения функций, они совершают извращенные действия и таким образом подготавливаются к наступающему дню. Это чрезвычайно интересный процесс, которого я могу здесь только коснуться.

Я бы хотел отметить еще один момент, который также проливает свет на сложность лечения перверсий, особенно если его не учитывают. Он тоже относится к области тренировки. Нет никакого сомнения в том, что в целом нормально развитый человек постоянно тренируется, ориентируясь на свой эротический идеал, и результат этой тренировки отнюдь нельзя считать слишком значительным: речь идет о прогулке по улице, общении с противоположным полом, сравнении себя с другим человеком того же пола и т. д., вкратце можно, пожалуй, сказать: существует постоянная тренировка половой роли и сексуального идеала, который представляется человеку. Поэтому неудивительно, что, обнаружив ошибки в неправильном развитии человека, мы каждый раз оказываемся перед новой проблемой. Это аналогично тому, как если бы леворукому человеку, ничего не знавшему о том, что немилосердной природой он наделен неумелой правой рукой, мы указали на этот его дефект; само по себе это не сделает его руки одинаково ловкими. Теперь я бы хотел всем вам задать один сложный вопрос, я бы сказал, вопрос на засыпку, над которым вы можете поразмыслить: с чего нужно начать, чтобы помочь людям, оказавшимся в сексуальном развитии за рамками нормы, наверстать эту играющую столь важную роль у нормальных людей тренировку. Если вы, например, стоите на той же позиции, что и я, не хотите, чтобы кто-нибудь вступал в связь с проститутками, и не намерены настоятельно рекомендовать этому человеку какие-либо любовные авантюры, то вы сможете оценить трудность этой задачи. Существует ли вообще решение этой проблемы, я пока не знаю. Однако здесь повторяется та же проблема, с которой мы сталкиваемся во всех вопросах воспитания, связанных с недостатком одаренности, где мы, по сути, имеем дело не с чем иным, как с отсутствием правильного метода. Здесь, очевидно, нам недостает какого-то изобретения, которое бы могло дать людям наилучшую тренировку без ущерба для них и для общества. То, что решающую роль здесь играет метод, несомненно. Можно ли в качестве замены социальной тренировки, этой тренировки чувств и логики, связанной с развитием нормальной любовной жизни, найти что-либо, быть может, на путях биологии, — судить вам самим.

Я сожалею, что уже должен заканчивать; на эту тему можно было бы сказать еще многое. С другой стороны, я вряд ли сумел бы сделать здесь что-либо большее, чем коротко перечислить некоторые основные проблемы и трудности, возникающие при их решении.

Краткие заметки о разуме, интеллекте и слабоумии

Разумеется, можно дискутировать о терминологии, разумеется, можно придумывать другие названия, но я бы хотел подчеркнуть принципиальное различие между двумя способностями, которое становится для меня все более очевидным, — различие между разумом и интеллектом. Конечно, этот вопрос уже затрагивался с разных сторон; но с нашей позиции можно прийти, пожалуй, к более глубокому пониманию.

Мы должны понимать под разумом *общеупотребительную* категорию, целиком связанную *с чувством общности.* Представляется неизбежным, что для нас это понятие разума становится все более ясным и четким. Под чувством общности мы понимаем нечто иное, чем другие авторы. Говоря, что это — чувство, мы, без сомнения, имеем на то основания. Но это больше, чем чувство, это — форма жизни, совершенно иная форма жизни, не такая, как у человека, которого мы характеризуем как антисоциального. Эту форму жизни нельзя понимать чисто внешне, так, как будто она была приобретена исключительно путем научения. Это нечто гораздо большее. Я не могу определить ее целиком однозначно, но у одного английского автора я нашел изречение, которое четко выражает то, что мы могли бы использовать для нашего объяснения: «Видеть глазами другого, слышать ушами другого, чувствовать сердцем другого». Оно представляется мне предварительным определением того, что мы называем чувством общности, и на первый взгляд кажется, что этот дар частично совпадает с другим, который мы называем идентификацией, вчувствованием (Липпс). Степень такой идентификации зависит всегда от выраженности у нас чувства общности.

Способность к идентификации должна упражняться, и ее можно упражнять только в том случае, если человек растет во взаимосвязи

с другими и ощущает себя частью целого, если он воспринимает не только удобства этой жизни, но и неудобства как относящиеся непосредственно к нему, если он чувствует себя своим на этой земле со всеми ее положительными и отрицательными качествами. Это ощущение себя своим среди остальных людей непосредственно связано с чувством общности. Жизнь человека на этой многострадальной земле протекает так, словно он «у себя дома». То есть у него возникает совершенно определенная форма жизни, в которой невзгоды не воспринимаются им как преднамеренная несправедливость. Здесь мы видим, что к чувству общности добавляется факт социальности. Мы обнаруживаем в этой форме жизни и все остальные силовые линии, помогающие преодолевать жизненные невзгоды. Таким образом, одной частью целого является индивид, который живет в обществе и оказывается ему полезным, и все это в совокупности является действием и поведением, которое мы называем «разумным». Разумное — это то, что понимают под «common sense». Кстати говоря, common sense также не является неизменным, но он является смыслом всех форм выражения, содержанием всего поведения, которое мы считаем полезным для общества, и благодаря такой его трактовке мы приближаемся и к пониманию того, что мы называем разумом.

Тем самым мы приходим к выводу Канта, что разум обладает всеобщим значением. Но в то же время это означает, что мы понимаем под разумом все поступки людей, все поведение, все формы выражения, зависящие от цели достижения превосходства, в которых проявляется польза для общества. Эта цель должна присутствовать. В психотерапии мы занимаемся в основном людьми, нацеленными на достижение *личного* превосходства и, таким образом, преступающими границы, которые в ходе культурного развития человечества обозначают common sense. В common sense мы постоянно будем находить все новые перемены. Я не знаю, был ли Сократ первым, кто расценил дырявый плащ как признак тщеславия, а не смирения. Но если допустить, что первым был именно он, то значит, он обогатил common sense. Он показал, что вещь может означать противоположность самой себе и что мы можем понять смысл выражения только из общего контекста. Этим я хотел показать, что common sense может меняться. Он не является фиксированным, common sense — это сумма всех основанных на здравом смысле и общепризнанных, связанных со всей культурной жизнью душевных движений.

Теперь перейдем к рассмотрению интеллекта, каким мы видим его у невротиков. Невротик ведет себя вполне правильно. Он ведет себя настолько правильно, что, как при неврозе навязчивости, замечает и устанавливает различие между личным интеллектом и common sense. Все, что он делает, является «умным». Этот факт «личного интеллекта» следует разобрать более подробно. Один преступник сказал: «Я убил его, потому что он был евреем». Ему представлялось, что он как христианин обладает определенным превосходством и поэтому может свободно распоряжаться судьбой иноверца, например — презренного еврея. Его цель — завладеть имуществом еврея. Он действует в соответствии сэтой целью. «Интеллект» облегчает ему путь, приближает к цели, нечто подобное мы ясно видим у трудновоспитуемых детей. Поскольку цель этого человека — ограбить, он использует аргументы, которые позволяют ему легче достичь цели. Такое облегчение происходит и на самом деле. Точно так же обстоит дело с другим убийцей-грабителем. «Молодой человек имел красивую одежду, а у меня ее не было. Поэтому я его убил». Он обдумывал и совершил убийство вполне рационально. Поскольку он не решается *общественно приемлемым способом* на полезной для общества стороне приобрести красивую одежду, ему фактически не остается ничего другого, как завладеть ею силой. Для этого он должен убить другого. Таким образом, мы видим, как преступники, используя те или иные «рациональные» аргументы, стараются приблизиться к своей цели. Нечто подобное мы можем констатировать также и у самоубийц, которые после длительной тренировки теряют всякий интерес к жизни и проникаются мыслью — своим самоубийством привлечь всеобщее внимание и тем самым, подобно убийцам, обрести возвышающее их чувство превосходства («я сделаю то, что не каждому дано сделать; раньше со мной никто не считался, но теперь...»). Мысль о том, чтобы быть хозяином жизни и смерти, делает его близким к Богу, как и убийцу, который распоряжается жизнью других. Он всегда будет находить вполне «логичные» аргументы; поскольку он хочет себя убить, ничто не представляет для него интереса. Он всегда находит аргументы, с помощью которых достигает своей цели, сам себя обманывает, сам себя отравляет. Эти аргументы являются «логичными» с точки зрения цели достижения личного превосходства на стороне бесполезного.

Таким способом можно, пожалуй, установить существенное различие между слабоумными людьми и нормально мыслящими. У первых, по всей

видимости, вышеуказанные «логические», направленные на цель превосходства аргументы отсутствуют, из-за чего «мыслительная воля» проявляет определенную непочтительность по отношению к логике. Этот частный интеллект следует строго отличать от того, что называется разумом, common sense. «Интеллект» мы обнаруживаем в обоих случаях, но мы называем разумом только тот интеллект, который связан с чувством общности. Например, алкоголик тоже способен логично аргументировать (если, конечно, у него нет слабоумия). Жизнь сложна, а тут имеется средство, позволяющее забыть о жизненных трудностях. Его поведение является, следовательно, рациональным с точки зрения цели — легко забыть о проблемах, решать эти проблемы не с позиции общества, а частным способом. Если бы это совпадало с целью, то каждый поступал бы, как он.

То же самое относится и к перверсиям. Если мужчина-гомосексуалист по причинам, которые мы знаем из индивидуальной психологии, исключает часть человечества, то он будет стремиться к поставленной цели с помощью логики и интеллекта. Он будет всегда логично рассуждать, приводить аргументы, которые его оправдывают. Его цель в любовном вопросе находится на бесполезной стороне, но с точки зрения этой цели он будет рассуждать и действовать вполне правильно. Основная идея заключается в том, что мы должны проводить строгое разграничение между разумом, имеющим всеобщее значение, соответствующим, *следовательно*, пользе общества, и изолированным интеллектом невротика («все или ничего», «желательно с самого начала иметь успех» и т. д.), короче говоря, интеллектом в неверных действиях, которые мы всегда осуществляем.

Понятие «идентификация» используется по-разному, у Фрейда не так, как в индивидуальной психологии. Если ребенок стремится быть похожим на отца, если он хочет смотреть глазами отца и т. д., если он его «понижает» и имеет перед собой полезную цель, то мы называем это идентификацией. Фрейд постепенно стал трактовать это понятие следующим образом: овладеть ролью другого, чтобы добиться «личной» выгоды.

Идентификация необходима, чтобы жить в обществе. Сочувствие является частичным выражением идентификации, последняя же — одной из сторон чувства общности. Мы можем понимать только тогда, когда идентифицируемся, а потому разум выступает как социальная способность. Мы идентифицируемся с образом, рассматривая его, и с другими неживыми предметами, например, играя в бильярд или в кегли, когда игрок

следит за шаром и совершает то движение, которое, как он надеется, совершит и шар. В театре каждый зритель сопереживает и участвует в игре. Это и есть идентификация в нашем понимании. А не узурпация, например, роли отца и т. д. Вчувствование играет огромную роль в сновидениях. Равно как и в психологии масс.

Следующим понятием является интеллект. Только тот интеллект является разумом, который содержит в себе чувство общности, то есть тот, что ограничен стороной общественной пользы.

Теперь становится более понятным и вопрос о слабоумии. Слабоумие не является более низкой формой интеллекта, это иная форма мышления. В чистом виде слабоумие полностью противостоит требованиям разума, в лучшем случае придерживается их по принуждению. При слабоумии жизненный стиль не формируется, как всегда можно наблюдать у разумных и интеллектуальных людей. У слабоумного человека нет жизненного стиля, его формы жизни далеки от понимания существующих взаимосвязей. Мы видим здесь также отсутствие почтения к common sense, который по-прежнему играет определенную роль в частном интеллекте в виде извинений, оправданий, сравнения и т. д. Слабоумный человек не разрабатывает жизненного плана. Поэтому, если поместить его в новую ситуацию, то, несмотря на всю механистичность его поведения, мы не можем предугадать, что он будет делать, поскольку планомерное поведение у него отсутствует. Чтобы отграничить мнимое слабоумие, нужно попытаться найти идеальную цель, с которой можно идентифицироваться. С действительно слабоумным человеком идентифицироваться невозможно. Слабоумный человек отличается холодностью и непочтительностью по отношению к разуму. Он не подчиняется законам common sense и, кроме того, не обладает интеллектом, который проявляется в цели достижения личного превосходства. При прогрессивном параличе, например, нельзя обнаружить рационально осмысленного стиля жизни. Но при этом всегда могут присутствовать следы чувства общности. Нечто напоминающее жизненный стиль, целостность поведения на полезной стороне жизни встречается, например, при паранойе. Совершенно логичную цепь мыслей, которую, однако, нельзя назвать разумной, можно обнаружить при меланхолии. В фикции больной переживает усиление чувства собственной ценности. У кататоников я сумел установить, что они играют *роль* куклы, мертвеца, героя и т. д. В последовательность мыслей слабоумного человека нельзя вчувствоваться, в лучшем случае о ней можно догадаться отстраненно.

Гердер, Новалис и Жан Поль знали о процессе вчувствования, описали его и считали важным. В дальнейшем Вундт, Фолькельт и особенно Липпс подчеркивали фундаментальный факт вчувствования в нашем переживании. Липпс, Дильтей, Мюллер-Фрайенфельс и др. описали взаимосвязь вчувствования и понимания. Заслуга же индивидуальной психологии состоит в том, что она выделила вчувствование и понимание как факты чувства общности, единения с миром. Мы называем добродетельным, умным, разумным, ценным только то, что происходит на стороне общественной пользы. Этим же руководствуется и наше суждение, а все здравомыслящие люди различаются примерно по этому же принципу разделения. Также и тот, кто действует на бесполезной стороне жизни, как-то: трудновоспитуемый ребенок, невротик, преступник, самоубийца, пьяница, извращенец и т. д., осознает свое отличие, видит разницу между добром и злом и пытается защищать все, что делает, от разума и добродетели. Но он будет идти своим бесполезным путем до тех пор, пока не расстанется с идеальной и бесполезной для общества целью достижения личного превосходства. Он расстанется с нею только в том случае, если своим частным интеллектом постигнет принципы разума. То есть если он осознает ошибочный прототип, сформировавшийся в его детстве, свое усилившееся чувство неполноценности, свое стремление к личному превосходству и значение чувства общности для развития мужества, разума и чувства собственной ценности.

Поэтому у всех «проблемных людей», если исключить слабоумие, мы обнаружим, что их цель стремления к личной власти не была достигнута, но все отдельные действия «логичны». Они будут производить впечатление «ненормальных», поскольку их поведение противоречит «объединяющему всех нас разуму», common sense. Но они всегда будут полностью вписываться в систему отношений на бесполезной стороне жизни. Поэтому им будет недоставать также развитого чувства общности и не хватать мужества, необходимого для решения полезных жизненно важных вопросов.

Примеры:

1. Ребенок, чувствующий, что из-за младшего брата или сестры его стали меньше баловать, прежде всего будет стремиться к тому, чтобы снова оказаться в центре внимания, и вследствие своей воинствующей установки будет нарушать порядок в доме. Он ведет себя

логично с точки зрения своей цели, но неразумно с точки зрения требований общества.

2. Больной, страдающий неврозом страха и с детства использующий свой страх как средство заставить служить себе другого, «навязать ему законы своего поведения», ведет себя логично, но не в соответствии с common sense.

3. Убийца, убивающий кого-то ради того, чтобы завладеть его имуществом и, следовательно, испытывающий недостаток мужества, чтобы добывать деньги общественно полезным способом, ведет себя логично с точки зрения своей цели обогатиться легким путем, но в то же время трусливо и неразумно, поскольку не бывает так, чтобы лучший путь был полностью исключен.

4. Самоубийца, чувствующий себя слишком слабым, чтобы преодолеть личные трудности, и поэтому отвергающий (в порыве мстительности) все лишь ради того, чтобы одним махом избавиться от чувства неполноценности, ведет себя логично с точки зрения своей цели — с помощью этой уловки справиться с невзгодами жизни, — но вредно для общества, трусливо и неразумно.

5. Извращенец, исключивший полезную для общества форму любви и затем восторженно почитающий жалкий ее остаток, с помощью этого трюка избегает сложностей нормальной любовной жизни, защищается от нее рациональным способом, но не проявляет в этом ни common sense, ни мужества, ни чувства общности.

6. Алкоголики, морфинисты и т. д. возводят избегание жизненных трудностей в рациональную систему, но исключая мужество и разум, которые они сводят на нет одурманенным состоянием.

7. Во всех формах чистых психозов (шизофрения, меланхолия, маниакально-депрессивный психоз, паранойя) при более глубоком понимании обнаруживается логическая система, но отсутствие разума.

С позиции индивидуальной психологии сущность слабоумия заключается в том, что в его структуре в достаточной степени нельзя обнаружить ни интеллекта, ни разума[1].

[1] См. также статью «Отношения между неврозом и остроумием» в этой книге, с. 97—99.

Теория сновидений в индивидуальной психологии

По сей день в индивидуально-психологических работах положения, касающиеся теории сновидений и понимания сна, к сожалению, еще не собраны воедино, но они принадлежат к основным результатам этой науки и искусства. Они разбросаны в многочисленных сочинениях, из которых я хочу упомянуть здесь следующие: «О нервном характере», «Практика и теория индивидуальной психологии» и «Познание человека». По сравнению со всеми остальными теориями сновидений они имеют преимущество в том, что исходят только из данных, подкрепленных индивидуальной психологией. До сих пор в качестве последнего нового слова можно было услышать: *«Сон представляет собой след пробного выстрела, показывающего, в каком направлении сновидец будет пытаться решать актуальную проблему в соответствии со своим жизненным стилем».* В последней работе на эту тему «Смена невроза и тренировка во сне» (с. 100—104 этой книги) я попытался показать, что сон содержит в себе тренировку, посредством которой сновидец задумал осуществить аранжировку своих намерений.

Дальнейшее развитие этих индивидуально-психологических знаний привело меня к следующим выводам:

1. Сон способствует *самообману,* необходимому для того, чтобы сновидец пытался решать актуальную для себя проблему не на основе логики и реальности, а в соответствии с целью достижения превосходства.

2. Сон имеет *задачу создать настроение, соответствующее этому самообману.*

Пожалуй, признаком пригодной теории можно считать то, что ее применение ведет к полезным и приемлемым результатам. Точно так же, с другой стороны, признаком pessimi ominis[1] можно считать то, что все время приходится вносить изменения или дополнения с совершенно иных уровней мыслительного процесса, только затем, чтобы создать подпорки для пошатнувшейся теории. Все, что совершенно естественным образом добавилось к нашей теории сновидений, проистекает из положений индивидуальной психологии об «аранжировке» невроза, то есть о творческом действии пациента на «бесполезной стороне жизни», из обнаруженных ею фактов тенденциозного «исключения» жизненных задач, которые кажутся небезопасными для цели достижения превосходства, из наших представлений о базисном малодушии, ведущем к невротическим проявлениям, о «тенденции к безопасности», создающей симптомы, чтобы воспрепятствовать возвращению на путь пользы для общества, помешать развитию чувства общности, и т. д.

Наше стойкое недоверие к антитетике в психической жизни человека, к рассмотрению явлений как застывших противоположностей (амбивалентность, полярность и т. д.) оказалось нам весьма полезным. Понимание нами того, что так называемое сознательное и так называемое бессознательное —• не противоположности, а лишь варианты выражения душевной жизни, всегда движущейся в направлении одной и той же цели достижения превосходства, оберегало нас от мнимых проблем. И то же самое относится к нашему знанию, что сон — это не противоположность бодрствования, а только его вариант и что сновидение — не противоположность бодрствующего мышления, а только другая форма бодрствующего мышления, которая другими средствами стремится к той же самой цели, что и так называемое сознательное. Следовательно, в сновидении, как и в любой другой форме выражения, должен проявляться весь жизненный стиль человека вместе с его стремлением к индивидуальной цели достижения превосходства.

Это опять-таки согласуется с нашим представлением о том, что линия движения сновидения направлена снизу вверх, к цели достижения превосходства, что нам удалось доказать на многих примерах.

[1] Дурным знаком *(лат.). — Примечание переводчика.*

Наше представление об аранжировке невротического симптома привело нас к выводу, что сновидение также должно играть важную роль в этой аранжировке. Идея о том, что эта аранжировка не может быть непосредственной, то есть направленной на цель невроза, как, например, при симуляции, а должна соответствовать описанной нами «тенденции к безопасности», находится в этом же русле. Эту тенденцию к безопасности легко удалось выявить и в сновидении, и она была направлена, как всегда, на то, чтобы вопреки всякой логике указать и наметить путь уклонения от жизненных проблем.

Искусственное построение невроза оказалось результатом проводимой с детства тренировки, которая, руководимая честолюбивой целью малодушного человека, лишала чувства общности, а значит и мужества, и поэтому — с особой отчетливостью перед лицом насущной проблемы — сдвигала в основном в сторону бесполезного. Свободные от собственных предубеждений, мы смогли показать этот же путь движения в сновидении. При этом мы пришли к выводу, что *сновидение самым эффективным образом берет на себя функцию тренировки* восне, чтобы своими средствами осуществить ее более точно, чем это возможно в состоянии бодрствования. Из этих средств мы выделили особенно характерные для сновидения, присущие ему, как и мышлению в бодрствовании: использование заманчивых сравнений, тенденциозный подбор воспоминаний и прочего материала и вводящее в заблуждение упрощение насущной проблемы. Усиленное применение этих средств позволяет сновидцу лучше, чем в состоянии бодрствования, где властно вмешиваются и вносят свои коррективы реальность и логика, проложить себе — в стороне от логики — путь к своей невротической цели достижения превосходства.

Тем самым, исходя из понимания сновидения, здесь снова показана ошибочная попытка невротика достичь цели превосходства, не решая полезным способом жизненных проблем в обществе. Мы не находим в сновидении ничего нового, только подтверждение того, что нам удалось установить уже задолго до этого с помощью индивидуальной психологии. Сновидение, следовательно, не служит нам «via regia»[1] для прояснения темных областей «бессознательного», но мы используем его и понимание

[1] Царская дорога *(лат.). — Примечание переводчика.*

пациента для того, чтобы привести ему новые доказательства его ошибочного, неправильного стиля жизни. Мы показываем ему, что *он обманывает себя в бодрствовании и особенно во сне,* чтобы суметь осуществить и замаскировать свое бегство от жизненных проблем. Одновременно мы ему показываем, что он следует только этим ошибочным путем, поскольку оказался лишенным чувства общности и вместе с ним мужества для решения проблем на полезной стороне жизни.

Остается еще один серьезный вопрос: как все это может произойти, как можно прийти к самообману там, где сновидец (а вместе с ним и наука) совершенно не понимает своего сновидения? Нами давно уже установлено: этот самообман, это вождение за нос самого себя может удаться только в том случае, если сновидцу удается избежать вмешательства логики. Что же тогда остается от сна? Что делает его действенным? Что является его функцией? Его целью?

Сегодня мы можем ответить на это: *настроение!* Собственно говоря, мы знали об этом уже давно. На самой ранней стадии развития индивидуальной психологии, там, где речь шла о сновидении («О нервном характере», 1912), указывалось, что оно говорит подбадривающим или предостерегающим голосом. Этим голосом оно приводит сновидца в настроение, которое сохраняется и утром. А это настроение благодаря уловкам сновидения создается вдали от реальности, как средство защиты ради достижения конечной невротической цели.

Несколько примеров должны пояснить это положение.

30-летний мужчина, полный социальных идей, младший ребенок в семье, не испытывал проблем вплоть до пубертатного возраста. Он хвалится, что постоянно находился в центре общества, точно так же, как, будучи младшим ребенком, являлся центром семьи в свои детские годы. Позднее он стал восхищаться своим отцом еще сильнее, чем прежде. После нескольких неудачных попыток продемонстрировать свое превосходство в обществе, в профессии, в любви, он замкнулся в подавленном состоянии, обескураженный к тому же стойким критическим отношением к нему отца. Стремление младшего, а также второго ребенка в семье представляется, если тому не препятствуют особые обстоятельства, в некотором роде несокрушимым. Таким он и пришел ко мне, желая еще раз начать все с нуля, отравленный, однако, ядом сильного чувства неполноценности, из которого возникла его боязливая установка.

Правильного отношения к ближним он не обрел. Привычной позицией для него было противодействие. В профессиональных вопросах он был нерешителен, но все же, как это часто бывает у невротиков, частично эти вопросы решал, побуждаемый необходимостью добывать средства к существованию. В вопросе любви, предполагающем развитое чувство общности, он почти полностью потерпел фиаско и жаловался на импотенцию и мучительные поллюции. Он оказался очень восприимчивым к лечению, стал более мужественным и уверенным в себе. Но его по-прежнему преследовал и повергал в сомнения образ отца. В вопросе любви путь ему проложила нравственная традиция отца, давшая ему желанную отговорку, которую он использовал, чтобы пережить обидную неудачу и, пожалуй, чтобы не испытать новой. После того как он захотел предпринять отвергнутую мной попытку без любви сблизиться с девушкой, поллюции прекратились, а затем исчезло и само это намерение. В этой аранжировке достаточно очевидно желание создать противоположное движению вперед настроение. Когда эта уловка была ему разъяснена, он возразил в соответствии со своей склонностью к оппозиции. В это время ему приснился следующий сон, который он сам без труда истолковал.

«Мне снилось, что я и еще несколько человек как будто с целью тайного заговора находились в неизвестном мне доме. Вдруг произошел взрыв, дом обрушился и похоронил нас под своими развалинами. В конце концов мы выбрались живыми, только у меня оказался отрубленным нос».

Тайный заговор нацелен против девушки, которая, по его мнению, плохо с ним обращалась. Неизвестный дом — это остававшийся до сих пор ему неизвестным публичный дом. Взрыв означает его ejakulatio praecox. Рухнувший дом относится к краху его любовных отношений, пожалуй, также к его прежней моральной позиции. Потеря носа есть следствие люэса.

Смысл сновидения — воздержание от половых отношений. Эта же линия движения была известна нам уже и прежде из жизни запуганного пациента. Истолкование и понимание сновидения стали доступными ему только после того, как я его с ними ознакомил.

Но и без интерпретации сновидения сон достиг бы своей цели, вселив в пациента страх перед таинственностью и грозящей бедой. Таким образом, сон и выраженное в нем настроение должны были обмануть пациента, привести его к тому, к чему принуждала его невротическая цель уклонения. Обман происходил вышеупомянутыми средствами метафоры, путем

тенденциозного отбора и упорядочения опасностей и упрощения всей проблемы любви. Только с помощью интерпретации сновидения удалось раскрыть самообман и привлечь внимание пациента к его чувству тревожности. Это, однако, удается только тогда, когда начинаешь понимать, что «сновидение содержит в себе попытку решить актуальную проблему не в соответствии с логикой, а в соответствии с индивидуальной направляющей линией», в данном случае в соответствии с невротической конечной целью уклонения, что удается только с помощью трюка, самообмана.

Этому же пациенту еще задолго до того, как он утратил мужество, снилось, что у отца были половые органы собаки. Здесь он также легко нашел интерпретацию. В борьбе с отцом, которого он переоценивал, он пользуется дискредитирующей тенденцией и, подстегиваемый своим чувством неполноценности, хочет видеть себя в сравнении с ним более мужественным.

Вот последнее сновидение больной, которую удалось излечить от меланхолии, незадолго до того как она обратилась ко мне за помощью: «Я в одиночестве сидела на скамье. Вдруг поднялась сильная снежная буря, от которой мне удалось скрыться, поспешив домой к мужу. Там я помогла ему по объявлениям в газете найти подходящую должность».

Это истолкованное пациенткой сновидение демонстрирует миролюбивое отношение к мужчине, которого она ненавидела и презирала за его слабость и медлительность в профессиональных делах. Толкование сновидения таково: лучше оставаться с мужем, чем подвергнуться опасности одиночества. Как бы ни были мы согласны в данном случае с актуальным намерением пациентки, способ, которым она решалась на брак, на примирение с мужем, все же слишком походит на искусство уговоров, к которому в таких случаях прибегают озабоченные родственники. Опасности одиночества кажутся здесь сильно преувеличенными.

Бессонница

Бессонница может быть следствием органической болезни, например, на начальных стадиях тифа при нарушениях деятельности желез и в некоторых случаях нефрита (воспаления почек). Иногда она проявляется на начальной стадии психоза. При психических заболеваниях, которые начинаются с бессонницы, то есть когда пациент склоняется к шизофрении или меланхолии, требуется большое напряжение, чтобы создать душевную болезнь, словно художественное творение. В таком случае доминируют эмоции, которые определяют всю картину болезни, возможно, также особую роль играют эндокринные железы, из-за чего с некоторой вероятностью можно обнаружить определенные изменения в крови.

В литературе часто утверждается, что такая секреция является причиной психических болезней; мы утверждаем, что она является их следствием. Железы испытывают на себе влияние возбуждения вегетативной системы. Вероятно, подобные нарушения секреции встречаются также при некоторых неврозах. Мы можем обнаружить различия в крови у больных агорафобией, но не в качестве причины нарушения.

Если органические причины исключены, бессонницу можно объяснить психологически. В таком случае мы рассматриваем личность в целом и обнаруживаем, что бессонница полностью вписывается в личность больного. Чтобы это установить, можно спросить: «Что бы вы стали делать, если бы могли спать?» Тогда данный человек скажет, *что он* боится делать. Например, он мог бы, если бы нормально спал, лучше работать и сдать экзамен. То есть он настолько боится этой проблемы, что стал напряженным и не может расслабиться. И именно поэтому он не может заснуть.

Сон не является пассивным состоянием, и неверно утверждать, что мы пассивны во сне. С нашей точки зрения, сон — это активность;

мы должны сами себя приводить в состояние сна. Мы упражнялись в этом с самого детства, а потому нам легко удается заснуть.

Но если мы этого состояния не достигаем, на то всегда есть причины. В особенности сну мешают эмоции и напряжение. Если человек испытывает страх перед чем-то, он не может заснуть. Некоторым пациентам, особенно женщинам, не дают заснуть мысли о домашнем хозяйстве: все ли в полном порядке. Они думают о домашней работе, о завтрашнем приеме гостей, о том, не будут ли их критиковать, будет ли все так, как хотелось бы. Как следствие, они не могут заснуть и однажды обнаруживают, что в этом есть и свои выгоды.

Цели бессонницы

Один мужчина, страдавший неврозом навязчивости, утверждал, что не мог нормально заснуть с раннего детства. Он спал от силы один или два часа. Наверное, это не так, ибо очень многие люди заблуждаются, полагая, что они не спали. Некоторые признаются, что не знают, спали они или нет. Однако многие пациенты довольны, если они могут произвести на себя и других впечатление тем, что не спали, поскольку в таком случае у них всегда есть аргументы и алиби. Они могут претендовать на внимание, поскольку их неспособность заснуть производит на них самих большое впечатление.

Некоторые люди спят и тем не менее все слышат и видят. Они легко просыпаются и поэтому замечают все, что происходит: когда бьют часы, когда кто-нибудь проходит мимо и т. п. Утром они не чувствуют себя бодрыми. Поэтому такой способ проводить ночь представляет собой разновидность бессонницы. Существует множество способов найти себе оправдание, которые весьма напоминают бессонницу.

Удар по другим

Можно обнаружить, что каждый человек, страдающий бессонницей, имеет определенное намерение, в котором его подкрепляет неспособность заснуть. Один юноша, который находится в ссоре с семьей,

не зарабатывает денег: поскольку семья живет на его доходы, он может нанести ей вред таким способом. Если он не может заснуть, они знают, что это означает, и дрожат перед ним. Это и есть его цель. Таким образом, можно увидеть то, как он аранжирует свою бессонницу. Всегда можно обнаружить, что другие тоже оказываются впутанными в ситуацию. Бессонница является действенным средством озадачить других людей — обычно близких. Состоящие в браке мужчины и женщины часто обременяют этим своих партнеров.

Поддержка честолюбия

Иногда бессонница становится инструментом соперничества. «Я знаю, что хорошо делаю свою работу и все ею довольны. Но чего бы только я ни достиг, если бы только мог больше спать!» Поэтому бессонница часто встречается у очень честолюбивых людей.

Вначале я был горд собой, обнаружив, что бессонница является симптомом честолюбия. Но потом я узнал, что это уже было известно две тысячи лет назад. Так, у Горация можно найти изречение: «Люди, которые не могут спать по ночам, пытаются согласовать действительность со своими собственными планами, а не думают о том, чтобы приспособить свои планы к действительности». Гораций знал смысл бессонницы, и, вероятно, его знал тогда каждый, только это, пожалуй, оказалось в забвении. Теперь же это было открыто заново, подобно тому, как, наверное, были позабыты и должны быть открыты заново некоторые другие знания. Кроме того, об этих же людях Гораций говорил: «Они страдают не только от бессонницы, но и от головной боли». И это тоже верно; два этих недуга часто встречаются вместе. Следствием такого чрезмерного честолюбия являются бессонные ночи и головная боль. Это понятно. Если кто-то использует ночь для сознательных размышлений и не довольствуется только днем, то можно предположить, что он — человек очень честолюбивый. Это лишь одна из вариаций типа людей, которые учатся по ночам. И это тоже является признаком честолюбия, разве что в таком случае понять взаимосвязь нетрудно.

Правильность нашего предположения можно проверить, если тактично спросить пациента, над чем он размышляет ночью, когда не может заснуть. В таком случае будет получено очередное доказательство. Пациент всегда думает либо о своем деле, либо о своих обязанностях и мысленно повторяет все, что произошло минувшим днем. Подобно тому, как вечером он может просматривать книги и счета, точно так же он анализирует ночью, правильно ли он себя вел. Многие люди делают это. Их честолюбие не позволяет им забыть ни малейшей ошибки, возможно, совершенной днем.

Поддержка меланхолии

Болезнью, при которой бессонница играет важнейшую роль, является меланхолия. Если меланхолик недостаточно хитер, чтобы скрыть то, о чем он размышляет ночью, то можно легко установить, как он старается ухудшить свое настроение, всегда выискивая все самое плохое и собирая это, словно пчела. Очень важно во время лечения помнить об этой склонности. Мы должны показать пациенту, что он постоянно пытается подчеркивать плохое. Таким способом он пробуждает чувства и эмоции, из которых состоит его меланхолия.

Меланхолия или депрессия означает на самом деле не что иное, как размышления о негативных моментах или упущенных возможностях, а не о позитивном и вселяющем надежды. Это выискивание беспокоящих мыслей происходит также и ночью, и таким образом мы можем понять, почему больной меланхолией не спит. Он собирает эти мысли из-за своего честолюбия. Он не смог бы этого делать, если б заснул. Поэтому он нарушает свой сон эмоциями, которые сам и создает.

Лечение

Для лечения бессонницы можно использовать ночную активность. Когда пациент жалуется на бессонницу, обычно он утверждает, что растерян, поскольку без сна жить больше не может. Если бы ему сказали,

что это ничему не вредит, что и сам врач не может подолгу заснуть и что другие люди, которых он знает, тоже страдают бессонницей, это разозлило бы больного. Но если врач дружелюбен и не высмеивает его, это может произвести на него впечатление. Ему говорят: «Вы можете использовать время, когда не удается заснуть, для того, чтобы помочь нашему лечению. Вы можете собрать все мысли, которые возникают у вас в это время, запомнить их и рассказать мне на следующий день. Тем самым мы можем использовать вашу бессонницу для лечения».

Это будет для пациента новым опытом — конструктивно использовать свою бессонницу. Иногда — когда требуется использовать бессонницу в благих целях — ему не удается ее сохранить. Он может оставаться без сна только тогда, когда рассматривает это как нарушение. Отмечает ли он для себя свои мысли или же теперь засыпает — в любом случае он будет способен понять цель сна или бессонницы. Он даже поймет, что бессонница не играла той роли, которую он ей приписывал.

Я никогда не предлагаю лекарственных средств от бессонницы. Но я видел многих больных, которые приходили ко мне и принимали лекарства, которые прописывали им другие врачи. И очень трудно удержать их от этого. Принимать лекарства — все равно что не спать. Это означает: «Я мучаюсь от бессонницы и могу заснуть только тогда, когда принимаю лекарство». Пока он полагается только на лекарства, онмог бы заснуть, если бы выпил просто подслащенную воду. Иногда это можно доказать. Но я стараюсь никогда не обманывать пациента.

Очень интересно наблюдать, как многие люди нарушают свой сон определенными правилами. Один из лучших методов удерживать себя ото сна состоит в том, чтобы считать до тысячи, а затем в обратную сторону. На это требуется два часа, и в течение этого времени человек не спит. Тем не менее он полагает, что это является средством от бессонницы, хотя в действительности он сам ее и порождает. Когда после этих двух часов он так и не заснул, он говорит: «Даже такое сильное средство в моем случае не помогло; должно быть, я ужасно болен». Ходить от одного врача к другому также является очень хорошим методом усилить бессонницу и, кроме того, привлекать к себе внимание. Некоторые люди утверждают, что не могут заснуть до часа ночи или что они могут заснуть только в том случае, если до двух ночи играли в карты. Все это оправдания.

Резюме

Многие люди живут с нарушением сна всю жизнь. Они словно претендуют на привилегию: человек, который не может заснуть, имеет право на особое почтительное отношение. Каждый может видеть, что этот человек мог бы достичь гораздо большего, если бы только мог спать. Поэтому он имеет определенную привилегию и его нельзя мерить по тем меркам, с какими подходят к другим. Но мы не так уверены, что он мог бы добиться большего.

При лечении мы даем ему понять, что это совсем неверно, будто бы он мог добиться большего, если бы мог нормально заснуть. Продолжительность сна и дееспособность не связаны между собой и не могут соизмеряться. Однако многие люди связывают то и другое; они придерживаются правил типа того, что смогут заснуть только при условии, что не выпьют черного кофе или выпьют ликера. Такими предположениями, в которых связываются друг с другом две вещи, не имеющие между собой ничего общего, они по мере надобности регулируют свой сон, когда не уверены в успехе, то есть они аранжируют свою бессонницу, если нуждаются в алиби для ожидаемого поражения. Бессонница возникает только в ситуации, когда человек оказывается перед проблемой, к которой он не подготовлен, и она используется тогда для того, чтобы пробуждать необходимые чувства и эмоции.

Критические размышления о смысле жизни

Если бы мы поняли смысл жизни, то сдержать целеустремленный взлет человеческого рода было бы уже невозможно. У нас была бы общая цель, и энергия всех людей служила бы осуществлению этого смысла. Мы ясно представляли бы себе и наш жизненный путь, пусть и не с полной определенностью. Но даже многочисленные ошибки, которые бы случались с нами при этом, были бы продиктованы стремлением приблизиться к абсолютной истине, — истине, которая предстает перед нами «бесконечной задачей», вечно недостижимой, но вечно манящей. Мы бы острее и сильнее чувствовали заблуждения собственной жизни, а благодаря пониманию нами взаимосвязей, управляющих вселенной, землей, Я и Ты, появилась бы возможность легче и раньше вносить исправления. Смысл нашей жизни являлся бы компасом для наших стремлений. Удушливая телеология, которая сегодня по-прежнему указывает нам близлежащие цели, уступила бы место воздействующему издалека и освещающему наш путь светилу, а мнимые ценности наших дней, быстро увянув, разрушились бы перед взвешенным суждением нашего возросшего самосознания.

Пока мы не обладаем этим смыслом, многочисленные смыслы нашего времени кажутся нам — не столько разуму, сколько чувствам — шаткими и взаимозаменяемыми. Мы меняем одежду, образ мыслей, профессию, своих мужчин и женщин, своих друзей в непрекращающемся поиске ценностей, которые в другой раз сами отвергаем. Понимало ли когда-нибудь человечество смысл жизни? Был ли он утрачен им позже? Сможем ли мы когда-нибудь хотя бы отчасти его разгадать?

Животное и еще больше растение имеют свою «формулу». Когда

мы говорим «заяц», то знаем большинство психических и физических законов поведения этого существа. Но также и животным дана уже определенная свобода выбора в поведении, и мне довелось видеть одного храброго зайца, который наводил ужас на свое окружение. Можно было бы предположить, что «естественный отбор» в животном царстве указывает на внутреннее противоречие между живыми существами и условиями существования, что возникновение видов разоблачает неудачу, ошибку, несостоятельность, которая выявляется с течением времени и в связи с изменениями, происходящими на земле. Возможно, прогресс в том или ином направлении обусловлен этой ошибкой и приведет в будущем к возникновению рода людей, который будет лучше приспособлен к системе отношений между человеком и землей, чем нынешний.

Возможно, это не просто фантазия. Возможно, проблемы нашего времени столь велики, потому что мы чересчур ошибаемся в «абсолютной истине». Возможно, индивиду и всем людям гораздо больше грозит уничтожение, чем мы хотим об этом знать, и все потому, что они не знают смысла жизни и заблуждаются.

Не появится ли тут снова часто возникавшая перспектива, которую называют то Немезидой, то причинностью, то воздаянием, то Богом и которая выставляет перед нами, словно прочные дорожные указатели, свои предупреждения, угрозы и обещания наказать? Дорожные указатели в бесконечности пространства и времени, в хаосе жизни, как будто им что-то известно о порядке во вселенной, о смысле жизни, который от нас по-прежнему скрыт...

В переплетении нашего времени политика laissez-faire[1] осуществляется с таким рвением, как будто, чувствуя свою слабость и неполноценность, мы должны окончательно отказаться от сознательного управления жизнью. Наше нынешнее сознание считает себя неспособным, а нас слишком слабыми, чтобы понять и освоить систему отношений между природой и человеком. Оно делает из нужды добродетель, предоставляет Богу, случаю или борьбе всех против всех управлять историей человечества. С огромными жертвами и опустошениями, через уничтожение отдельных людей и сообществ в целом могло бы осуществиться то,

[1] Невмешательство, непротивление, попустительство *(фр.). — Примечание переводчика.*

чего требует логика совместной человеческой жизни. Смысл жизни утверждает себя и бросает человека и его институты, как только они начинают ему противоречить, в преисподнюю. Древние предчувствия человечества сопровождают нас на этом мученическом пути, но разум ухватывается за следующие друг за другом отдельные такты, не понимая еще всей мелодии бытия.

Наш век не был способен, подобно прошлым примитивным эпохам, увидеть мировые события в их взаимосвязи. Поэтому, если не считать Маркса, со времен Канта возможности единых направляющих линий не существовало. Наши этические и эстетические формулы проистекают из давно прошедших времен и за небольшим исключением служат личному стремлению к власти. Развитие науки и техники движется в основном в направлении корысти отдельных людей и алчности влиятельных групп и зачастую скорее нарушает гармонию совместной жизни, нежели способствует ей. Как правило, недостает великих идей; обычными результатами являются не подъем уровня жизни, а сиюминутный успех и одностороннее извлечение выгоды. Всему этому соответствует смехотворное, шумное и неоправданное восхваление лишь в редких случаях остающихся в памяти анализов земных событий, которые быстро сменяют друг друга и бурно приветствуются разными кликами и котериями[1].

Но беспокойство, с которым сегодня человеческое общество как никогда ранее стремится к рассмотрению взаимосвязей, чтобы выяснить для себя смысл жизни, судорожное цепляние за любое «спасательное бревно» и воодушевление, с которым воспринимается каждое новое слово, отчетливее всего остального показывают, что какого бы то ни было удовлетворительного решения по-прежнему не существует. Попытаться сказать что-нибудь окончательное было бы большой самонадеянностью. Уместны будут только указания и разъясняющие замечания, основанные на богатом индивидуально-психологическом опыте.

По понятным причинам индивидуальная психология избегает изучать изолированного человека. Она рассматривает его всегда только в космической и социальной взаимосвязи. Его, обделенного природой и подверженного значительным физическим слабостям, думающий мозг

[1] Котерия — группа лиц, преследующих своекорыстные цели. — *Примечание переводчика.*

подталкивает к сплочению. Этот процесс объединения, сам опять-таки являющийся следствием личной слабости и неуверенности, указывает на предварительное условие, которое всегда должно выполняться точно так же, как должны молчаливо приниматься воля к жизни, да и сама жизнь — человек есть социальное существо. Иными словами, человек и все его способности и формы выражения неразрывно связаны с существованием других людей, так же как он связан с космическими явлениями и с условиями земли.

Покуда имеют силу указанные предварительные условия, образуются линии, определяющие форму существования человека. Он более или менее целесообразным образом следит за своим физическим состоянием. Так, например, смена дня и ночи, сила притяжения, атмосферные условия вынуждают его к определенным жизненным занятиям, правильность или недостаточность которых предопределена системой отношений между землей и человеком. Подобной адаптацией предопределены также и изменения в физическом и психическом развитии человека, а всякий прогресс, который, таким образом, представляется вынужденным, поскольку он означает приспособление к данной системе отношений и его сдерживание ведет к затруднениям в жизни, к чрезмерным тяготам и заботам, является всего лишь необходимым исправлением имеющихся ошибок. Происхождение видов, естественный отбор также совершается под давлением, которое господствует в системе отношений между землей и живыми существами.

Из этой взаимосвязи, в которой абсолютно правильное решение предстает «бесконечной задачей», будет сформирована одна из направляющих линий, ведущих к смыслу жизни. Вторая взаимосвязь заключена в двуполости.

Соотношение обеих систем легко понять. Если рассмотреть более значительные периоды времени, то последняя вариация живых существ является наименьшей ошибкой. Двуполость предстает перед человеком задачей, которая должна решаться в согласии с другими основополагающими факторами человеческой жизни. Обе связывающих фактора, система «земля—человек» и двуполость, ограничивают многочисленные возможности образа жизни и придают жизни смысл и направленность. Смысл жизни не может быть теперь выведен из причинности и уж тем более из фантастических частных идей, но, подобно любой задаче

на вычисление, выводится из преследования цели, из поиска решения, которое при вычислениях заложено в самих условиях. Финал становления человека предстает, таким образом, побуждающей причиной.

Третий важный детерминирующий фактор заключен в групповой и общественной жизни человека. И снова наблюдаем мы тесную взаимосвязь созданной таким образом системы отношений с последствиями ранее возникшего напряжения. Только эта земля могла породить homo sapiens, только требуемая ею для него двуполость могла обещать ему посредством постоянного смешивания крови, поддерживаемого затем страхом инцеста, однородность и равноценность. Его социальной согласованности угрожает опасность, если ставится под сомнение равноценность отдельных людей, когда догматически недооценивают «низы» или говорят о неполноценности женщины. Однако человек в своем физическом и психическом своеобразии навеки связан социальными узами, и в вопросе об удовлетворительном устройстве общества выражается вопрос о судьбе человеческого рода. Так, связанный по меньшей мере троякими узами движется человеческий род, кочуя от одной ошибки к другой, к решению заданной нам, никогда не понятной до конца, но вечно заявляющей о себе задаче. В этой задаче скрыта абсолютная истина. Всему, что от нее значительно уклоняется, грозит уничтожение. Поиски отдельного человека охвачены непонятным стремлением к общности, являются крохотной частицей движущей энергии человечества. Не важно, что он считает для себя понятным в этом потоке жизни, который он подгоняет или тормозит. В расчет принимаются только его достижения.

Жизнь индивида и общности — это всегда прицел в будущее. Наше время, середина в вечном развитии, несет тяготы и лишения неподготовленной, еще слишком неверной попытки приспособления. Человек как средоточие всех событий на земле обречен на гибель. Мы — те, кто в ответе, и смысл жизни лежит внутри наших связей и вытекающих из них выводов.

Брак как общественная задача

Верно понять явления социальной жизни и личности можно только тогда, когда их рассматривают во взаимосвязи и не забывают об их месте в поступательном развитии, в потоке вечности. Однако недолговечный интеллект индивида снова и снова пытается ограничиваться тесным кругом преходящих интересов, чтобы пожинать скорые плоды, а не руководствоваться вечными истинами. Мы не можем здесь привязываться к словам или традиционным, священным понятиям. То, что всеми нами руководит и что нас принуждает, в конечном счете есть непоколебимая система отношений земля—человек, которая вечно обременяет нас задачей, железные закономерности которой проявляются в виде непреклонных указаний в каждом человеческом переживании то как поощрение, то как наказание. Человек убивает себя в близоруком ослеплении — и мир начинает трещать по швам. Всякий раз нас охватывает возбуждение, как только стремление человечества к гармонии со вселенной приобретает форму в переживании и действии. Мы уповаем только на чудо; чувства и настроения одолевают нас, пока не приходит кто-то, кто, подобно ошеломленному злодейством Шекспиру, показывает нам, что надругательство над смыслом жизни всегда влечет за собой месть.

Человек, сажающий деревья, учитывает, наверное, особенности почвы и климата и не позволяет себе руководствоваться упрямством и тщеславием. Впрочем, совершенно не имеет значения, что он при этом думает, чувствует или хочет. Только согласие действия с необходимостью развития оправдывает его. Он творит для человечества и потомков, даже если имеет в виду только собственное благо и даже если готов действовать против общества и против будущего.

Может ли кто-нибудь вспомнить о деле, которое по неким основаниям следовало бы назвать прекрасным, великим и благородным,

если оно не пошло на пользу обществу, будущему развитию человечества? Не носит ли каждый меру такой оценки в себе? Найдется ли хоть один разумный человек, который бы не видел различия между добром и злом? Тем самым возникает позиция для рассмотрения всех человеческих связей и институтов. Их ценность и «правильность» зависят в первую очередь от того, насколько они пригодны для общества. Если что-нибудь кажется спорным, противоречие с логикой фактов всегда будет ощущаться. Оно заявляет о себе даже тогда, когда никто не видит взаимосвязи. Легкость, с какой мы выдвигаем человеку обвинения, как правило, избавляет нас от заботы исследовать эту взаимосвязь. То, что ошибки и их последствия всегда значительно удалены друг от друга, затрудняет понимание и едва ли обогащает человека опытом. Разнообразные переживания многих людей, похоже, не поддаются единому рассмотрению. Так и протекает жизнь поколений, не создавая прочных традиций. А каждый отдельный человек еще и горделиво пытается использовать свои скудные знания, зачастую своенравным образом, для расширения основных, жизненно важных связей, не обращая внимания на то, что он тысячу раз повторяет ошибки и преследует цели, разрушающие его собственное и чужое счастье.

Судьба человека на земле определяется трояким образом. Его тело и душа привязаны к земле-матери, к космическим и теллурическим условиям, развиваются в них и каждый раз с новой силой стремятся к равновесию и приспособлению, живой гармонии с закономерностями природы. Культура и гигиена тела и духа возникают вследствие этого принуждения. Вся красота черпает из него свою притягательную силу.

В понятии «человек» непременно заключено понятие «ближний». Все предварительные условия физического и умственного развития содержатся в общности, создаются и культивируются сообразно его потребностям. Язык, разум, культура, этика, религия, национальность, государственность — все это социальные образования, которые проявляются как депозит общественности. Во всех этих формах жизни отражается бытие на земле, четко и определенно, словно принуждая человека к общности. Судьба людей не может свободно развиваться вне этих условий.

Третий барьер образует двуполость. Однако поиск половых партнеров, вероятно, до человека обусловленный в основном инстинктивно, стремится принять форму, которая была бы избавлена от противоречий

с указанными выше условиями. В гармоничном виде эротика является таким же инстинктом, как и чувство общности. И в исполненном счастья экстазе любящих людей проявляется дающая столько же радости творческая энергия, утверждающая жизнь на земле.

Если рассматривать любовную жизнь человека с этих позиций, то становится очевидным, что она полна закономерностями, которые не возникают случайно и которых нельзя также избежать без больших сомнений. Логика фактов жестока, гораздо более жестока, чем мы, люди. Нам было бы проще не придавать этому значения. И мы не выступаем в защиту самого сурового возмездия, когда указываем на непреклонность повелевающих сил. Наша задача — только предостеречь, смягчить серьезные последствия, показать, что настоящее и будущее в жизни поколений связаны, что их нужно расценивть как последовательность, а не как бессвязные, фатальные события.

Наше современное существование показывает нам, как будет развиваться человечество в будущем. Этот факт настолько довлеет над нашим жизненным процессом, что мы сами не замечаем, как наши любовные отношения развертываются sub specie aeternitatis[1]. Огромное значение, которое мы часто придаем красоте, связано со здоровьем и лучшей адаптацией в будущем. Верность и откровенность, которых мы требуем, взаимное проникновение двух душ, к которому мы стремимся, проистекают из настойчивой потребности обрести более сильное чувство общности. Желание иметь детей также отражает идеал общности, а сами дети означают для нас одновременно гарантию вечности.

Верность и искренность, но прежде всего надежность, основа человеческой общности, указывают, пожалуй, также на будущее человеческой цивилизации и на цели воспитания детей. То, что все эти требования объединяются в ситуации любви и брака, конденсируются и становятся связующими закономерностями, можно разумно понять только из неразрывной связи исторического и органического развития. Равно как и то, что каждое произвольное или ошибочное отклонение сказывается на всей системе жизненных отношений и наносит вред благоприятным тенденциям развития. Патогенные наследственные факторы проявляются независимо от того, понятны они науке или нет.

[1] С позиции вечности (*лат.*). — *Примечание переводчика.*

Инцест предает анафеме чувство общности, ибо, как и браки между близкими родственниками, он ведет к изоляции, а не к содействующему общности смешиванию крови, и вследствие двухстороннего органического отягощения может неблагоприятно повлиять на все наследственные признаки. Смелого, с надеждой устремленного взгляда в будущее, необходимого, чтобы справиться со всеми трудностями построения семьи, спаянности с обществом — обязательное условие того, чтобы, ощущая себя изолированным и слабым, не растратить бесплодно свои силы в тесных рамках семьи, — по всей видимости, недостает тем, кто состоит в браке с родственниками. Наверное, и другие упомянутые выше черты личности задают партнеру, детям нужное направление, тогда как их отсутствие создает настроение недоверия и постоянной неуверенности, семейную атмосферу, в которой развиваются только тенденции к соперничеству и враждебности.

Это всего лишь другая сторона той же самой психической динамики, которую мы ожидаем обнаружить, оценивая по меркам настоящего социального человека. Его непоколебимый принцип на этой бедной, суровой земле — давать! Вся мирская и святая мудрость ведет к такому же выводу. Поэтому в отношении любви и брака можно с полным правом заключить: больше думать о других, чем о себе, жить так, чтобы сделать жизнь других легче и краше! У нас нет здесь возможности исследовать, сколь много — или сколь мало — людей этому соответствуют. Несомненно только, что в нашем обществе гораздо больше тех, кто берет и ждет подачки, чем тех, кто дает. Похоже, что в любви и браке очень часто человечество действует по формуле: раз я тебя люблю, ты должен за мной следовать!

То, что людям по-прежнему недостает чувств общности, выражается также в напряжении между полами. Стремление к личному превосходству произрастает из глубокого, чаще всего неосознанного чувства неполноценности, заставляющего мужчину и женщину демонстрировать, как правило, видимость своей власти. Большинство супругов ведут себя так, словно боятся оказаться более слабыми. Упрямство, своеволие, негативизм и часто также эротическое отвержение, полигамные наклонности и неверность, равно как и нервные заболевания, приходят на помощь себялюбию, чтобы продолжать действовать с позиции силы. Мужчина вследствие давней общей традиции имеет небольшое преимущество,

которое он эгоистично и в ущерб себе стремится закрепить. Кто разделяет нашу точку зрения, для того важнее сама семья. Он рассматривает брак как бытие вдвоем, в котором обе стороны пытаются вместе решить общую задачу, причем без какого-либо самоуправства, а в соответствии со всеми закономерностями, которые присущи их проблеме.

Биологическое и историческое развитие человечества в направлении к моногамному браку, особенно если учесть уникальные возможности исполнения самых разных эротических ожиданий, является достаточным для того, чтобы каждый мог решить эту задачу. Брак следует понимать как творение чувства общности, как общественную форму любовной жизни, как подготовительную школу для детей в их социальном развитии. В стороне от этих путей лежат конвенциональные браки, браки ради выгоды или по расчету, где всегда существует опасность покатиться по наклонной плоскости.

Детям брак родителей должен служить примером, ибо в противном случае вопреки всем знаниям и благим намерениям они часто привносят дурную традицию в свой новый дом. Девушка может быть настолько напугана властолюбием или черствостью отца, что в будущем с подозрением будет выслеживать и превратно истолковывать каждую черту супруга, не оставляя места для проявления теплых чувств. Она может оказаться непригодной к браку или воспитанию детей, поскольку утратила веру в себя. Сыновья строгих матерей становятся вялыми и необщительными. Это объясняется недостаточно осознаваемой до сих пор функцией матери порождать у ребенка чувство безграничного доверия и служить образцом благородной женственности. То же можно сказать и о «маменькиных сынках». Вместо чувства общности они ощущают только материнское тепло — ситуация, которая уместна в жизни исключительно в детском возрасте. Выбор пожилой, напоминающей мать супруги объясняется чаще всего именно этим заблуждением.

Полигамные наклонности, перверсии и пристрастие к чувственным людям и проституткам всякий раз объясняются тенденцией к исключению и обесцениванию подходящего партнера, а также страхом оказаться несостоятельным перед противоположным полом. Насколько при этом страдают смысл и предназначение любви и брака, можно увидеть из того, как часто любовные похождения заканчиваются венерическими болезнями. Каким бы ни было их происхождение, своим распространением

они обязаны только искажениям эротики. Имеется только одно лекарство, только одна защита от этих эпидемий — взаимная любовь.

Связь брака с важнейшими общественными обязанностями позволяет нам понять, что он отнюдь не является исключительно личным делом. Весь народ, все человечество заинтересованы в нем. И каждый, кто заключает брак, получает, даже если он сам того не осознает, мандат общности. К. важнейшим предварительным условиям заключения брака относятся поэтому ремесло и профессия, которыми супруги могут заниматься и которые дают средства к существованию семьи. Профессия также есть общественное требование участия в производстве. Сохранение человечества тоже не является личным делом, и этому должен способствовать брак. Домохозяйка, труд которой в настоящее время несправедливо недооценивается, тоже может создавать настоящие ценности, если она содействует творческому применению способностей мужчины в его работе. Ссылки на экономические трудности с целью отвергнуть брак часто являются предлогом малодушных людей.

Существует широко распространенное суеверие, что брак способен исцелить даже запущенные болезни. Любовь и брак не являются лекарствами. Чаще всего наносится лишь новый вред, а старый не устраняется. Такое же недоразумение царит и в представлении о целебном воздействии беременности. Решение вопросов брака, как и всех остальных жизненно важных вопросов, должно основываться на силе, а не на слабости.

Беда грозит браку также тогда, когда люди женятся, ощущая себя при этом жертвами. Не бывает так, чтобы они не дали это почувствовать другому и не лишили его ощущения счастья. Отсутствие супружеских отношений, пренебрежение, фригидность, неверность часто являются следствием этого. Зачастую цель брака — разделить счастье с другим — разрушается чуть ли не с самого начала. Ибо брак — это не возделанный край, к которому надо только приблизиться, не фатум, которому надо противостоять, а задача настоящего и будущего, творческая работа в быстро протекающем времени, его задача — заложить общественные ценности для еще не существующего будущего. В нем будут находить всегда только то, что когда-то было заложено.

Выше мы перечислили главные условия прочного и долговечного брака. Мы опасаемся, что в толчее повседневности некоторые из этих требований слишком легко могут исчезнуть из памяти. Нам представляется

желательным поискать более краткую формулу, которая заключала бы в себе все задачи брака. Не гласила ли бы тогда эта формула: быть настоящим социальным человеком?

Решение о вступлении в брак должно, пожалуй, целиком проистекать из стремления к общности. Но такое решение и вступление в брак еще не свидетельствуют об этом стремлении. Только в том случае, если брак имеет подобное значение, он способен решить свои задачи в направлении общественной пользы. Таким образом, ему должна предшествовать любовь к ближнему как осмысленная жизненная установка, и тогда брак будет означать следующий шаг в направлении к совершенству.

Как бы ни понимали любовь к ближнему, всегда будут наталкиваться на пароли, максимы и императивы, которые по меньшей мере гласят: быть полезным, больше думать о других, чем о себе, делать жизнь других людей легче и краше. Это также и императивы брака. Таким образом, наш вопрос о «браке как задаче» сводится к вопросу: как стать социальным человеком? О физической пригодности как о само собой разумеющемся мы можем не говорить. То же самое относится и к умственной зрелости. Физическая пригодность и умственная зрелость отсутствуют настолько редко, что их можно и не принимать в расчет. Иначе обстоит дело с душевной зрелостью. В человеческом обществе, несмотря на все старания, с нею возникают проблемы. Индивидуально-психологическое исследование во всех деталях объяснило причины этого. Большинство людей начинают жизнь с фальстарта. Слишком сильное чувство неполноценности вынуждает их к эгоистическим, демонстративным формам выражения, в которых они намерены удовлетворить свое властолюбие. Или они поддаются бездеятельному пессимизму, под давлением которого ведут себя так, словно что-то тормозит их поступки. Высокомерие вследствие чувства слабости или малодушие вследствие честолюбия характеризуют их путь. В лучшем случае они подготовлены к индивидуальной жизни, но никогда по-настоящему не подготовлены к жизни вдвоем или в обществе. Кто оказывается вблизи их, воспринимается лишь как объект. Они неизбежно терпят неудачу в браке, поскольку им недостает чувства общности. Брак же по своим задачам нацелен на исполнение требований общества, профессии и эротики.

Любовные отношения и их нарушения

Чтобы полностью узнать человека, необходимо понять его также в его любовных отношениях... Мы должны сказать о нем, верно или неверно ведет он себя в вопросах любви, мы должны понять, *почему* в одном случае он поступает должным образом, а в другом случае — нет. Таким образом, сама собой добавляется еще одна задача: найти способ подступиться к тому, чтобы предотвратить те или иные неудачи в любовных отношениях. Если вспомнить, что от решения проблемы любви и брака, пожалуй, зависит прежде всего человеческое счастье, то нам сразу станет понятным, что мы имеем перед собой множество наисложнейших вопросов. *Одна* трудность возникает при обсуждении этих вопросов уже *в самом начале* — большинство людей говорят о ней сразу. Все люди разные, и, наверное, два человека в иных условиях могли бы быть более счастливы, если бы, например, каждый из них нашел другого партнера. С этой возможностью можно легко согласиться, но она свидетельствует только о том, что данные люди сделали плохой выбор. Ищем ли мы причину неудачи в вопросах любви в плохом, неправильном выборе или рассматриваем случаи, в которых человек все равно бы потерпел неудачу, потому что он *должен* был потерпеть ее в силу более глубоких причин, — во многих случаях знание человеческой души и ее движущих сил способно уберечь нас от промахов. Вопрос о любовных отношениях является частным вопросом человеческой жизни. Его понимание возможно только в том случае, если мы будем учитывать его связь со всеми остальными жизненными вопросами. Жизнь ставит перед нами три комплекса важнейших задач, от решения которых зависит наше будущее, наше счастье.

Первая жизненная задача — это *общественная* задача в самом широком смысле. Жизнь требует от каждого определенного поведения и развитой способности к контактам с окружающими нас людьми, определенного поведения в семье и формулировки своей социальной позиции. Для судьбы человека небезразлично, какой, например, социальный порядок он выбирает как задающую направление цель, насколько в своих поступках он думает о собственном благе и насколько — о благе других. Нередко при этом его внутренний выбор трудно обнаружить во внешних решениях, часто он вообще не может прийти к решению в вопросе о социальной позиции, и часто его точку зрения следует понимать в ином смысле, нежели в том, который выражается внешне. То же самое относится и к политической позиции. Редко встретишь людей, довольных своей партией, но очень часто — тех, кого, собственно говоря, можно было бы причислить к другой партии. Их отношение к человеческому обществу, их отношение к ближним в самом широком смысле всегда играет огромную роль, но не ту, что им и другим людям кажется.

Следующая жизненная задача, которая ждет нашего решения, — *профессиональный вопрос,* то есть вопрос о том, каким образом человек хочет принести пользу обществу. Решение этого вопроса необычайно резко высвечивает сущность человека. Если мы, например, слышим от юноши, что ему претит любая профессия, то мы не будем пока его считать настоящим социальным человеком: либо потому, что он *еще* не созрел для общества, либо потому, что без наставлений, сам по себе он так и не станет зрелым. К выбору профессии ведут бессознательные связи, которые дают о себе знать у подавляющего большинства людей. Эти связи бессознательны потому, что никто, выбирая профессию, не думает, что он совершает шаг, приносящий благо обществу, что он ищет свое место в общественном распределении труда. Далее, однако, вопрос заключается в том, *как* он выполняет свою работу. Есть люди, которые выбрали профессию, но терпят неудачу или некоторое время спустя понимают, что им, собственно, нужно было что-то другое. Из факта частой смены профессии мы заключаем, что перед нами люди, которые, в сущности, вообще не хотят иметь никакой профессии, которые, возможно, считают себя слишком хорошими или слишком плохими для любой профессии и ведут себя так, словно делают одолжение.

Третий жизненный вопрос, который должен решить любой человек, — это *вопрос любви и брака,* который мы хотим рассмотреть здесь особо. К этому вопросу ребенок готовится постепенно. Все его окружение исполнено отношениями любви и брака. Нельзя не признать, что уже в самые первые годы жизни ребенок пытается занять свою позицию по этому вопросу и выработать свое направление. То, что мы слышим на словах, не является важным, ибо как только заходит речь о вопросах любви, ребенком часто овладевает неимоверная робость. Есть дети, которые совершенно определенно высказываются, что не могут говорить на эту тему. Есть дети, которые очень привязаны к своим родителям, но не могут быть с ними нежными. Один четырехлетний мальчик, когда его хотели поцеловать, отвечал на это ударами по лицу, так как проявление нежных чувств было ему неприятно, вызывало у него тревогу и казалось прямо-таки унизительным. Если окинуть мысленным взором нашу собственную жизнь, нельзя не заметить, что каждое проявление нежности сопровождается своего рода чувством стыда и впечатлением человека, что из-за этого он становится слабее или менее ценным. Это кажется весьма странным и требует объяснения. Мы растем с такой установкой, как будто выражение нежных чувств является чем-то постыдным. Эта установка соответствует общей направленности нашей культуры на мужской идеал. Соответственно, наши дети постоянно воспитываются школой, литературой и окружением в направлении, в котором любовь расценивается как своего рода отсутствие мужественности, и порой это выражается совершенно отчетливо. Некоторые заходят здесь настолько далеко, что о них можно говорить как о людях, *боящихся чувств.*

Первые нежные побуждения у ребенка проявляются уже в самом раннем возрасте. Проследив за их развитием, мы с легкостью можем установить, что все они являются побуждениями *врожденного чувства общности.* То, что чувство общности является врожденным, вытекает из постоянства, с которым оно каждый раз возникает. Степень его развития дает нам возможность увидеть отношение к жизни. В понятии «человек» уже заложено все наше понимание чувства общности, мы не могли бы представить себе человека, который бы его потерял и тем не менее продолжал бы называться человеком. В истории мы также не обнаруживаем изолированно живущих людей. Где бы мы ни встречали людей, мы видим, что они живут в группах, разве что только отдельные

люди были, например, искусственно или по причине безумия изолированы от общества. Говоря о животном мире, Дарвин указывает, что в группах живут те живые существа, которые занимают менее благоприятную позицию по отношению к природе. Витальность, жизненная сила таких животных проявляется в том, что они объединяются в группы, бессознательно следуя принципу самосохранения. Мы можем далее понять, что все отдельно жившие животные, которым в их суровом развитии недоставало чувства общности, должны были погибнуть. Они пали жертвами естественного отбора. Принцип естественного отбора опасен также и для человека, потому что в физическом отношении природа обошлась с ним самым немилосердным образом.

Ситуация неполноценности и недостаточности человеческого рода является источником постоянного стремления и принуждения — стимула к достижению состояния покоя и постоянства. На этом пути мы находимся еще и сейчас, и лучшим утешением для человека является сегодня, пожалуй, сознание того, что наша нынешняя ситуация есть не что иное, как *переходный момент,* кратковременная фаза в человеческом развитии. Разумеется, легче ее пройдет тот, кто находится в согласии с реальными условиями, кто отвечает логике фактов, тогда как безжалостная судьба постигнет, естественно, тех, кто этой логике противоречит. В самом же глубоком смысле ощущение логики совместной человеческой жизни есть не что иное, как *чувство общности.*

Все развитие ребенка требует введения его в ситуацию, в которой имеется чувство общности. Его жизнь и здоровье гарантированы только в том случае, если существуют люди, которые за него заступаются. Новорожденный теленок уже вскоре после появления на свет может, например, различать ядовитые растения. Но новорожденный человек вследствие неполноценности своего организма предоставлен чувству общности взрослых; ребенка нужно долго выхаживать, учить и воспитывать, прежде чем он приобретет способность сам о себе заботиться.

Даже когда мы рассматриваем способности, составляющие нашу гордость и обеспечивающие нам преимущество перед другими живыми существами, как-то: разум, логику, язык, понимание и предпочтение нами всего хорошего и прекрасного, то и в них тоже мы можем увидеть только те преимущества, которые *отдельный* человек никогда не смог бы создать, поскольку их могла породить только коллективная психика.

Поэтому мы удовлетворяем потребности, которые никогда бы не обременяли индивида, если бы не стали жизненными в человеческом обществе. Для *отдельного* человека, который не был бы связан с обществом, сознательная, сознательно отслеживаемая логика не имела бы никакого значения, ему не нужно было бы говорить, ему было бы все равно, добрый он или злой; более того, эти понятия из-за отсутствия связи с человеческим обществом, с ближними, как у живущих порознь животных, утратили бы всякий смысл. Все качества душевной жизни человека, все достижения человеческого духа возможны лишь постольку, поскольку люди связаны между собой.

И об этой взаимосвязи печется не только нужда, не только настоятельные потребности дня, но и наша сексуальная организация. Разделение человечества на два пола отнюдь не приводит к обособлению; оно означает вечное стремление друг к другу. Оно порождает чувство взаимного родства, поскольку в венах каждого течет общая кровь, поскольку плоть каждого есть плоть другого. Брачные законы народов следует понимать только с той точки зрения, что любовь в них расценивается как общие узы группы. Они запрещали браки и половые отношения среди членов одной семьи потому, что это вело бы к изоляции семей. Поэты, религии, священные заветы выступают против инцеста и пытаются его искоренить. Самые образованные люди ломали себе голову над тем, в чем, собственно, причина естественного отстранения членов семьи друг от друга. Оно объясняется развитием в каждом ребенке чувства общности, исключающего все возможности, которые могли бы вести к изоляции человека.

То, что мы называем в собственном смысле *любовью,* отношением между полами, всегда неразрывно связано с чувством общности. Любовь как отношение двух людей и как составная часть чувства общности имеет свои собственные законы. Поскольку она является необходимым компонентом сохранения человеческого общества, ее нельзя понимать в отрыве от него. Кто позитивно относится к обществу, тот, безусловно, позитивно относится и к любви. Кто обладает чувством общности, тот будет выступать за брак или равноценную или превосходящую его форму любви. У того же, у кого чувство общности подавлено, кто не сумел прийти к свободному проявлению своей сущности в рамках человечества, любовные отношения будут иметь обособленный характер.

Оглядываясь назад, мы можем теперь сделать несколько заключений, которые облегчат нам рассмотрение огромной области любовных отношений и несколько рассеют темноту. Мы можем утверждать, что человек, социальное развитие которого пострадало, у которого нет друзей, который не стал подлинным социальным человеком, который называет своим мировоззрение, противоречащее чувству общности, который, наверное, также не смог благополучно решить свой профессиональный вопрос, то есть опять-таки тот, кто полностью или почти полностью потерян для общества, должен испытывать трудности в своих любовных отношениях и даже едва ли будет способен решить эротический вопрос. Такие люди будут выбирать необычные пути, создавать трудности и хвататься за них как за защитную отговорку. Подобные трудности мы хотели бы рассмотреть здесь несколько ближе; при этом мы придем к более глубокому пониманию всей проблемы. Мы сможем утверждать: и в любовных отношениях человека проявляется *вся* его *личность.* С одной стороны, мы можем из его любовных отношений понять его личность, с другой стороны, из понимания всей его личности — догадаться о соответствующих ей особенностях эротических притязаний.

Очень часто в вопросе об эротических отношениях мы встречаем весьма распространенные, однако ошибочные предположения, что любовь одного налагает обязательства на другого.

Если чуть-чуть прислушаться к жизни и при этом немного понаблюдать за собой, то мы сможем убедиться, что очень часто совершаем ошибку, полагая, что любимый человек обязан нам уже тем, что мы его любим. Похоже, что это заблуждение в той или иной степени содержится во всех наших проявлениях. Оно проистекает из детства и из отношений в семье, в которой и в самом деле любовь одного чуть ли не делает должником другого. Мы носим в себе только остаток этого детского представления, желая перенести подобные отношения в жизнь. Возникающие из этого заблуждения группируются вокруг следующего хода мыслей: *«Раз* я тебя люблю, ты должен делать то-то и то-то». Тем самым и отношения между людьми, которые действительно привязаны друг к другу, нередко приобретают гораздо более жесткий уклон, а потребность во власти индивида, который, подчеркивая собственную любовь, хочет втянуть другого в свою схему, в свой шаблон, требует, чтобы поступки, выражения лица, манеры, успехи и т. д. соответствовали его желаниям,

только по той причине, «что он этого человека любит». Это с легкостью может переродиться в тиранию. Ее следы мы находим, пожалуй, во всех любовных отношениях.

Таким образом, мы видим фактор, пронизывающий любовную жизнь людей, который всегда ведет к нарушениям совместной жизни: стремление к власти и личному превосходству. В человеческом обществе необходимо уважать свободу индивидуальности и предоставлять ей право поступать по собственному усмотрению. Кто стремится к личному превосходству, тот препятствует своему присоединению к обществу. Он желает не включения себя в целое, а подчинения других. Тем самым, разумеется, он нарушает гармонию в жизни, в обществе, среди своих близких. Поскольку ни один человек не может долгое время терпеть кабалу другого, то те, кто даже в своих любовных отношениях стремятся к власти над другой стороной, неминуемо будут наталкиваться на серьезные трудности. Если они хотят привнести свою склонность к высокомерию и превосходству в эротические отношения, то они должны либо подыскать партнера, который внешне будет им подчиняться, либо вести борьбу с партнером, который также стремится в эротике к превосходству или победе. В первом случае мы наблюдаем превращение любви в рабство, во втором случае предвидим постоянную, изнуряющую борьбу за власть, которая никогда не ведет к гармонии.

Пути, которые здесь избираются, чрезвычайно разнообразны. Существуют властолюбивые натуры, которые настолько боятся за свое честолюбие, за свою власть, что ищут только такого партнера, в превосходстве над которым они уверены, который, похоже, всегда будет им подчиняться. При этом речь отнюдь не идет лишь о никчемных честолюбцах — в нашей культуре одержимость стремлением к власти является общераспространенной чертой, неизмеримый вред которой для развития всего человечества продемонстрировали исследования индивидуальной психологии. Если бы, например, захотели изучить в этом направлении любовную жизнь Гёте, то с удивлением натолкнулись бы на чрезвычайную неуверенность, которую этот честолюбивый человек проявлял в вопросах любви.

Подобным образом мы можем понять часто встречающиеся в нашей жизни странности, когда в результате своего любовного выбора люди опускаются на гораздо более низкий и не соответствующий их положению

социальный уровень. Например, не так уж редко бывает, что мужчина, занимающийся исключительно высшими вопросами человечества, поражает окружающих тем, что женится, скажем, на поварихе. Нас, подчеркивающих равноценность людей, это не обескураживает, но мы видим здесь своего рода регрессивное поведение и хотим понять его с точки зрения *действующего* человека, исследуя его конечную цель. Нам представляется нормой, что существуют люди, которые в социальном отношении, по своей образованности и подготовленности к жизни наиболее подходят друг к другу. В большинстве случаев женихи, сделавшие не тот выбор, что от них ожидали, — это люди, которые крайне осторожно и с предубеждением относятся к проблеме любви, испытывают страх перед половым партнером и поэтому ищут партнера, обладающего, как им кажется, меньшей силой и энергией. Вполне возможно, что кто-то отклоняется от существующих норм из чувства *силы.* Однако чаще всего мы видим, что это происходит из слабости.

Тем самым такой выбор представляется иным осторожным натурам чрезвычайно удачным приемом, хотя они и не понимают своей конечной цели — скрыть любовью и эротикой свои более глубокие мотивы — и убеждены, что это всего лишь проделки Амура. Однако подобные отношения, развиваются, как правило, неудачно. Выясняется, что этот способ уклонения от конкуренции полов имеет многочисленные изъяны. Изъяны возникают, например, не из-за того, что интеллектуально более развитый или занимающий более высокое социальное положение человек разочаровывается, и не из-за того, что появляются проблемы общественного характера, когда «более простой» партнер не отвечает определенным требованиям и тем самым привносит сложности в семейную и общественную жизнь. Эти и другие внешние факторы можно было бы устранить и преодолеть, если бы только удалось осуществить конечную цель «вышестоящего» партнера. Однако странный факт: стоящий на более низкой ступени партнер не может долго *терпеть,* видя, как злоупотребляют его слабостью. Даже если он не понимает, в чем тут дело, его все же не покидает *чувство,* что его недостатки использовались в корыстных целях. Из-за этого чувства он начинает, так сказать, мстить; он постарается доказать, что не хуже другого.

Случаев подобного рода множество. Нередко молодая, утонченная, духовно богатая девушка отдается в руки ничтожного, часто даже

порочного человека с возможной идеей спасти его, кого, как ей кажется, она любит, вырвать его из когтей алкоголизма, игорной страсти, апатии. Еще никогда не удавалось спасти таких людей любовью — подобная затея почти всегда обречена на провал. «Нижестоящий» человек в любом случае чувствует недовольство тем, что его считают ниже себя. Он не позволяет себя любить и спасать, поскольку движущие силы его жизненной позиции совершенно иные и обычному разуму, «common sense», непонятны. Возможно, он давно уже отказался от надежды, что из него еще может что-нибудь выйти, и видит в каждой ситуации, *предъявляющей ему требования* как социальному человеку, новую опасность, в которой может отчетливо проявиться его предполагаемая неполноценность.

Нам известно также большое число людей, которые имеют необъяснимую при другом способе рассмотрения склонность исключительно к любовным партнерам с физическими недостатками. Существуют юные девушки, которые увлекаются только пожилыми мужчинами, и точно так же встречаются обратные варианты. Эти факты справедливо обращают на себя внимание и требуют нашего объяснения. Если в таком случае мы рассмотрим отдельных людей, то, наверное, обнаружим иногда обоснованное, естественное объяснение, однако подобная склонность всегда также соответствует стилю жизни этих людей — идти *по линии наименьшего сопротивления.*

Далее, мы встречаем людей, которые проявляют любовную склонность только к таким партнерам, которые уже несвободны. Этот странный факт может говорить о самых разных намерениях. При определенных обстоятельствах он может означать «нет» в ответ на требования любви, стремление к невозможному, иногда неисполнимый идеал. Но он может также говорить о такой черте, как «желание отнимать», привносимой некоторыми людьми в эротику и обусловленной их стилем жизни в целом. Сначала мы хотели бы рассмотреть то бесчисленное множество случаев, когда ухажеры хотят уклониться от эротической задачи жизни и пытаются сделать это подобным, в наше время не столь уж и необычным, способом.

Есть люди, которые увлекались созданным в их воображении образом. Эта позиция отчетливо выражает конечную цель: они вообще ничего не хотят знать о любви и браке и живут такими мечтаниями, которые, по всей вероятности, никогда не смогут осуществиться. То же самое относится к подавляющему большинству случаев *несчастной*

любви. Чаще всего она является средством реализовать то, что изначально было жизненной целью: создав видимость правоты, отстраниться от жизни, от мира. В этих случаях несчастная любовь может быть не такой уж несчастной с точки зрения осуществления этой цели. Она находит тех людей, которые уже изначально были готовы пуститься наутек, столкнувшись с вопросами жизни и прежде всего любви. Благодаря этому трюку, этой уловке такая готовность к бегству получает иногда желанное усиление. Подобная уловка не всегда берется из воздуха — она прикрепляется к каким-либо действительным жизненным отношениям и уже не выглядит уловкой, а становится похожей на естественный результат опыта. Очень многие люди еще не стали полностью зрелыми для общества, они видят в отношениях любви и брака опасную зону и выражают свои незрелые представления разнообразными, но зачастую внешне непонятными способами. Если послушать, что они говорят на эту постоянно угнетающую их тему, то можно услышать общие фразы, которые в определенной связи, пожалуй, могут быть верными и не кажутся легкомысленными. Если, например, в целом нерешительный человек полагает, что он не женится потому, «что жизнь сейчас так трудна», то каждое его слово, пожалуй, является верным для тех, кто женат, но вместе с тем и для тех, кто не женат. Однако подобные истины высказываются только теми, кто сказал бы «нет» и без этих истин; разве что они подхватили бы тогда другие «истины». Было бы недипломатично обосновывать предвзятое намерение плохими доводами, если повсюду можно найти хорошие. Кто имел возможность убедиться в ужасающей распространенности типа людей, которые пускаются наутек, оказавшись перед решением жизненно важных вопросов, не будет удивляться облачению этой черты в эротику. Для бегства особенно годится не раз уже испытанная уловка. Создается новая идея, особый идеал. По этому идеалу оцениваются теперь все люди, которые встречаются на жизненном пути. В результате оказывается, что *никто* не подходит. Все не соответствуют идеалу, и если мы их отвергаем и исключаем, то наше поведение выглядит лишь благоразумным и вполне обоснованным. И только если мы выхватываем и рассматриваем отдельный случай, то понимаем, что столь благоразумно выбирающие люди даже без своего идеала заранее были готовы сказать «нет». В идеале воплощаются открытость, правдолюбие, мужество и т. д. Они представляют собой понятия, которые мы можем

по своему усмотрению расширять и растягивать до тех пор, пока они не превысят всякую человеческую меру. Поэтому мы можем желать чего-то, что мы уже заранее «сделали» недостижимым.

Эта уловка — не любить никого, потому что любишь что-то недостижимое — находит различные возможности *конкретизации.* Мы можем любить человека, который появился однажды на короткое время, произвел впечатление, исчез и теперь найти его уже невозможно. Потребовалось бы обойти весь мир, чтобы его найти. В первый момент мы оказываемся растроганными, услышав о такой искренней и верной любви. Однако условие, которое выдвигается здесь для осуществления любви на земле, а именно: обойти весь мир, чтобы его найти,— является сверхчеловеческим и подтверждает наши уже пробудившиеся подозрения.

Мы можем также и сами «сделать» человека недостижимым. Часто у поклонника уже с самого начала его ухаживаний создается впечатление, что у него здесь нет никаких шансов. Это обстоятельство тотчас становится исходным пунктом последующих действий. Он думает, что не сможет жить без любимого человека, ухаживает за ним, хотя всякому объективному наблюдателю кажется невероятным, что тот когда-нибудь обретет взаимную любовь. Да и он сам об этом говорит. Часто можно также наблюдать, что такие ухаживания принимают форму, которая уже сама по себе способна вызвать протест другого, поскольку они, например, являются слишком настойчивыми или происходят в то время, когда нет и не может быть каких-либо гарантий совместной жизни.

Целью подобных ухаживаний *является несчастная любовь.* Прямо-таки поразительно, как много людей в своих ухаживаниях держат курс на цель несчастной любви. Но если взглянуть со стороны, то следовало бы подумать, что такое поведение отнюдь не в природе человека. Тем не менее по этим людям совершенно не видно, что здесь мы имеем перед собой сплошь «беглецов». В таких случаях индивидуально-психологическое исследование делает очевидным, что несчастная любовь для такого рода людей означает прекрасное убежище. Ибо если человек пять или десять лет носится со своей несчастной любовью, то, собственно, на протяжении всего этого времени он оказывается защищенным от необходимости решать этот вопрос. Он много страдал, заплатив за осуществление своего намерения, но своей цели, которая для него самого оставалась бессознательной, которую он сам не понимал,

а именно — отстраниться от решения вопросов любви и брака, он достиг полностью — с чистой совестью и имея оправдания. То, что эта цель и это его решение, которое, собственно говоря, решением не является, не уживаются с реалиями и логикой совместной человеческой жизни, является, по существу, его трагедией, и только благодаря такому глубочайшему пониманию здесь можно вмешаться и что-то поправить.

Любовная склонность к людям, уже сделавшим свой эротический выбор, не всегда означает «нет»для своего чувства. История выдающихся людей может показать нам, что в нашей такой сложной культуре люди растут с ярко выраженным желанием отнимать, захватывать. Следствием стремления к замужним женщинам всегда являются действия, направленные на то, чтобы завладеть объектом любви, даже если внешне эти действия часто сохраняют самую благородную форму. Одним из этих типов, по всей видимости, является Рихард Вагнер, во многих художественных творениях которого существует конфликт: герой домогается женщины, которая уже принадлежит другому. Да и жизнь Рихарда Вагнера демонстрирует подобную линию поведения.

В целом чувство неуверенности определяет многие формы эротики. Существуют молодые мужчины, которые испытывают симпатию только к старшим женщинам, ошибочно предполагая, что здесь трудности совместной жизни будут менее значительными. Они также выдают свое чувство слабости известной потребностью в материнской опеке; чаще всего они относятся к изнеженным людям, испытывающим сильную потребность в опоре, о которых говорят, что им «все еще нужна нянька». Они дополняют тот тип, который по отношению к противоположному полу никогда не может иметь достаточной уверенности и, сталкиваясь с ним, впадает в величайшее беспокойство. В нашей культуре существует огромное число таких неуверенных людей; они отмечены серьезным изъяном современной фазы развития: *страхом любви и брака.* Это не исключение, а общая черта времени. Современное общество кишит беглецами. Вследствие какой-то неудачной и ошибочной позиции они словно постоянно находятся в бегах, всегда ведут себя так, как будто за ними гонятся. Существуют мужчины, которые изолируются и скрываются, существуют девушки, которые не осмеливаются даже выйти на улицу, убежденные, что все мужчины их домогаются и что они всегда будут

лишь объектом нападения. Здесь свою роль играет в чистом виде тщеславие, зачастую способное полностью испортить жизнь человека.

Опыту и знаниям можно найти хорошее или плохое применение. Среди плохих применений мы встречаем гипертрофированное исправление ошибки, которое само есть ошибка. Противоположностью сдержанности и замкнутости является открытость, и, таким образом, мы встречаем людей, которые открыто совершают ошибки. Существуют люди, которые всегда демонстрируют склонность *навязываться* другим. Как бы ни было прекрасно открыто заявлять о своей любви, тем не менее мы также глубоко убеждены, что в нашей далеко непростой культуре человек совершает таким образом серьезную ошибку. Собственно говоря, нет ни одного человека, который бы спокойно относился к таким признаниям, и тогда поступивший опрометчиво человек не только сам вынужден терпеть муки раскаяния и нести бремя возникающих проблем, но и мешает партнеру в естественном развитии его любовных побуждений, ибо при повсеместно распространенных злоупотреблениях, которые творятся с любовью, при существующем напряжении и борьбе полов никогда в точности неизвестно, было ли признание настоящим и искренним и не скрываются ли за ним какие-нибудь дурные намерения. Здесь нет никаких твердых законов. Наша задача — учитывать особенности партнера и придерживаться реалий культуры. Сегодня, скорее, было бы лучше несколько обуздать свои склонности.

Особую роль играет любовь, как счастливая так и, еще в большей степени, несчастная, у *художников.* Мы можем, пожалуй, сказать, что несчастная любовь представляет собой настолько общее явление времени, что едва ли найдется хоть один человек, который не пострадал бы от нее. Однако среди людей, которые с особой чувствительностью относятся к жизни, особенно видную роль играют художники. Они будут обращать на себя внимание уже тем, что в своем искусстве стремятся найти жизнь «рядом с жизнью», не занимаются реальностью, а ищут замену миру, едва ли не отворачиваются от действительности, но, правда, только тогда становятся истинными художниками, когда создают такие творения, которые будут полезны реальному миру. Любое художественное произведение становится таковым лишь благодаря тому, что оно обладает всеобщей ценностью, благодаря тому, что художник в своем творении находит обратный путь к общности и действительности.

В уклонении от реальной жизни заключена тенденция воспринимать институт любви и брака, делающий акцент на реальности жизни, как враждебный и мешающий. Мы встречаем многих художников, понимающих узы жизни буквально как оковы, как препятствия и даже безмерно развивающих это представление в своей фантазии. Они едва ли могут преодолеть воспринимаемые как чрезмерные эти препятствия, оказываются в своих любовных отношениях перед неразрешимой задачей и демонстрируют при этом не только движения любящего человека, но — вместе с тем и в еще гораздо большей степени — движения человека, обращающегося перед любовью в бегство. Это выражается в мыслях и произведениях, которые отражают человеческие проблемы в гиперболизированной форме. Партнер противоположного пола так или иначе воспринимается как более сильный, и вскоре сфера любви приобретает характер опасности. Эту мысль, выраженную чуть ли не буквально, можно встретить в сочинениях поэтов и писателей. Все проблематичные натуры имеют одинаковую черту, поскольку все они чрезвычайно честолюбивы и чувствительны и воспринимают любой ущерб полноте своей власти как тяжелое оскорбление или опасность. Так, поэт Бодлер говорит: «Я не могу думать о красивой женщине, не ощущая при этом огромной опасности».

Человек, вступивший однажды в предполагаемую «опасную зону», демонстрирует нам последовательность защитных и оборонительных действий. Хеббель в письме, которое он, будучи юношей, посылает своему другу, описывает свои ощущения примерно следующим образом: «Конечно, я опять здесь живу напротив самой красивой девушки в городе и по уши в нее влюблен; но, надо надеяться, и здесь тоже рядом с ядом вскоре найдется противоядие... И если сегодня я еще раз увижу, как к ней через окно поднимается ее возлюбленный, то с моим чувством к ней будет покончено». Таков выход человека, от которого, собственно, следовало бы ожидать других действий.

Угроза, исходящая от женщины, является постоянным лейтмотивом в искусстве. Посмотрите на картины художника Ропса, где женщина изображается как опасность, как нечто внушающее страх или по меньшей мере как огромная власть. Искусство сегодня — это главным образом мужское искусство, оно несет в себе мужскую традицию, выражает преимущественно мужские проблемы и возвышает женщину до того

магического или внушающего страх образа, каким она предстает в глазах многих мужчин. Женщины не могут идти вровень с этим мужским идеалом времени и сталкиваются, занимаясь искусством, с проблемами, но не потому, что они неспособны, а потому, что не могут быть подчинены гипертрофированному мужскому идеалу. Предисловие к «Тысяче и одной ночи» показывает нам, с каким страхом автор отмечает хитрость и лукавство женщины, которая благодаря невероятной по сравнению с мужчиной изобретательности спасает свою жизнь. Самые древние произведения искусства, например Библия, которая даже в детские годы увлекает читателей своим особым настроением, пронизана постоянными мыслями о том, что женщина представляет собой опасность, из-за чего ребенок растет робким, нерешительным, неуравновешенным по отношению к женщине. Одно из величайших художественных произведений, «Илиада», с большой точностью изображает несчастье, которое принесла женщина. Во всех поэтических произведениях, во всех произведениях искусства звучит проблема времени: женщина как опасность. Грильпарцер говорит о себе: «От любви я спасался искусством».

Мы не в состоянии сразу предсказать, как отразится на человеке его склонность к несчастной любви. Вся его жизненная позиция, его линия жизни являются здесь крайне важными. Если перед нами человек, который при возникающих трудностях теряет мужество и перестает быть активным, то тогда и фиаско в любви может означать для него фиаско в жизни. В самой по себе несчастной любви эти последствия *не* содержатся. Тот, кого в соответствии с его жизненным планом трудности только подзадоривают, соберется с силами после несчастной любви и добьется больших успехов. Несчастная любовь не является ни трагедией, ни лекарством, следствием ее может быть и то и другое в зависимости от того, кем делается вывод — мужественным человеком или сокрушенным. Вульгарная психология часто указывает на большие достижения в результате несчастной любви. Иногда она рекомендует ее как лекарство. Мы знаем людей, которые многого добились и без несчастной любви. Истинное ядро этой полуправды состоит в том, что художники необычайно захвачены и увлечены проблемой любви.

Особенно поучительной в этом отношении является жизнь Гёте. Он всегда видел в женщине опасность, всегда избегал ее и любви. Лейтмотивом «Фауста» является вечный поиск решения проблемы любви.

Неудовлетворенный фактами жизни, он собственными силами, порывами и стремлениями строил свой мир и совершал перед нашими глазами волшебное превращение всего общечеловеческого. Величие его искусства состоит в том, что все, о чем он писал, находит в нас отклик, когда мы слышим вечно новую песню о напряженных отношениях между полами, в которых люди, заблуждаясь, боятся, что самоотдача равносильна потере личности, подчинению или рабству.

Упомянем здесь еще Шляйермахера, который в своей удивительной статье стремится показать, что любовь — совсем не простое дело и глупо считать, что человек, вступая в жизнь, уже что-то понимает в любви. Каждый, по сути, должен пройти определенную предварительную тренировку, более простую подготовительную школу. Также и этот чистейшей воды идеалист, уважаемый самыми религиозными людьми, не может игнорировать убеждения, что людям в любви не так уж легко найти друг друга.

Во время моих лекций по психологии, которые постоянно посещают примерно пятьсот человек, мне в основном задают вопросы о любви, и это свидетельствует о том, насколько труднее людям разобраться в этом вопросе, чем, например, в вопросах профессии.

Почему существует так мало счастливых любовных отношений? Мы все еще не являемся настоящими людьми, мы по-прежнему не зрелы в любви, потому что пока еще отстаем в социальности. Мы защищаемся всеми средствами, поскольку слишком боимся. Подумать только, на какие трудности наталкивается идея о совместном воспитании полов, которое нацелено только на то, чтобы оба пола заблаговременно утратили свою робость и страх и уже с юности имели возможность лучше познакомиться друг с другом.

Для проблем в любовных отношениях не существует лекарства в форме четкой инструкции. Повседневный опыт индивидуальной психологии снова и снова показывает, что обособление эротики человека является особенностью всей его личности, которую необходимо понимать в каждом отдельном случае. Мы должны понять связь всех проявлений человека, изменить его личность и его отношение к миру, чтобы изменить ложный путь его эротики. Линия поведения человека обязательно проявится и в любви. Она заставит его либо стремиться к несчастной любви и на ней застревать, либо позволит ему относиться к ней проще и приведет к подъему. Если это люди, которые, преисполнившись честолюбием,

не способны выносить любого рода отказ, то из этой понятной в общем контексте ошибки покажется естественным самоубийство, и в нашем требующем подчинения обществе появится повод к крайне трагической ситуации, в которой уход из жизни связывается с местью обществу и отдельным людям.

Любовь культивируется, а отношения любви становятся прекраснее и утонченнее с культивацией и развитием охватывающего всех людей чувства общности. Отношения любви формируются не вдруг, а свидетельствуют о длительной подготовке. Эротическая связь всегда существует между людьми, однако чтобы она воспринималась и проявлялась как любовь, необходимы определенные условия. *Начало любовных побуждений* восходит к тем далеким дням, когда эти импульсы еще не являлись эротикой, еще не были сексуально окрашены, но когда широкий еще поток чувства общности выливался в формах нежности и привязанности и когда были очевидны только те общечеловеческие отношения, которые (подобно отношениям между матерью и ребенком) сразу связывают людей друг с другом, не образуя тех уз, которые служат вечности и прочности человечества — уз, которые мы называем *любовью.* Она является узами и одновременно делает человечество вечным. Эти отношения нельзя формировать по своему усмотрению, скорее следует допускать их воздействие. Знание об этом еще недостаточно, ибо человек способен обманываться относительно процессов, протекающих в собственной душе. Оба пола слишком легко попадают в вихрь *политики престижа* и играют роль, до которой не доросли и которая нарушает простоту и непринужденность их жизни и наполняет их предрассудками, из-за которых исчезает всякий след подлинной радости и всякое ощущение счастья.

Тот, кто усвоил эти идеи, хотя, разумеется, и не будет безгрешен, но по крайней мере сознательно останется на верном пути и вместо того, чтобы множить ошибки, сможет постоянно их уменьшать.

Трудновоспитуемые дети

Когда сталкиваешься с дефектом у ребенка, то здесь надо остановиться и подумать, на чем этот дефект основан. В чем его главная причина? Нет ли каких-нибудь других причин? Нет ли каких-нибудь заманчивых моментов, из-за которых дети оставили полезную сторону жизни и перешли на бесполезную сторону? И после того как мы четко установили причины, мы переходим к тому, чтобы их устранить. Но такую задачу можно решить только в том случае, если у нас хорошие отношения с ребенком, если мы настолько расположили его к себе, что он открывается нам, вверяет нам свою душу и мы можем понять в нем самое сокровенное. Только тогда мы можем плодотворно действовать.

На мой взгляд, совершенно исключено, чтобы кто-нибудь сумел достичь того же, вступив в борьбу с ребенком. В затруднительном положении ребенок всегда будет совершать промахи. Нужно отказаться от использования закрытой системы наказаний и отвергнуть тезис, что ребенка, который обманывает и ворует, сразу нужно наказывать. Родители, имеющие трудного ребенка, часто говорят: «Мы пытались быть добрыми, но это не помогло. Мы пытались быть строгими, но и это не помогло. Что же нам делать?» Не надо думать, что я считаю доброту всеисцеляющим средством; но она необходима, чтобы настроить ребенка на то, чего мы от него ждем и что сводится к изменению всей его личности. Ибо ошибки ребенка, которые проявляются вначале и которые должны служить отправной точкой, — это всего лишь поверхность. Наказывая ребенка за ложь, ничего не добьешься — наказание сделает его лишь более осторожным; просто ему нужно быть теперь более осмотрительным и нелюдимым, еще более скрытным и, быть может, добиваться своего в другом месте с помощью хитрости и прочих непригодных мер.

Таким образом, я бы хотел приступить к разговору о детской душевной жизни.

Уже в первые дни жизни ребенка мы можем наблюдать проявления чувства нежности. Ребенок начинает интересоваться своим окружением, и здесь, разумеется, мать является первым человеком, на которого обращается этот интерес. Это очень важный процесс, ибо он означает, что ребенок пробуждается от своей изоляции и формирует свой мир, в котором определенные роли играют и другие люди, что он устанавливает и учится устанавливать контакты с ними. Функция матери не ограничивается одним лишь введением ребенка в мир; столь же важная ее задача состоит в том, чтобы стать ребенку близким человеком, на которого он может положиться и которому он может доверять, который оказывает ребенку помощь и поддержку. Таким образом, благодаря этой связи с матерью ребенок приходит к истокам своего чувства общности; он больше не остается наедине со своими потребностями, а вступает в связь, в новый круг отношений, который вначале включает в себя ребенка и мать.

Теперь мы уже можем видеть, где закладывается будущее развитие и возникают первые промахи. Первое единство может быть лишь подготовкой ко многим более крупным единствам семьи и внешнего мира. Это — начало общественного человека.

Человек не живет сам по себе, обособленно, а благодаря функции матери должен найти переход, чтобы оказаться связанным с человеческим обществом и ощущать себя его частью. После этого теперь должны развиться и установиться формы его жизни. Этот переход может оказаться неудачным, если у ребенка нет матери, если он, возможно, оказался передан людям, не выполняющим функцию матери, как, например, в случае детей при столовой, которых не любят и перекидывают с рук на руки; к ним никто не проявляет тепла, и в силу необходимости они пытаются найти форму жизни, в которой предоставлены самим себе, поскольку всегда считают, что другие к ним враждебно настроены. Мы можем уже догадаться, какими будут отдельные черты такого ребенка. Постоянно избитый, постоянно преследуемый, постоянно испытывающий жестокое обращение, такой ребенок будет расти словно в стране врага. И хотя я рассматриваю лишь этот крайний случай, мы очень часто можем сказать про большую группу детей и взрослых, выросших в этих условиях, что у них переход к чувству общности не удался.

Это означает чрезвычайно многое, ибо такой ребенок всегда находится в изоляции, не сближается с другими людьми, не вступает с ними в контакт, и он будет страдать от недостаточности всех тех функций, которые служат предпосылкой развитого чувства общности. Быть может, это неважные вещи? Это самые важные вещи, которые вообще могут быть у ребенка. Не только потому, что он ни с кем не будет поддерживать дружбы; все добродетели, как-то: верность, самоотверженность и готовность прийти на помощь, снисходительность к промахам других — у него будут отсутствовать. Все, кто занимаются детьми, могут рассказать здесь про огромное число детей, выросших на «плохой» почве. Они хорошо знают таких детей, которые беспощадны к своим товарищам, родителям и учителям, которые никогда не могут договориться с другими, которые постоянно пререкаются и грубо себя ведут. И если посмотреть ближе, то обнаруживается недостаток матери, которая либо отсутствовала, либо по каким-то причинам не выполняла свои естественные обязанности.

При этом мы не можем винить во всем одну только мать; возможно, из-за работы, из-за неудачно сложившейся жизни она была не в состоянии сделать больше, и ребенок лишился матери. Мать полностью разрушила основы воспитания. Проще всего добиться в мире ребенка ненависти, если его наказывать. Но где же та мера, когда ребенок перестает осуществлять эту связь с матерью? Мы знаем множество людей, не только детей, но и взрослых, жизнь которых оказалась испорчена именно из-за того, что не была достигнута связь с матерью и с обществом. Для нас не является контрдоводом, что мать любит своего ребенка, но неправильно себя ведет. Ее тоже не в чем упрекнуть, ничего другого она не знала. Так и появляются эти одинокие дети, которые занимают воинственную позицию, являются некомпанейскими людьми, не могут объединиться для совместной работы с другими; в благоприятных условиях иногда они могут жить сами по себе, но будут терпеть неудачи из-за того холода, который исходит от них. Возможно, не каждый это понимает, но каждый чувствует. Таким образом, дети оказываются очень плохо подготовленными к последующим важным функциям.

Например, развитие речи у человека предполагает контакт между людьми. Речь возникла из этого тесного контакта; более того, она является новыми узами, связывающими индивида с другими людьми. Мы постоянно будем обнаруживать нарушение развития речи, если у ребенка нет

такой связи. Здесь часто встречаем детей с замедленным развитием речи, детей, страдающих заиканием, в отношении которых мы всегда можем установить, что их матери не были бессердечными, но которым не удался контакт с другими людьми. Я видел довольно много детей, зажатых из-за своего заикания; подобные явления мы не сможем устранить, прежде чем не будут раскрыты причины. Мы должны укрепить контакты этих детей; но для этого необходимо «развернуть» весь жизненный путь ребенка, что удастся не тому, кто действует с помощью силы, а только тому, кто останавливается и размышляет и кто умеет увлечь ребенка своими планами. Я видел девятилетнего ребенка, который в раннем возрасте был разлучен с матерью и воспитывался крестьянкой, которая совершенно его не понимала. Когда он должен был пойти в школу, оказалось, что его речь была совершенно не развита. Он враждебно относился к людям и не умел вступать с ними в контакт с помощью речи. У него не было друзей, он ни к кому не проявлял симпатии; поэтому не оставалось ничего другого, как вырвать ребенка из его прежнего окружения и ввести его в общество, чтобы там установить его контакты с другими людьми.

Но не только речи грозит такое губительное развитие. Это относится также к развитию разума как функции, предполагающей общеупотребительность. Если я думаю или мне кажется, что я думаю верно, то я должен предполагать, что и другие благоразумные люди думают точно так же. Но как мне это проверить, если у меня нет контакта с людьми? Я не могу этого сделать, если отношусь к другим людям враждебно, как и они ко мне. Поэтому умственное развитие таких детей оказывается ниже нормы.

Для человека, который живет в одиночестве, мораль является самой ненужной вещью в мире. Одинокий человек не нуждается в морали. Это явление чувства общности, функция общества, форма жизни людей, которые друг с другом взаимосвязаны. Если мы обнаруживаем отсутствие морали у ребенка, то можем быть уверены, что связь с другими людьми нарушена. До тех пор пока она не налажена, воспитать ребенка моральным невозможно.

То же самое относится и ко всем эстетическим чувствам и т. п., словом, ко всему, что отличает человека, что связано с развитием его чувства общности.

Рассмотрим в высшей степени удивительное, но вместе с тем трагическое развитие такого ребенка, который чувствует себя словно в стране врага. Он ждет от будущего самого худшего, он задавлен ситуацией, в которой оказался. Он ощущает себя всегда самым слабым и самым маленьким и никогда не чувствует, что его любят. В результате он очень низко себя оценивает. Он будет испытывать тяжелое чувство неполноценности. Бросается в глаза, что он не включен в круг людей, иногда обнаруживает явные признаки боязливости; любой педагог легко может убедиться в том, что такой ребенок запущен и труслив. Трусости не противоречит то, что он лазит по деревьям. Это не смелость. Смелость возможна только на полезной стороне жизни.

Когда вы впервые приступаете к анализу ребенка, набросайте совершенно несложную схему, а именно проведите вертикальную линию, а затем скажите себе: с левой стороны расположены полезные поступки ребенка, а с правой стороны — бесполезные. На этой правой стороне нет мужества и нет добродетели, даже если внешне они таковыми и выглядят. Мы не можем рассматривать сплоченность детей, их рыцарское поведение в беспризорных бандах как нечто полезное, вся их позиция относится как раз к области бесполезного.

Если теперь такие дети выходят из семьи и, например, поступают в школу, которая охватывает сегодня всех без исключения детей и задача которой — выявить и исправить эти ошибки, посмотрим, как ведут себя дети. Они проявляют враждебность, тревожность, вечно боятся, что с ними несправедливо поступят, постоянно стремятся оставить школу и, по возможности, найти место, где будут считать себя до некоторой степени защищенными, все время стремятся прекратить контакты с другими. Это плохой материал для школы из-за недостаточной подготовки к ней, поскольку она требует от детей развитого чувства общности и надежной веры в себя. Подобной веры в собственные силы и свое будущее нет у такого ребенка, что, разумеется, сразу бросается в глаза и, кроме того, мешает его успехам. С первых же дней его причисляют к худшим. Ему начинают ставить плохие оценки, и тем самым он получает подтверждение, что в школе он остался таким же, каким был до сих пор. Он укрепляется в своем убеждении, что жизнь — это юдоль печали, что многих неприятностей можно избежать только хитростью, изворотливостью и т. д. и что лучше всего было бы уйти из школы. Соответствующим является и все его поведение.

Ранее я уже говорил, что очень часто их способности и развитие оказываются существенно пострадавшими, но не по их вине. Они не научились соблюдать порядок, они не научились концентрироваться; теперь вдруг от них этого требуют, а если они не могут этого сделать, то следует наказание. Это похоже на то, как если бы из мелодии выхватили ноту или такт, и по ней судили о данной пьесе. Этот такт имеет свое значение лишь в общем контексте. Только в том случае, если мне стала известна мелодия ребенка, я могу понять, откуда ошибка. Необходимо действовать этим основательным способом, а не думать, что ребенка, взрослого, народ в целом можно воспитать, возложив на него то или иное бремя. Все имеет более глубокие причины и взаимосвязано с развитием ребенка.

В самых крайних случаях дальнейшая жизнь этих детей складывается, разумеется, чрезвычайно неблагоприятно. Их воспринимают в школе как инородное тело. Они переживают все то же самое, что переживали до сих пор. Мир, как им кажется, не имеет других форм выражения, кроме враждебности и плохого отношения к ним. Если затем кто-нибудь из лучших побуждений наказывает такого ребенка, то как раз этого, собственно, он и ожидал, и его представление о мире в очередной раз подтверждается.

Я не буду прослеживать жизненный путь этих детей до конца, нас интересует только тот пункт, где они потеряли веру в будущее, надежду хоть чего-то добиться в школе. Это и есть тот момент, где они становятся запущенными, поскольку невозможно, чтобы человек постоянно считал себя ни на что не годным, бесполезным; он должен найти какой-нибудь выход. Поэтому мы видим, что дети «отклонились» в сторону бесполезного, и расцениваем их как запущенных. Процесс всегда один и тот же. Это очевидно. Я ни разу не видел запущенного ребенка школьного возраста, который бы окончательно не оставил надежды на успехи в школе. Что для нас из этого следует? То, что мы должны организовать школу так, чтобы ребенок не терял веру в себя. В конце концов эти дети выходят из школы с плохими отметками, опороченные, раскритикованные, наказанные, с растущим недоверием в собственные силы, а теперь они должны приносить пользу, своим трудом доказать, что могут быть полезны обществу. Эти дети уже утратили веру, что они могут чего-то добиться. Если проверить, на что они, собственно, годны, то обнаружится, что они менее опытны и решительны, чем другие. Они сами не знают, кем хотят быть,

и если что-нибудь говорят, то это оказывается пустыми словами. Эти дети не выдерживают экзамена на профессиональную пригодность. Они нигде не могут устроиться, они полностью утратили веру в себя и настолько плохо подготовлены к любому экзамену, что у них постепенно зарождается мысль и пробуждается стремление тем или иным способом доказать другим, что они не являются последним ничтожеством.

Их стыдят, снова и снова вбивают в голову: «Ты кончишь на скамье преступников, ты ни на что не годен, ты есть ничто и ничего не можешь!» — и все это попадает на плодотворную почву. Ребенок и сам не думает, что он собой что-нибудь представляет и что-нибудь может. Это всегда и со всех сторон подкрепляется. Чтобы все же суметь прожить свою жизнь, чтобы избежать этого чувства пристыженности и униженности, теперь начинается их уход в сферу бесполезного. Они стараются избегать школы как злейшего врага. При всякой возможности они не ходят в школу, и дело доходит даже до того, что подделываются оправдательные документы и табели, о чем не всегда узнают родители и учителя. Когда родители и учителя говорят: «Меня не проведешь!», — ребенок уже знает: как бы часто ты ни докапывался, в чем тут дело, мне нужно лишь быть хитрее! Вместо того чтобы идти в школу, он отыскивает уединенные места. Здесь он находит других, которые уже до него прошли этот путь и проверили, что нужно делать, которые уже знают, как отличиться в сфере бесполезного, как поднять веру в себя и доказать, что ты — настоящий парень. Часто бывает так, что младших подбивают на дурные поступки, вожаки остаются в тени и подставляют новичков, которым затем приходится иметь дело с полицией. Там они снова приходят к мысли, что нужно быть еще более хитрыми. Поскольку путь на полезную сторону, похоже, для них закрыт, они остаются на бесполезной стороне. А вся беда случилась потому, что они не чувствовали себя своими среди других людей.

Лечение этих детей может состоять только в том, чтобы они снова ощутили контакт с людьми. Тот, кому хотя бы однажды удалось это сделать, знает, как воодушевляется такой ребенок, когда он испытывает новое переживание, когда он сталкивается с человеком, который к нему нормально относится, с тем, кто не жалеет своих сил и постоянно пытается помочь ребенку найти свое место и установить настоящий контакт. Нередко такому контакту могут мешать побочные обстоятельства, например, если ребенок недостаточно общается с другими детьми и редко

бывает в человеческом обществе или если родители, любящие своего ребенка, не имеют на него времени и сами являются изолированными людьми. В таком случае они не способствуют установлению контакта с ребенком. В доме и в семейной жизни имеется множество мелочей, которые очень часто становятся упущениями и которые с легкостью можно было бы использовать с огромной выгодой для всех. Например, я считаю чем-то чрезвычайно важным совместные обеды в семье. Их надо понимать как благоприятную возможность для установления более прочного контакта с детьми. Но не в том случае, когда делают кислую мину, кладут рядом с собой ремень и указывают детям на все их промахи. Там, где это удается хотя бы наполовину, я советую начинать день с совместного завтрака, а не так, чтобы каждый приступал к еде в разное время, когда один еще лежит в кровати, а другой уже идет в школу. Случаются здесь и другие ошибки. Например, чувство общности у ребенка подрывают нередко тем, что прямо за столом начинают обсуждать такие вещи, что ребенок думает: «Эх, скорее бы все это кончилось, и мне не нужно было бы больше видеть людей!» Разумеется, такой же дурной привычкой является чтение газет за столом. Это не годится, поскольку у ребенка легко возникает чувство: а зачем, собственно, я здесь сижу? Конечно, заботиться о контакте с детьми необходимо и помимо обедов, до тех пор, пока дети не смогут перейти также к контактам с другими. Поэтому мне кажется очень важным, чтобы трехлетний ребенок находился в обществе.

При установлении контакта, где мать играет важную роль, может быть совершена еще одна серьезная ошибка; она состоит в том, что мать устанавливает такой сильный контакт, что у ребенка уже не остается места для других людей. Здесь возникает жизненный круг мать-ребенок, которым исключается все остальное. В данном случае речь идет об изнеженных детях. В силу своего превосходства такая мать, естественно, является опорой ребенку, все время готова ему помогать, всегда инициативна, и ребенок всегда также обращается к ней, она готова исполнить его волю, оберегает от всех возможных невзгод, постоянно тревожась, находится рядом с ним, не разрешает ребенку самостоятельно исполнять свои функции, действовать; и поскольку мать все делает за ребенка, ему самому ничего не остается. Такому ребенку не нужно ни думать, ни действовать, поскольку мать и так все обеспечивает. Мы видим здесь,

что проблемы у такого ребенка почти такие же, что и у детей первого типа. Они также исключены из самой важной и самой обширной общности. Они воспринимали только мать, которая по возможности исключает всех остальных людей. Очень часто случается, что отец замечает это неправильное развитие и хочет компенсировать его, вводя, например, более строгие методы воспитания. Что происходит? Ребенок еще теснее примыкает к матери и еще больше исключает отца. Отец и мать должны обсудить между собой, как им себя вести, чтобы ребенок еще больше не отдалялся от отца. Отцу не так уж и сложно склонить ребенка на свою сторону, только он должен иметь при этом в виду, что тем самым он пока еще добьется немногого. Нужно заботиться о том, чтобы и другие люди приблизились к ребенку.

Боязливые дети относятся к этой группе изнеженных, поскольку страх есть не что иное, как зов о помощи, и мы можем увидеть его у таких детей повсюду. Более того, зачастую это настолько пронизывает всю телесность ребенка, что дети не могут сами стоять и всегда к чему-нибудь прислоняются; если рядом находится мать, то они прислоняются к матери. Они плачут, если мать оставляет их одних. Это, естественно, становится для матери сложной проблемой; так ей приходится расплачиваться за ошибку, совершенную в воспитании. Ребенок приобрел неверные формы жизни, и увещеваниями здесь не поможешь. Равно как и в тех случаях, когда ребенок плохо себя ведет, не хочет ложиться спать, нарушает ночной покой с единственной целью — снова и снова привлекать к себе мать. Во сне чувство изоляции может быть настолько сильным, что дети вскрикивают, — при такой форме развития дети уже напоминают нервнобольных. Здесь должен вмешаться невропатолог. У детей, страдающих энурезом, нередко встречается та же ошибка воспитания. В таком случае энурез есть не что иное, как признак того, что ребенок всем своим телом, своим мочевым пузырем заявляет: меня нельзя оставлять одного, за мной нужно присматривать, меня всегда надо оберегать! Часто таких детей строго наказывают и всегда безуспешно. Если слышишь о действительно жестоком обращении с детьми, то тогда речь, как правило, идет о детях, страдающих энурезом. В окружении таких детей всегда находится кто-то, кто ни в грош не ставит культуру и истязает ребенка. Однако проблему можно было бы решить гораздо проще и гуманнее. Ребенок становится другим не тогда, когда его наказывают, а только тогда, когда мы понимаем,

что дети испытывают настолько тяжелое чувство неуверенности, что даже по ночам апеллируют к матери, что именно поэтому они, например, при отходе ко сну чинят препятствия: их нужно правильно накрыть одеялом, оставить включенным свет, оставить открытой дверь и т. д. В дальнейшем эти дети оказываются недостаточно подготовленными к школе. Можно ли тогда удивляться, что такие дети плохо учатся? Если их, дрожащих и плачущих, принудительно приводят в школу, и они встречают там дружелюбного учителя, более дружелюбного, чем они ожидали, и учитель занимается ими, то тогда все еще может наладиться. В противном случае дело будет обстоять еще хуже. Эти дети опаздывают, плохо выполняют задания, теряют книги, портфели, сидят безучастные. Если проверить их, то оказывается, что у них нет концентрации. Создается впечатление, что у них пострадала память; но это не так, просто они обладают памятью к совершенно иным вещам, на совершенно других вещах сконцентрированы. Они также находятся в плохих отношениях со своими товарищами и общаются только с тем, кто относится к ним с большой теплотой.

Здесь можно встретить детей, которые неожиданно из нежных существ превращаются в их противоположность. Дело в том, что требовательность таких изнеженных детей возрастает автоматически. Она становится все больше и больше, и требования, которые они предъявляют матери, часто оказываются неисполнимыми. Но они хотят, чтобы их требования были исполнены, и однажды наступает момент, когда они начинают тиранить мать, кричать на нее, топать ногами. Подготовка к этому происходит гораздо раньше, более того, нередко приходится видеть детей, про которых матери говорят: «Он же был таким ласковым ребенком». Стал ли этот ребенок другим? Отнюдь нет. Если бы все желания ребенка исполнялись, он бы тоже не стал кричать; только теперь сделать это уже не так-то просто. В школе он приобретает тот же опыт, что и дети, относящиеся к другому типу. Ему нужно время, чтобы развиться и быть наравне с другими детьми. На это сегодня еще слишком мало обращают внимание.

Я убежден, что каждый, кто рассматривает этот вопрос с наших позиций, придет к аналогичному выводу, что таких детей нужно воспитывать постепенно, что нужно иметь терпение, всегда быть внимательным к их слабым местам и стремиться к тому, чтобы всеми средствами сделать таких детей независимыми. Они неопрятны, и если я слышу

об этом, то всегда представляю воочию человека, который за него наводит порядок. Но я также представляю этого человека, когда рассказывают о лживом ребенке. Я словно всякий раз вижу возле головы ребенка тяжелую руку, от которой ребенок старается увернуться. Это движение проявляется затем во лжи.

Существует еще одна группа детей, которую мы должны отнести к трудновоспитуемым. Это дети, которые появляются на свет со слабыми, неполноценными органами. Они попадают в такую же ситуацию, что и другие. Они воспринимают все небольшие задачи как угнетающие, не чувствуют, что с ними справятся, недостаточно хорошо видят и слышат, не могут проявить свои лучшие способности. Уход за ними и воспитание доставляют особые трудности, они часто болеют, страдают спазмами, днем и ночью обеспокоены, их сон нарушен, легкие недостаточно развиты, и сохраняется чувство физической слабости. Также и здесь из-за органической обусловленности чувство слабости у детей может стать очень выраженным. Однако все группы детей будут стремиться превозмочь эти трудности. Вы обнаружите очень многих художников, имеющих тот или иной дефект зрения, очень многих музыкантов, страдающих болезнями уха, причем не только случайными болезнями уха, но и врожденными. Известными примерами этого являются Бетховен, Брукнер и др. Но они преодолели трудности, стремились к поставленной цели и в этом стремлении не утратили мужества. То есть из борьбы с трудностями они черпали новые силы. Многие художники с большим трудом различают цвета или вообще их не различают, но все же стали великими. Если вы посмотрите на их живопись, то обнаружите, что они владеют тончайшими различиями, и все только потому, что они обладали мужеством сопротивляться и не сдаваться. При определенных обстоятельствах недостатки ребенка могут оказаться преимуществом, но только в том случае, если мы не подрываем его мужества. Но если мы подрываем его, то можем обречь этих людей на самую жестокую участь; и если подумать и представить себе, что все эти принципы применимы не только к детям, но и к взрослым, а также ко всем группам и народу в целом, то в этом обнаруживается удивительное единство.

Мы ожидаем от воспитателей и родителей, что они направят стремление ребенка в полезную сторону, что они не подорвут его мужества. Таковы два требования, которые мы должны выдвинуть воспитателям.

Этот мир пригоден только для мужественных, уверенных в себе людей. Он дает что-то только тому, кто находится в ладах с собой и не боится возникающих трудностей во всех их разветвлениях, а старается их преодолеть. Из этих неразрывных связей между человеком и землей, между человеком и человеком, к которым добавляется еще третья связь — связь между двумя полами, — со всей очевидностью вытекают верные принципы нашей жизни, нашего поведения, нашего развития. Мы можем считать верными только те принципы, которые признают эти связи, которые пригодны для того, чтобы сделать из человека настоящего жителя Земли, настоящего общественного человека внутри социальной организации, и которые при правильном решении его жизненных проблем наделяют его мудрым смыслом.

В дискуссии, которая последовала за этим докладом, были поставлены следующие вопросы:

1. Могут ли причины запущенности заключаться также в наследственности ребенка?
2. Можем ли мы объединять наших детей с трудновоспитуемыми, не применяя телесного наказания? Правильно ли воспитывать трудных детей вместе с другими или их следует объединять в специальных классах?
3. Правильно ли мы поступаем, создавая классы для одаренных детей?

Ответ на первый вопрос:

Если бы существовали дети с такой плохой наследственностью, что им нельзя уже было бы помочь и они непременно оказались бы запущенными, то вряд ли имело бы смысл заниматься педагогикой, во всяком случае с такими детьми. Но пока еще никто не определил меру плохой наследственности, которая бы оправдывала вывод, что это напрасный труд. Всегда происходило обратное: всякий раз, когда не удавалось наставить ребенка на верный путь, воспитатель ссылался на плохую наследственность. Я видел детей с очень плохой наследственностью, которые, однако, относились к лучшим, и я видел детей с очень хорошей наследственностью, которые относились к худшим. Даже если воспитатель считает, что из-за наследственности он ничего не может исправить (при этом я не имею в виду дефектных детей), то тогда бы я посоветовал ему попробовать действовать с другой позиции, отстаиваемой мною.

Без сомнения, бывают трудные случаи, и мы нередко тратили много сил, прежде чем наступал прогресс. Если бы я придерживался мнения, что в определенных случаях ничего нельзя исправить из-за наследственности, то все же еще больше я был бы убежден в том, что у всех детей с хорошей и плохой наследственностью мне бы удалось достичь приемлемого результата; говоря кратко, ребенка можно испортить независимо от того, хорошая у него наследственность или плохая. Следовательно, наследственность не может играть такую важную роль, какую ей сегодня еще обычно приписывают, особенно при медицинском подходе, где какое-либо педагогическое понимание, как правило, отсутствует. Связь, разумеется, существует, и следует подчеркнуть: она заключается в том, что ребенку с неполноценными органами — это и есть плохая наследственность — проще, чем остальным, оказаться в условиях, в которых у него разовьется сильное чувство неполноценности. Констатация этого является достижением нашей науки и исходным пунктом всех наших воззрений. Очень легко увидеть, что эти условия относительные, что ребенок с плохой наследственностью в благоприятных условиях ведет себя по меньшей мере так, как ведет себя в неблагоприятных условиях ребенок с хорошей наследственностью. Если же такой слабо организованный ребенок попадает еще и в неблагоприятные условия, то для такого ребенка не находится абсолютно пригодный план воспитания; то есть вполне возможно, что воспитание здесь может не достичь своей цели, и результаты всегда будут плохими. Я считаю нецелесообразным придерживаться такого мнения педагогу, поскольку его задача состоит прежде всего в том, чтобы нести в себе активный оптимизм и передавать его детям. Прежде чем по причине наследственности отодвигать детей в сторону, сначала нужно испробовать наш метод.

Ответ на второй вопрос:

Нужно или нет оставлять трудновоспитуемых детей в обычной школе? В семье помочь по-другому нельзя. Решение зависит от степени дефекта. Особое внимание следует уделять тяжелым случаям. Для определенных видов дегенерации школа является неподходящим местом. Нередко таких детей следует изолировать также и от семьи.

Ответ на третий вопрос:

Как вы почувствовали по тону моего выступления, я не верю в одаренность. Все является самостоятельно разработанной творческой силой. Гёте

говорит: «Пожалуй, гениальность — просто прилежание!» Все, чего требует школа, все, чего требует жизнь, по силам каждому разумному ребенку. Когда распределяют по классам под прекрасным девизом «Дорогу способным», то есть разделяют на одаренных и неодаренных, возникают большие проблемы, которые проявляются даже в классах явно одаренных детей.

Я бы хотел обратить внимание на опасность, которой подвергаются воспитатели, если они чересчур уповают на одаренность. Когда вы даете ребенку понять, что он одарен, очень часто случается так, что ребенок перестает стараться и становится высокомерным. В социальном отношении это неправильно. Но это еще не самое худшее; когда затем такому ребенку на его жизненном пути встречаются трудности, может случиться так, что он начинает не столько стремиться к успеху, сколько бояться поражений; затем появляются сомнения и колебания, потом возникают нервные заболевания, и ребенок останавливается в своем развитии. Вспомним о вундеркиндах. Они часто плохо кончали. Существует еще и другая сторона. Речь идет о так называемых неодаренных детях, во что на самом деле я не верю. Поэтому я против того, чтобы делить детей на одаренных и неодаренных. Я не думаю, что это даст какой-нибудь результат в будущем. Но я знаю, что это не принесет никакой пользы одаренному ребенку и навредит неодаренному.

Нужно учиться обращаться с ребенком как с равноценным человеком. Это проще удастся тому, кто склонен видеть в другом равноценного человека. У кого такой склонности нет, тому вряд ли удастся чувствовать себя по отношению к ребенку равноценным товарищем. Это должно быть предварительным условием. Все воспитание должно сводиться к тому, чтобы направить природное чувство неполноценности в полезную сторону и распространить его на то, что полезно. Для этого нужна равноценность. Я верю не в способность или неспособность ребенка, а только в способность или неспособность воспитателя.

Воспитание мужества

Когда встает вопрос о цели воспитания, то проблема заключается в том, чтобы верно определить предмет устремлений и тем самым исключить возможность недопонимания правильного в целом пути или самообмана. Следовательно, задача должна быть поставлена так, чтобы даже в трудных случаях идея, которой руководствуется воспитатель, оберегала и его, и ребенка от более серьезных заблуждений. И эта руководящая идея не может проистекать, например, из одной только традиции. Ибо изменение условий нашей жизни может вынуждать нас к изменению наших жизненных привычек и потребностей, что становится жизненно важной задачей. Она не может проистекать из одного только эмоционального порыва. Она не должна также служить другим ведущим идеям — религиозным, национальным, социальным, даже если они играют ключевую роль в идеале воспитателя. Ибо она слишком легко может оказаться догмой, оставаться непреложной истиной, а то, что должно играть ведущую роль, нуждается в развитии. Если смотреть с точки зрения воспитания, факторы религии, национальности, социального сознания всегда являются лишь вспомогательным средством, чтобы найти правильный в целом путь к наилучшему развитию ребенка; но ими волей-неволей следует пренебречь, если они этой цели не достигли.

Сейчас, однако, идеал развития ребенка настолько оказался во власти предвзятой позиции воспитателя, что было бы полезно, прежде чем установить единую цель воспитания, сначала эту позицию проверить. Следует договориться между собой хотя бы по нескольким пунктам, которые в силу своей научной неоспоримости или во всяком случае соответствия здравому смыслу, должны занять подобающее место в цели воспитания.

Если исключить детей с неизлечимыми психическими дефектами, то сегодня нам кажутся наиболее значительными три требования. 1. Идеал воспитания должен быть всеобщим. 2. Он должен быть логически обоснованным. 3. Он должен обеспечивать пользу для общества.

1. Идеал воспитания должен быть всеобщим

Все институты, разделяющие молодых людей на касту слуг и касту господ, должны отпасть. Вместо отбора детей, кажущихся в настоящий момент одаренными, предпочтение должно быть отдано тем методам, которые способствуют развитию внешне неодаренных. На первом месте должны стоять уже не поиск скрытых способностей, не переоценка явных способностей в детстве и в юности, как, например, при тестировании, а пробуждение способностей у всех детей. Значение правильной тренировки как в умственном, так и в моральном отношении должно стать воспитателю более ясным, чем до сих пор. Границы умственных, физических и моральных возможностей развития сегодня пока еще слишком сужены. Существенно раздвинуть их удастся только тому, кто освободится от слепой веры в данность имеющихся границ и их постоянство. И в своих методах воспитатель всегда прежде всего будет заботиться о том, чтобы развивать, а не ограничивать стремления и мужество своих подопечных.

2. Понятный идеал воспитания

Обращение к традиции и чувствам не может иметь решающего значения. Согласия относительно форм воспитания можно добиться только путем понимания. Убежденность в правильности пути у воспитателя и его воспитанников неизбежно проявится в их самостоятельности и уверенности в себе, когда они будут обдуманно подходить к своим проблемам. Смелости и естественности стремлений у воспитанников можно добиться только тогда, когда они будут почерпнуты из их собственных знаний и опыта. В качестве основы для понимания этих задач я бы рекомендовал

индивидуально-психологическое воззрение, согласно которому жизнь есть конструктивное достижение, направленное на то, чтобы исходя из отношений человека с космосом, с обществом и с противоположным полом найти правильные в целом решения. Из факта этого конструктивного достижения следует, что только мужественный человек может посвятить ему себя полностью.

3. Полезность для общества

Любое достижение, не приносящее пользы обществу, уменьшает чувство собственной значимости человека, наделяет его чувством неполноценности и приводит в противоречие с социальными задачами и взаимосвязями жизни. Поэтому он всегда будет ощущать расхождение с обществом и столкнется со всеми трудностями и наказаниями, которые неизбежно вытекают из нарушения логики совместной человеческой жизни. Формировать свою жизнь ему будет не проще, как он предполагал, а только сложнее. Он не будет ощущать себя частью целого, но будет жить словно в стране врага. Ценность собственной жизни, ценные достижения существуют только на стороне, полезной для общества. Недостаточный интерес к другим людям всегда проистекает из страха не суметь оказаться полезным. Поэтому, как показала индивидуальная психология, с помощью разных трюков и самооправданий, в самообмане и вдали от правды жизни, он стремится доказать свою значимость и обрести чувство собственной ценности в стороне от общественной пользы, в жизненной лжи. В этом опыте сливаются воедино истина, смелость и ценность как социальные факторы. Они являются формами выражения развитого чувства общности и лишь различными сторонами одного и того же стиля жизни. До тех пор пока ребенок верит, что добьется признания на полезной стороне жизни, путь к бесполезным достижениям для него не имеет смысла. Пробуждение этого опыта является для индивидуальной психологии первым шагом к пробуждению мужества. То, что с помощью пригодного метода можно добиться высочайших полезных достижений, — во всяком случае можно стремиться к этому с перспективой успеха, не встречая при этом препятствий

со стороны наследственных или конституциональных факторов, — можно доказать на опыте и только путем понимания.

Таким образом, эти три воззрения объединяются в единое целое и могут служить основой для обсуждения идеала воспитания. Вместе с тем они демонстрируют также центральное значение воспитания мужества, которым все более осознанно и всегда основываясь на понимании занимается индивидуальная психология.

Если бы от меня потребовалось привести здесь небольшой пример, подтверждающий правильность изложенной позиции, то я бы указал на последствия неправильного воспитания, которые острее всего переживаются педагогом. Речь идет о трудновоспитуемых детях, нервных людях, кандидатах в самоубийцы, преступниках и проститутках. Во всех этих случаях можно обнаружить, что эти люди пошли таким путем из-за того, что им недоставало мужества совершать полезные поступки. В какой мере — оправданно или нет — они считали себя исключенными из общественного идеала воспитания, насколько мало они поняли здесь научно осмысленный идеал воспитания, не так трудно увидеть, но все же это требует доказательства на фактах их жизни. Легко заметить также, что все они оставили в стороне полезный для общества путь и поэтому вступили в противоречие с обществом и что средства для их исправления сегодня совершенно недостаточны.

Понятно, что их удастся склонить на свою сторону только в том случае, если они приобретут мужество претендовать на свое признание с позиции чувства общности, а не в пику ему.

Психология власти

Быть великим! Быть могущественным! Это всегда было стремлением всех маленьких и чувствующих себя маленькими людей. Каждый ребенок стремится к высоким целям, каждый слабый — к превосходству, каждый отчаявшийся — к вершинам совершенства. Как отдельный человек, так и массы, народы, государства и нации. Все, к чему стремятся люди, происходит из их упорных попыток преодолеть ощущение недостатка, неуверенности, слабости. Но чтобы человек начал путь к достижению цели, ему нужен образец в будущем. Фиктивный направляющий идеал совершенства не является достаточно ясным, чтобы выступать в качестве цели. Чтобы идти уверенной поступью, ищущий дух придает образцу конкретную форму. Усматривает ли человек совершенство в том, чтобы быть кучером, врачом, дон Жуаном, тираном, он всегда видит в этом исполнение и утверждение своей сущности. Сможет ли его направляющий идеал осуществиться в имеющихся условиях, зависит от подготовленности человека, его тренированности, от выбранного им метода, от его активности, проникнутой оптимизмом, с одной стороны, и от совпадения с внешними возможностями — с другой. Первым факторам мы можем содействовать путем воспитания, последние мы должны видеть и понимать. Все эти факторы связаны между собой и друг на друга влияют.

Мы можем многое сделать для достижения правильного в целом жизненного пути, если у нас есть точные исследования внешних условий. Многие из зол, мешающих жить человеку, можно было бы легче перенести и преодолеть, если бы мы не просто жаловались на них, но и расценивали их как выражение действия, находящегося в развитии и устремленного вперед. Мы все страдаем от того, что находимся в средней точке развития, которая должна быть преодолена творческой энергией человечества. Индивидуальный психолог может с уверенностью

утверждать, что общественный и личный недуг всегда связаны с этим, поскольку даже сегодня мы формируем свой направляющий идеал прежде всего в духе личной власти и гораздо меньше в соответствии с чувством общности. Огромная масса трудновоспитуемых детей, нервные люди, психически больные, алкоголики, морфинисты, кокаинисты, преступники и самоубийцы демонстрируют, по сути, одно и то же: борьбу за личную власть или сомнение в том, что смогут ее добиться на стороне, полезной для общества. В конечном счете люди по-прежнему стремятся к превосходству над другими, наш направляющий идеал конкретизировался как власть над другими, и эта проблема стоит на переднем плане у каждого, затеняет все остальные и направляет все движения нашей душевной жизни в свою колею.

Как появилось на свет это зло? *Личное стремление к власти является одной из конкретизаций стремления к совершенству!* Причем одной из самых заманчивых, особенно в стесненной со всех сторон культуре. Естественным заблуждением, перенятым у вольной природы, где совершенство отдельного существа достигается жестокой победой над более слабыми. Но даже в мире животных имеется достаточно социальных инстинктов и стадных влечений, смягчающих необузданную борьбу, очевидно, чтобы защитить виды и воспрепятствовать их уничтожению. Необходимость развития еще более направляет человека на путь чувства общности. Ибо перед силами природы и реалиями жизни люди гораздо больше, чем все другие живые существа, должны стремиться к взаимному единению. Без совершенствованного разделения труда он обречен на гибель или остановится в своем развитии. Господство мужчины над женщиной лишило его высшего наслаждения эротикой, а в более развитой культуре вызывает у женщин протест против женской роли, из-за чего прочность человеческого рода поставлена под сомнение, поскольку преимущество получают менее развитые народы.

Результат индивидуально- и массово-психологического исследования выглядит, следовательно, таким образом: стремление к личной власти является губительным наваждением и отравляет совместную жизнь людей. Тот, кто желает человеческой общности, должен отказаться от стремления властвовать над другими. Самоутверждение при помощи силы выглядит для многих естественным. Мы хотим добавить: создавать средствами власти все, что хорошо и сулит благо, или хотя бы то, что соответствует

беспрепятственному развитию, только *кажется* простейшим путем. Когда в жизни людей или в истории человечества удавалось такое намерение? Насколько мы видим, даже небольшое насилие повсюду вызывает противодействие, даже там, где целью, несомненно, является благо притесненных. Патриархальная система, просвещенный абсолютизм являются такими пугающими примерами. Даже своего бога ни один народ не терпел без возражения. Если человека или народ вводят в сферу власти другого, тотчас пробуждается его сопротивление, открытое или тайное, и оно не исчезнет, пока не спадут все оковы. Победоносная борьба пролетариата против гнета капитализма отчетливо демонстрирует такой ход развития; однако возрастающая сила организации рабочих при неосторожном обращении может вызвать у колеблющихся натур более или менее сильное сопротивление. Там, где встает вопрос о власти, он наталкивается, несмотря на всю безупречность намерений и целей, на волю к власти отдельного человека и вызывает противодействие.

В родительскую любовь проникает яд властолюбия, который под именем авторитета и заботы о ребенке стремится закрепить видимость превосходства и непогрешимости. Задача детей состоит тогда в том, чтобы превзойти воспитателей, справиться с ними. То же самое относится к учителю. И любовь также полна этими кознями и требует от партнера полной покорности. Властолюбие мужчины, апеллируя к «природному предопределению», требует подчинения женщины; малоутешительным результатом оказывается разрушение всех естественных отношений и паралич ценных сил. Излюбленные игры детей выдают тому, кто разбирается в людях, единую систему удовлетворения властолюбия.

Но современная психология показала нам, что черты честолюбия, стремления к власти и господству над другими и все изобилие сопутствующих враждебных явлений не бывают врожденными и неизменными. Скорее, они прививаются ребенку в раннем возрасте; он невольно воспринимает их из атмосферы, пропитанной властолюбием. У нас по-прежнему в крови стремление к упоению властью, а наши души — игрушки в руках властолюбия. Спасти нас может только одно — недоверие к любому господству. Наша сила в убеждении, в организующей энергии, в мировоззрении, но не в силе оружия и не в дискриминирующих законах. Другие, мощные силы пытались уже бороться за свою целостность такими средствами, но тщетно.

Из нашей высшей цели — взращивания и усиления чувства общности — мы открываем для себя иные пути и тактические возможности.

Мы можем бороться в себе с воздействием чувства общности. Задушить его мы не можем. Так, охваченная безумием человеческая душа может отрешиться от объявленной святой логики. В самоубийстве жизненная сила своенравно устраняет влечение к жизни. Логика же, как и влечение к жизни, есть реальность, подобная общности. Такие нарушения правил — грех, противный природе, противный святому духу общности. Подавить в себе чувство солидарности не так-то просто. Преступнику, чтобы успокоить чувство общности, необходимо одурманить свой разум до или после того, что он совершил. Беспризорная молодежь собирается в банды, чтобы разделить чувство ответственности с другими и этим его смягчить. Раскольникову пришлось сначала месяц пролежать в кровати, размышляя, кто он — вошь или Наполеон. И когда затем он поднимался по лестнице, чтобы убить старую, никчемную ростовщицу, он ощутил, как бешено колотится его сердце. В этом возбуждении крови говорит чувство общности. Война — это не продолжение политики другими средствами, а величайшее массовое преступление против солидарности людей. Сколько лжи и искусственных подстрекательств низших страстей, сколько насилия понадобилось, чтобы подавить возмущенный крик человечества?

В тесную детскую комнату врываются волны общественного стремления к власти. Властолюбие родителей и иерархия в доме, привилегии младших детей неодолимо направляют чувства ребенка на достижение власти и превосходства, только эта позиция кажется ему привлекательной. И лишь спустя некоторое время в его душу стекаются чувства общности, но подпадают в большинстве случаев под диктат уже сформированного властолюбия. Затем, при более тонком анализе, обнаруживаются все черты характера, которые на прочной основе чувства солидарности были сформированы стремлением к превосходству. Когда ребенок начинает ходить в школу или вступает в жизнь, он привносит с собой из семьи уже не раз разбиравшийся механизм, наносящий вред чувству солидарности. Идеал собственного превосходства считается с чувством солидарности других. Ибо типичным идеалом нашего времени по-прежнему остается изолированный герой, для которого все остальные люди — объекты. Эта психическая структура сделала для людей мировую войну приемлемой,

заставляя их восхищаться безудержным величием победоносного воителя. Чувства общности требуют другого идеала, идеала святого, однако очищенного от фантастических, возникших из веры в чудеса шлаков. Ни школа, ни жизнь в дальнейшем уже не способны устранить прочно укоренившееся, чрезмерное стремление к самоутверждению за счет других. Было бы грубым обманом относить опьянение властью только к индивидуальной психике. Также и массы руководствуются этой целью, и она приносит еще большее опустошение, поскольку чувство личной ответственности в массовой психике существенно уменьшается.

Мы нуждаемся в сознательной подготовке и развитии сильного чувства общности и полном устранении алчности и жажды власти у отдельных людей и народов. Мы непрерывно боремся за то, чего у них нет — за новые методы усиления чувства солидарности, новое слово. До сих пор этот прогресс прокладывает себе путь в основном через искоренение того, что является социально неприемлемым. Мы гораздо более милосердны, чем природные данности жизни, чем этот космос, в самых разнообразных вариантах взывающий к тому, кто жаждет власти и силы: прочь с дороги тот, кто мне не нравится! Тот, кто, подобно психологу, переживает эту жесткую логику совместной человеческой жизни, стремится к тому, чтобы сделать ясным для всех этот бесконечно мрачный голос, предостеречь от пропасти, в которую падают отдельные люди, семьи, полы, народы, чтобы исчезнуть раз и навсегда. Но мы нуждаемся в новом методе, новом слове, чтобы сделать слышимым этот ужасный голос.

Большевизм и психология

Мы, немцы, лишены средств власти. Мы отказались от господства над другими народами и без зависти и недоброжелательства смотрим, как чехи, южные славяне, венгры, поляки, украинцы укрепляют свою государственную мощь и пробуждаются к новой, независимой жизни. В одно мгновение улетучились все искусственно взращенные вчерашние чувства ненависти к державам Согласия, и мы выражаем им дружескую симпатию, хотя с болью и сожалением ощущаем, что следовало избежать отдельных шероховатостей перемирия, некоторого обострения голода. Мы, немцы, сами прониклись сильным чувством общности и воодушевлены им; оно не ограничивается своими рамками и продолжается в исполненном надежд общечеловеческом чувстве. Нам все еще мешает старое недоверие, мы по-прежнему боимся чужого господства и властолюбия сил, затаившихся в нашей стране. Но мы ощущаем себя готовыми бороться за солидарность людей и идти ради этого на любые жертвы. Наш народ не угнетает поражение. Лавр победы, украшающий лоб великого полководца, не вызывает у нас мучений. Долгие годы мы были одурманены, а теперь стали просвещенными. За скорбью и нищетой настоящего нашему неповинному народу светит звезда нового знания: *никогда мы не были так жалки, как на вершине власти! Стремление к господству есть фатальное наваждение, отравляющее совместную жизнь людей! Кто желает общности, должен отказаться от стремления к власти!*

Мы более близки к этой истине, чем победители. Внезапная катастрофа, которая угрожает другим, осталась у нас позади. Раньше, чем все остальные народы, мы принимаем новое учение о благе, чтобы возвестить о нем людям: история человечества с ее ужасами и бедами до сих пор была

не чем иным, как бесконечной цепью потерпевшего крушение стремления к власти. Тяжелое бедствие, переживаемое нашим народом, должно сделать нас прозорливыми, иначе единственная его разумная цель не будет достигнута. Мучительно его переживая, обновленная Германия порождает глубочайшую идею всей культуры, состоящую в окончательном отказе от стремления к власти и в окончательном возвышении чувства солидарности до ведущей идеи. Как когда-то при Вавилонском столпотворении, человечество снова было выставлено на посмешище, беда снова напомнила о себе.

Собственно говоря, народ всегда шел по пути к чувству солидарности. Каждый духовный, каждый религиозный порыв был направлен против стремления к власти. Всякий раз, когда логика совместной человеческой жизни пробивала себе дорогу, она упиралась в стремление к господству. Все социальные законодательные акты прошлого, скрижали Моисея, учение Христа каждый раз попадали в руки жаждущих власти слоев и групп, злоупотреблявших самым святым ради удовлетворения своего властолюбия. Самые изощренные фальсификаторские трюки и коварные уловки использовались, чтобы перевести никогда не исчезающие побуждения и творения чувства общности на путь стремления к власти и тем самым сделать их бесполезными для общего блага. Истины и требования, возникавшие под давлением совместной человеческой жизни, снова и снова обращались в неестественность властолюбия. «Через истину ко лжи!» — таков был глубочайший смысл прежней культуры власти, которой теперь грозит неминуемый крах. В результате чувство общности роковым образом стало использоваться стремлением к власти.

Но как объяснить, что жажда власти нескольких человек нашла готовых слуг и приверженцев? Не иначе как и у них властолюбие было в крови! В силу внутреннего убеждения они тоже находились там, где заманчива была власть, ибо они тоже надеялись, что с усилением власти их повелителей сбудутся и их властолюбивые надежды. Годы капитализма с безудержным стремлением одних возвыситься над другими пробудили непомерную алчность в человеческой душе. Неудивительно, что наш психический аппарат полностью оказался в плену стремления к власти. Наука, близорукая и склонная с легкостью придумывать оправдания всему происходящему, объявила, подобно вульгарной психологии, такие черты характера, как властолюбие, стремление к власти

и превосходству, личное честолюбие и эгоизм, врожденными и неизменными свойствами человеческой души; тем самым она покровительствовала им и препятствовала их искоренению чувством общности. Последнее скорее превратилось из цели в средство и стало служить национализму и империализму, которые хитростью и коварством воспользовались истиной чувства солидарности в своем стремлении к господству и властолюбии.

И только в социализме чувство солидарности как требование беспрепятственной совместной жизни людей оставалось последней и конечной целью. Все гениальные социалисты-утописты, искавшие или находившие системы, подобно всем великим реформаторам человечества, инстинктивно ставили выше борьбы за власть взаимное содействие. А Карл Маркс открыл в неясном механизме душевной жизни совместную борьбу пролетариата против классового господства. Он довел ее до сознания ее носителей и показал путь к окончательному обретению чувства общности. Диктатура пролетариата должна была стать выражением его зрелости и силы, привести к всеобщему разрешению классовых противоречий и избавить его от стремления к власти.

Большевизм в своем узловом пункте, насильственном осуществлении социализма, многим социалистам кажется теперь естественной мыслью. Мы бы хотели добавить: создавать средствами власти все, что хорошо и сулит благо, или хотя бы то, что соответствует беспрепятственному развитию, только *кажется* простейшим путем. Где в жизни людей или в истории человечества удавалось такое намерение? Насколько мы видим, даже небольшое насилие повсюду вызывает противодействие, даже там, где целью, несомненно, является благо притесненных. Патриархальная система, просвещенный абсолютизм являют такие пугающие примеры. Даже своего бога ни один народ не терпел без ропота. Если человека или народ вводят в сферу власти другого, тотчас пробуждается его сопротивление, открытое или тайное, и оно не исчезнет, пока не спадут все оковы. Победоносная борьба пролетариата против гнета капитализма отчетливо демонстрирует такой ход развития; более того, возрастающая сила организации рабочих при неосторожном обращении может вызвать у колеблющихся натур более или менее сильное сопротивление. Там, где встает вопрос о власти, он наталкивается, несмотря на всю безупречность намерений и целей, на волю к власти отдельного человека и вызывает противодействие.

И в подобном противодействии человек привык апеллировать к абстрактным идеалам и требованиям общества, поскольку только это находит в сознании масс устойчивый отклик. Наш психический орган отвечает на внешнее принуждение встречным принуждением, ищет удовлетворения не в похвалах за послушание и покорность, а стремится к тому, чтобы собственные средства власти оказались более сильными, чем у других. Борьба за власть имеет, следовательно, психологическую сторону, изображение которой представляется нам сегодня настоятельной обязанностью. Все земные блага, удовольствие и вознаграждение, не способны обеспечить власти стойкие опоры, даже если она, казалось бы, преследует цели общественного подъема. Милитаризм центральных властей должен был быть разрушен, поскольку он беспрерывно побуждал порабощенных им людей к сопротивлению. Само время выступает против него. Наиболее строго и четко выявила это противоречие между стремлением к власти у отдельных людей и групп «индивидуальная психология». Мышление, чувства и желания современного человека руководствуются прежде всего стремлением к личному превосходству, даже если он считает, что служит высшим идеалам. С его властолюбием, которое проистекает из невыносимого детского чувства слабости и в качестве защитной надстройки должно устранить неуверенность ребенка, спорит опыт того, насколько важно стремиться к общности. Современное состояние нашей культуры и нашего сознания все еще позволяет принципу власти тайно добиваться своего под маской чувства общности. Открытое, прямолинейное использование силы непопулярно и теперь уже небезопасно, оно находит симпатию разве что у истерических натур. Поэтому нередко насилие совершается со ссылкой на право, обычай, свободу, благо угнетенных, во имя культуры. Результаты разочаровывают обе стороны. Власть не приносит счастья. В жизни народов политика власти создает властителю сторонников, являющихся, по сути, его противниками, которых влечет только опьянение властью. И он встречает противников, которые были бы его сторонниками, не возникни у них автоматического протеста. Человек же, отстраненный от власти, с нетерпением ожидает бунта и доступен для любых аргументов.

В родительскую любовь проникает яд властолюбия, который под именем авторитета и заботы о ребенке стремится закрепить видимость превосходства и непогрешимости. Задача детей состоит тогда в том, чтобы

превзойти воспитателей, справиться с ними. То же самое относится к учителю. И любовь также полна этими кознями и требует от партнера полной покорности. Властолюбие мужчины, апеллируя к «природному предопределению», требует подчинения женщины; малоутешительным результатом оказывается разрушение всех естественных отношений и паралич ценных сил. Излюбленные игры детей выдают тому, кто разбирается в людях, единую систему удовлетворения властолюбия.

Но современная психология показала нам, что черты честолюбия, стремления к власти и господству над другими и все изобилие сопутствующих враждебных явлений не бывают врожденными и неизменными. Скорее, они прививаются ребенку в раннем возрасте; он невольно воспринимает их из атмосферы, пропитанной властолюбием. У нас по-прежнему в крови стремление к упоению властью, а наши души — игрушки в руках властолюбия. Спасти нас может только одно: недоверие к любому господству. Наша сила в убеждении, в организующей энергии, в мировоззрении, но не в силе оружия и не в дискриминирующих законах. Другие мощные силы пытались уже бороться за свою целостность такими средствами, но тщетно.

Господство большевиков, как и все прежние правления, основано на обладании властью. Этим предопределена их участь. Их манило упоение властью. Теперь в неподготовленных душах человечества автоматически приводится в действие тот страшный механизм, где на удары с одной стороны следуют контрудары с другой, отнюдь не ради общества, а только потому, что к этому побуждает обоюдная воля к власти. Доводы, не стоящие и ломаного гроша, служат оправданию действия и противодействия. Прекрасное становится уродливым, уродливое — прекрасным! Конечно, ложь о большевизме неимоверна. Но даже от нее он не может защититься, ибо она снова и снова порождается в борьбе за власть. Вся Россия разрушена. Уже и другие силы в потоке красноречия собираются распространить борьбу с большевизмом на захват и покорение Европы. Большевики вынуждены отвечать новым усилением своих властных позиций. Кто еще не сражен упоением властью, вопрошает: можно ли таким путем достичь единения человечества, укрепления чувства общности?

Мы видим, как прежние друзья, давнишние добропорядочные соратники, взобрались на головокружительную высоту. Соблазненные властолюбием, они повсюду взывают к силе. Здесь нет послаблений,

только дальнейшее усиление, как и везде, где власть оставляет за собой последнее слово. Если и есть средство вернуть все назад, то только воспоминание о чуде чувства общности, которое мы должны совершить и которого никогда нельзя достичь с помощью власти.

Из нашей высшей цели — взращивания и усиления чувства общности — мы открываем для себя иные пути и тактические возможности.

Существует давнее разделение на субъект и объект. Никому не хочется быть объектом. В воспитании детей и человечества все насильственно вводимые меры терпят неудачу. Даже требование быть опрятным и кормление вызывают активное сопротивление детей, если родители используют только силу своей власти и приказа или если ребенок уже вступил в борьбу за господство. Когда воспитатель прибегает к жестким репрессиям, объект теряет человеческое достоинство, и все дальнейшие попытки привить ему культуру остаются тщетными. В человеке словно пробуждается волк. Не иначе как под гнетом царизма расцвел порок пьянства и распространился космополитизм. Помыслы тех, кто еще был активен, обратились к хитрости и насилию, чтобы поддержать власть тирана. Загнать сопротивляющуюся толпу людей в искусственное социалистическое государственное устройство — значит разбить от нетерпения ценный сосуд, значит заниматься социалистической муштрой.

Чтобы воспитание достигло своих целей, сначала необходимо создать наиболее благоприятную почву для готовности воспринимать. Несомненным результатом индивидуально-психологических исследований является вывод о том, что эта готовность воспринимать исчезает при применении силы или под давлением невыносимого авторитета. В душе человека надолго остается только то, что принято им как субъектом, по своей воле. В политике большевиков проявляются все ошибки плохого, устаревшего метода управления. Даже если бы где-то удалось совершить насилие над большинством, никому бы радости от этого не было. Социализм без соответствующего мировоззрения — это кукла с руками и ногами, но без души, без инициативы, без таланта. Если большевизму и удастся его труд, он все равно останется бесполезным. Если же не удастся, то социализм окажется скомпрометированным и неприемлемым.

В каждой стране социализм близок к своему осуществлению. Это произошло, как и предсказывал Маркс, из-за подавления капитализмом растущего класса. Чувство неполноценности пролетариата

в его борьбе за существование побуждало к некой форме победы над победителем, действуя как жало и постоянный стимул. В результате были найдены лучшая организация и лучшие экономические методы. Но создало ли и сохранило ли лучшее знание экономических отношений эту большую организацию? Является ли по этой единственной причине победа пролетариата и вместе с тем социальной демократии несомненной, поскольку он видит, что лучший выход — рост индустриализации. И не является ли общей основой и предпосылкой его мышления, чувствования и желания возросшее правосознание изгоя, которое коренится исключительно в имманентной логике совместной человеческой жизни, в его неотъемлемом участии в человеческом обществе? Кто бы ни испытал несправедливость из-за опьянения властью других, человек или народ, он «устремляется к вечным звездам» и вспоминает о всесилии чувств человечества. К ним обращен его главный призыв, в своей вечной истине они являются высшей инстанцией.

Здесь речь не идет об этике как научной или художественной дисциплине. Равно как и о нравственном понимании мировых событий. Все это — лишь скудные проявления, культы, религиозные или фантастические, всегда исторически ограниченные абстракции *человеческой солидарности,* которую мы ежедневно, ежечасно ощущаем как физически вошедшую в нас в течение жизни истину. Чувство стыда, раскаяние, отвращение, страх являются ее примитивными защитами, сексуальность — ее органической связкой, семья — в большинстве случаев неудавшимся наставническим органом. Она привила нам любовь к детям. В воспитании она стремится к исполнению и осуществлению своих самостоятельно поставленных целей. Инцест и перверсию, эти явные антиподы чувства общности, она автоматически предала анафеме. Право, обычаи, техника, искусство и наука служат ей и обретают благодаря ей свою форму. Она управляет человеческой интуицией и ведет к прогрессу и изобретениям в соответствии со своими замыслами и планами.

Мы можем бороться в себе с воздействием чувства общности. Задушить его мы не можем. Так, охваченная безумием человеческая душа может отрешиться от объявленной святой логики. В самоубийстве жизненная сила своенравно устраняет влечение к жизни. Логика же, как и влечение к жизни, есть реальность, подобная общности. Такие нарушения правил — грех, противный природе, противный святому духу общности.

Подавить в себе чувство солидарности не так-то просто. Преступнику, чтобы успокоить чувство общности, необходимо одурманить свой разум до или после того, что он совершил. Беспризорная молодежь собирается в банды, чтобы разделить чувство ответственности с другими и этим его смягчить. Раскольникову пришлось сначала месяц пролежать в кровати, размышляя, кто он — вошь или Наполеон. И когда затем он поднимался по лестнице, чтобы убить старую, никчемную ростовщицу, он ощутил, как бешено колотится его сердце. В этом возбуждении крови говорит чувство общности. Война — это не продолжение политики другими средствами, а величайшее массовое преступление против солидарности людей. Сколько лжи и искусственных подстрекательств низших страстей, сколько насилия понадобилось, чтобы подавить возмущенный крик человечества? Социализм глубочайшим образом укоренен в чувстве общности, он является древним голосом человечества, ставшим мировоззрением, самым чистым и практичным в наше время выражением чувства солидарности. Большевизм же есть самоубийство чувства солидарности. Геракл, удавивший не змей, а свою мать. Какая бесполезная трата духа, энергии, людской крови! Надо ли говорить то, что и так само собой разумеется? Нам не *нужна жесткая форма, мы хотим духа и нового слова социализма. А это значит: развития и воздействия чувства общности!*

В тесную детскую комнату врываются волны общественного стремления к власти. Властолюбие родителей, служебные отношения в доме, привилегии младших детей неодолимо направляют чувства ребенка на достижение власти и превосходства, только эта позиция кажется ему привлекательной. И лишь спустя некоторое время в его душу стекаются чувства общности, но подпадают в большинстве случаев под диктат уже сформированного властолюбия. Затем, при более тонком анализе, обнаруживаются все черты характера, которые на непоколебимой предпосылке чувства солидарности были проникнуты все же стремлением к собственному превосходству. Когда ребенок начинает ходить в школу или вступает в жизнь, он привносит с собой из семьи уже не раз разбиравшийся механизм, наносящий вред чувству солидарности. Идеал собственного превосходства считается с чувством солидарности других. Ибо типичным идеалом нашего времени по-прежнему остается изолированный герой, для которого все остальные люди — объекты.

Эта психическая структура сделала для людей мировую войну приемлемой, заставляя их восхищаться безудержным величием победоносного воителя. Чувства общности требуют другого идеала, идеала святого, однако очищенного от фантастических, возникших из веры в чудеса шлаков. Ни школа, ни жизнь в дальнейшем уже не способны устранить прочно укоренившееся, чрезмерное стремление к самоутверждению за счет других. Было бы грубым обманом относить опьянение властью только к индивидуальной психике. Также и массы руководствуются этой целью, и она приносит еще большее опустошение, поскольку чувство личной ответственности в массовой психике существенно уменьшается. В большевизме еще раз, возможно, в последний, торжествует стремление к богоподобию. Вновь человеческое честолюбие предпринимает попытку навязать объекту человечества под видом вечной истины то, что ему самому пригрезилось в своей личной ограниченности, и тем самым собирает возле себя врагов и друзей истины.

Наше индивидуально-психологическое исследование и полученные им результаты могут сегодня, как никогда прежде, претендовать на то, чтобы быть услышанными и проверенными. Насколько мы видим, не существует иного наблюдательного пункта, который бы мог более четко и ясно выявить картину психических заблуждений нашего времени, чем тот, что получен с помощью индивидуальной психологии, науки, которая еще перед войной провозгласила целью будущего образа жизни усиление чувства реальности, ответственность и замену скрытой враждебности взаимной благожелательностью.

О том, чего можно и нужно достичь этими или аналогичными требованиями, нетрудно догадаться. Мы нуждаемся в сознательной подготовке и развитии сильного чувства общности и полном устранении алчности и жажды власти у отдельных людей и народов. Большевистское направление и в этом смысле является препятствием и трагическим заблуждением.

Примечания

Индивидуальная психология

Впервые опубликовано: E. Saupe (Hrsg.): *Einführung in die neuere Psychologie.* Osterwick/Harz (Verlag Zickfeld) 1926, S. 364-372.

Индивидуальная психология Ее роль в лечении нервозности, в воспитании и мировоззрении

Впервые опубликовано: *Scientia,* Jahrg. 39 (1926), S. 409—418.

Индивидуальная психология как путь к познанию людей и к самопознанию

По докладу, прочитанному 6 марта 1926 года в Центральном институте воспитания и преподавания в Берлине; впервые опубликовано: Johannes Neumann (Hrsg.): *Du und der Alltag: eine Psychologie des täglichen Lebens.* Berlin (Verlag Warneck) 1926, S. 211—236.

Спасение человечества с помощью психологии

Интервью с Юджином Баггером для газеты «Нью-Йорк Тайме» от 20 сентября 1925 года; опубликовано в: *Internationale Zeitschrift ˙fur Indiuidualpsychologie.* Jahrg. 3 (1925), S. 332—335. Название заимствовано из оригинальной публикации.

Успехи индивидуальной психологии

Доклад, прочитанный в августе 1923 года на VII Конгрессе по психологии в Оксфорде; впервые опубликован: *Internationale Zeitschrift˙für Indiuidualpsychologie,* Jahrg. 2 (1923), Heft 1, S. 1-7 и Heft 3, S. 10-12.

Индивидуальная психология и наука

Впервые опубликовано: *Internationale Zeitschrift˙für Indiuidualpsychologie.* Jahrg. 5 (1927), S. 401-408.

Психология и медицина

Доклад, прочитанный в Академическом объединении медицинской психологии 20 октября 1927 года. Впервые опубликован: *Wiener Medizinische Wochenschrift,* Jahrg. 78 (1928), S. 697-700.

Индивидуальная психология и теория неврозов

Доклад, прочитанный в Объединении терапевтов и педиатров в Берлине 17 декабря 1928 года. Впервые опубликован: *Internationale Zeitschrift˙für Indiuidualpsychologie,* Jahrg. 7 (1929), S. 81-88.0

Отношения между неврозом и остроумием

По докладу, прочитанному в Международном объединении индивидуальной психологии в Вене; впервые опубликовано: *Internationale Zeitschrıft für Individual-psychologic.* Jahrg. 5 (1927), S. 94-96.

Смена невроза и тренировка во сне

Впервые опубликовано: *Internationale Zeitschrıft für Individualpsychologie,* Jahrg. 2 (1924), Heft 5, S. 5-8.

Опасности изоляции

Статья, специально подготовленная для журнала *«Zentralblatt für das Vor-mundschaftswesen»,* Heft 3, Jahrg. XV. (1923), S. 53.

Невроз и преступление

Впервые опубликовано: *Internationale Zeitschrıft für Individualpsychologie,* Jahrg. 3 (1925), S. **1-11.**

Эротическая тренировка и уход от эротики

Впервые опубликовано: M. Marcuse (Hrsg.): *Verhandlungen auf dem I. Inter-nationalen Kongreß für Sexualwissenschaft,* Berlin 1926, Band 3, Berlin/Köln (Verlag Marcus & Weber) 1928, S. 1-7.

Краткие заметки о разуме, интеллекте и слабоумии

Впервые опубликовано: *Internationale Zeitschrıft für Individualpsychologie,* Jahrg. 6 (1928), S. 267-272.

Теория сновидений в индивидуальной психологии

Впервые опубликовано: *Internationale Zeitschrıft für Individualpsychologie.* Jahrg. 5 **(1927), S. 241-245.**

Бессонница

Впервые опубликовано: *Individual Psychology Bulletin,* 2 (1944), S. **1—9.**

Критические размышления о смысле жизни

Впервые опубликовано: *Der Leuchter* Bd. 5 (1924), Verlag Reichl, Darmstadt, S. 343—350. Здесь печатается по редакции: *Internationale Zeitschrıft für Indivi-dualpsychologie,* Jahrg. 3 (1925), S. 93-96.

Брак как общественная задача

Впервые опубликовано: H. Keyserling (изд.): *Das Ehe Buch. Eine neue Sinngebung im Zusammenklang der Stimmen führender Zeilgenossen.* Celle (Verlag Kampmann) 192, S. 308-315.

Любовные отношения и их нарушения

Впервые опубликовано в 1926 году в издательстве Морица Перлеса (Вена/Лейпциг).

Трудновоспитуемые дети

Сокращенное воспроизведение доклада, прочитанного 3-го марта 1926 года в Хемнице с последующим обсуждением. Впервые опубликован: Otto Rühle/ Alice Rühle (Hrsg.): *Schwer erziehbare Kinder: eine Schriftenfolge.* Heft 1. Dresden (Verlag am Anderen Ufer) 1926, S. 9-40.

Воспитание мужества

Вступительная часть доклада, прочитанного на конференции Общества за новое воспитание в Локарно 5 августа 1927 года. Впервые опубликовано: *Internationale Zeitschrift für Indiuidualpsychologie.* Jahrg. 5 (1927), S. 324—326.

Психология власти

Впервые опубликовано: Franz Kobler (Hrsg.): *Gewalt und Cewaltlosigkeit: Handbuch des aktiven Pazifismus.* Zürich (Verlag Rotapfel) 1928, S. 41—46.

Большевизм и психология

Впервые опубликовано: *Internationale Rundschau* (Zürich), Jahrg. 4 (1918), S. 597—600. В новой расширенной редакции статья появилась: *Der Friede. Wochenschrift für Politik. Volkswirtschaft und Literatur* (Wien), Jahrg. 2 (1919), S. 525-529.